

ISSN 1818-9601 (Print)
ISSN 2541-8998 (Online)

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия: Социология. Политология

2022

Том 22

Выпуск 2

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Научный журнал
2022 Том 22

ISSN 1818-9601 (Print)

ISSN 2541-8998 (Online)

Издается с 2005 года

Серия Социология. Политология, выпуск 2

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962,
«Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Социология

Великий П. П., Заикин А. В. Сельская самозанятость: методические подходы к измерению и анализу 124

Ретинская В. Н., Мурзина И. А. Современные социальные технологии конструирования государственной идентичности молодежи: потенциал образно-символической информации 132

Лебедева Л. Г. Роль масс-медиа в социализации личности и поколений (по социологическим материалам) 139

Пашина Е. И., Бабаян И. В., Любимова А. Д. Ценности российской молодежи в социальном и этнокультурном контексте (на примере фокус-групп в Саратовской и Самарской областях) 145

Черевичко Т. В. Диаспора как институциональная структура современного общества 155

Темаев Т. В., Сынкина О. П., Хачатурян А. К. Социальное обслуживание пожилых граждан: взгляд получателей услуг 160

Бессчетнова О. В., Фомина С. Н. Расторжение брака в постковидный период: причины и последствия 166

Фадеев А. Ю. Мистическая религия и источники оккультизма в исследованиях Колина Кэмпбелла 173

Немерюк Е. Е., Власов Т. С. Концепция социальной стратификации в современной социологии 181

Слово молодым социологам

Никифоров Г. Я. Социологическая концептуализация патриотизма в ракурсе изучения эффективности молодежной политики 185

Политология

Шестов Н. И. «Левое» будущее России: рефлексии партийных теоретиков и электората 189

Головченко В. И. Идеологии или технологии: к вопросу о трактовках функциональности политических партий в современной России 199

Горбачев М. В., Бронников И. А., Гераскин И. И. Цифровые каналы коммуникации протестующих: национальная специфика и возможности межстранового функционирования 206

Шарапов А. В. Общественно-политическая активность молодежи Кемеровской области в 2000–2010-е гг. 215

Богданов А. В. Проблема оценки эффективности игровых технологий в рамках формирования политической культуры молодежи в современной России 221

Бурганова И. Н. Политические аспекты сопряжения проектов Экономического пояса Шелкового пути и Евразийского экономического союза для Российской Федерации 226

Слово молодым политологам

Хуажев А. А. Технологические средства анализа имиджформирующих политических медиатекстов: возможности и ограничения 232

Трушин М. С. «Левый» поворот Америки: новое поколение социалистов 237

Журнал «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Социология. Политология» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Запись о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76650 от 26 августа 2019 года

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (специальности: 22.00.03; 23.00.01; 23.00.03; 23.00.05; 23.00.06; 5.4.1; 5.4.4; 5.4.5; 5.4.6; 5.4.7; 5.5.2; 5.5.4)

Подписной индекс издания 36016. Подписку на печатные издания можно оформить в интернет-каталогах «Пресса России» (www.pressa-rr.ru), «Пресса по подписке» (www.akc.ru) и ГК «Урал-Пресс» (ural-press.ru). Журнал выходит 4 раза в год. Цена свободная. Электронная версия находится в открытом доступе (soziopolit.sgu.ru)

Директор издательства

Бучко Ирина Юрьевна

Редактор

Трубникова Татьяна Александровна

Художник

Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист

Агафонов Андрей Петрович

Верстка

Степанова Наталия Ивановна

Технический редактор

Каргин Игорь Анатольевич

Корректор

Трубникова Татьяна Александровна

Адрес учредителя, издателя

и издательства (редакции):

410012, Саратов, ул. Астраханская, 83

Тел.: (845-2) 51-45-49, 52-26-89

E-mail: izdat@sgu.ru

Подписано в печать 23.05.22.

Подписано в свет 31.05.22.

Формат 60×84 1/8.

Усл. печ. л. 14,18 (15,25).

Тираж 100 экз. Заказ 56-Т

Отпечатано в типографии Саратовского университета.

Адрес типографии:

410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2022

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал публикует научные статьи на русском и английском языках по направлениям: Социология, Политология, а также материалы в разделе Хроника. Ранее опубликованные статьи, а также работы, представленные в другие журналы, к рассмотрению не принимаются.

Рекомендуемый объем публикации – от 0,5 до 1 п.л. (20–40 тыс. знаков, включая пробелы).

Статья должна содержать аннотацию (300–800 знаков), ключевые слова (до 10 слов), сведения об авторе (место работы (учебы), электронный адрес) на русском и английском языках, ORCID. Статья должна быть тщательно отредактирована и оформлена строго в соответствии с требованиями журнала: текст в формате MS Word для Windows, через один интервал, с полями 2,5 см, шрифт Times New Roman, для основного текста размер шрифта – 14, для вспомогательного – 12. Сноски оформляются как примечания в конце статьи. Нумерация сносок через верхний индекс. Более подробная информация о правилах оформления статей приведена вместе со стилевым файлом и правилами рецензирования по адресу: <https://soziopolit.sgu.ru/dlya-avtorov>

Рукописи, оформленные без соблюдения настоящих правил, редакцией не рассматриваются.

Для публикации статьи автору необходимо представить в редакцию:

– текст статьи в электронном виде;

– сведения об авторе (на русском и английском языках): имя, отчество и фамилия, ученая степень и научное звание, должность, место работы (кафедра, организация), адрес электронной почты.

В редакции журнала статья подвергается рецензированию. Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде в течение трех недель.

Договор с автором заключается после получения положительной рецензии.

Статьи и сведения об авторах следует присылать в редколлегиям серии в электронном виде по адресу: BegininalA@info.sgu.ru (социология) и vil57@yandex.ru (политология).

Оригинал договора – почтой по адресу: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, социологический факультет, заместителю главного редактора журнала «Известия Саратовского университета. Серия Социология. Политология».

После выхода из печати номер журнала размещается на сайте по адресу: <https://soziopolit.sgu.ru>

Авторские экземпляры и рассылка журнала авторам статей не предусмотрена.

Материалы, отклоненные редколлекцией, не возвращаются.

CONTENTS

Scientific Part

Sociology

Veliky P. P., Zaikin A. V. Rural self-employment: Methodical approaches to measurement and analysis 124

Retinskaya V. N., Murzina I. A. Modern social technologies of constructing the state identity of youth: The potential of figurative and symbolic information 132

Lebedeva L. G. The role of mass media in the socialization of personality and generations (on the basis of sociological materials) 139

Pashinina E. I., Babayan I. V., Lyubimova A. D. Values of Russian youth in the social and ethno-cultural context (On the example of the focus groups in the Saratov and Samara regions) 145

Cherevichko T. V. Diaspora as an institutional structure of modern society 155

Temaev T. V., Synkina O. P., Hachaturyan A. K. Social services for senior citizens: The view of service recipients 160

Besschetnova O. V., Fomina S. N. Divorce in the post-Covid period: Causes and consequences 166

Fadeev A. Yu. Mystical religion and the sources of occultism in the research of Colin Campbell 173

Nemeryuk E. E., Vlasov T. S. The concept of social stratification in modern sociology 181

New Voices: Young Sociological Scientists' Research

Nikiforov G. Ya. Sociological conceptualization of patriotism from the perspective of studying the effectiveness of youth policy 185

Politology

Shestov N. I. The "left" future of Russia: Reflections of party theorists and the electorate 189

Golovchenko V. I. Ideologies or technologies: On the issue of interpretations of political parties' functionality in modern Russia 199

Gorbachev M. V., Bronnikov I. A., Geraskin I. I. Communication channels of protesters in the context of digital globalization: National specifics and opportunities for cross-country functioning 206

Sharapov A. V. Social and political activity of Kemerovo region youth in 2000–2010 215

Bogdanov A. V. To the issue of evaluating the effectiveness of gaming technologies within the formation of political culture of youth in modern Russia 221

Burganova I. N. Political aspects of the integration of the Silk Road Economic Belt and the Eurasian Economic Union projects for the Russian Federation 226

New Voices: Young Political Scientists' Research

Khuazhev A. A. Technological means of analyzing image-forming political media texts: Possibilities and limitations 232

Trushin M. S. America's left turn: A new generation of socialists 237

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ»**

Главный редактор

Ивченков Сергей Григорьевич, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Вилков Александр Алексеевич, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Бегинина Ирина Александровна, кандидат филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Баттерфилд Джим, доктор полит. наук, профессор (Каламазу, США)
Белозеров Василий Клавдиевич, доктор полит. наук (Москва, Россия)
Воробьев Владимир Павлович, доктор социол. наук, профессор (Пенза, Россия)
Голенкова Зинаида Тихоновна, доктор филос. наук, профессор (Москва, Россия)
Готлиб Анна Семеновна, доктор социол. наук, профессор (Самара, Россия)
Дудникова Елена Борисовна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Елютина Марина Эдуардовна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Казakov Александр Александрович, доктор полит. наук (Саратов, Россия)
Калинникова Марина Викторовна, доктор социол. наук (Саратов, Россия)
Комкова Галина Николаевна, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)
Кузнецов Игорь Иванович, доктор полит. наук, доцент (Москва, Россия)
Магомедов Арбахан Курбанович, доктор полит. наук (Ульяновск, Россия)
Никифоров Ярослав Александрович, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия),
Осадчая Галина Ивановна, доктор социол. наук, профессор (Москва, Россия)
Панкратов Сергей Анатольевич, доктор полит. наук, профессор (Волгоград, Россия)
Труханов Виктор Александрович, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)
Фадеева Ирина Михайловна, доктор социол. наук, профессор (Саранск, Россия)
Шахматова Надежда Владимировна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Шестов Николай Игоревич, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
"IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY.
SOCIOLOGY. POLITOLOGY"**

Editor-in-Chief – Sergei G. Ivchenkov (Saratov, Russia)

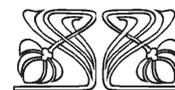
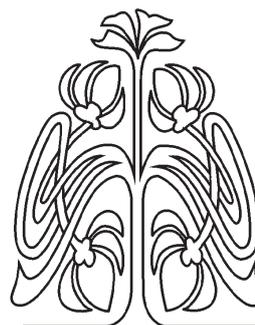
Deputy Editor-in-Chief – Aleksandr A. Vilkov (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Irina A. Beginina (Saratov, Russia)

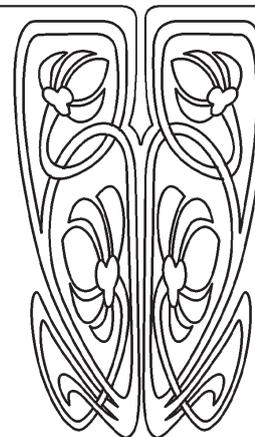
Members of the Editorial Board:

Gim Butterfield (Kalamazoo, USA)
Vasily K. Belozеров (Moscow, Russia)
Vladimir P. Vorobiev (Penza, Russia)
Zinaida T. Golenkova (Moscow, Russia)
Anna S. Gottlieb (Samara, Russia)
Elena B. Dudnikova (Saratov, Russia)
Marina E. Elutina (Saratov, Russia)
Alexander A. Kazakov (Saratov, Russia)
Marina V. Kalinnikova (Saratov, Russia)
Galina N. Komkova (Saratov, Russia)

Igor I. Kuznetsov (Moscow, Russia)
Arbakhhan K. Magomedov (Ulyanovsk, Russia)
Yaroslav A. Nikiforov (Saratov, Russia)
Galina I. Osadchaya (Moscow, Russia)
Sergey A. Pankratov (Volgograd, Russia)
Victor A. Trukhanov (Saratov, Russia)
Irina M. Fadeeva (Saransk, Russia)
Nadezhda V. Shahmatova (Saratov, Russia)
Nikolay I. Shestov (Saratov, Russia)

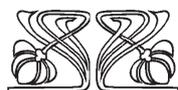
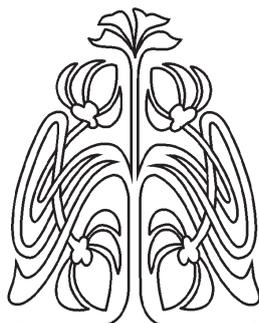

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

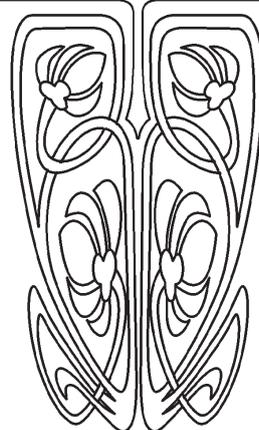

СОЦИОЛОГИЯ

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 124–131
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 124–131
<https://soziopolit.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-2-124-131>

Научная статья
УДК 316.3

Сельская самозанятость: методические подходы к измерению и анализу

П. П. Великий¹✉, А. В. Заикин²

¹Институт аграрных проблем – обособленное структурное подразделение Федерального исследовательского центра «Саратовский научный центр Российской академии наук», Россия, 410012, г. Саратов, ул. Московская, д. 94

²Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Московская, д. 164

Великий Петр Панфилович, доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник, velik69@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5104-2153>

Заикин Андрей Вениаминович, кандидат социологических наук, доцент кафедры менеджмента организации, andreyzaikin7@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4809-7553>

Аннотация. В статье представлен опыт применения теоретико-методологических средств и инструментов социологии для изучения процесса интеграции и дифференциации сельских жителей, складывающихся на базе семейного хозяйствования. Показано, что диапазон различий внутри акторов самозанятости определяется демографическим составом, производственным потенциалом подворья, ориентацией на развитие. Интеграция поддерживается сходством ценностей культуры. С позиции управленческой функции социологии изложены представления авторов о необходимости и возможности перехода субъектов семейного хозяйствования в статус формального фермерства.

Ключевые слова: семейная самозанятость, фермеры, аграрная экономика, сельское общество, смыслы, общение, семья.

Для цитирования: Великий П. П., Заикин А. В. Сельская самозанятость: методические подходы к измерению и анализу // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 124–131. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-2-124-131>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4,0 International (CC-BY 4.0)

Article

Rural self-employment: Methodical approaches to measurement and analysis

P. P. Veliky¹✉, A. V. Zaikin²

¹Agrarian Problems – Subdivision of the Federal State Budgetary Research Institution Saratov Federal Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 94 Moskovskaya St., Saratov 410012, Russia

²Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 164 Moskovskaya St., Saratov 410012, Russia

Peter P. Veliky, velik69@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5104-2153>

Andrey V. Zaikin, andreyzaikin7@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4809-7553>

Abstract. The article presents the experience of applying the theoretical and methodological means and tools of sociology to study the process of integration and differentiation of rural residents, taking place on the basis of family management. It is shown that the range of differences within the actors of self-employment is determined by the demographic composition, the production potential of the farmstead, and the orientation towards development. Integration is supported by the similarity of cultural values. From the point of the managerial function of sociology, the author's ideas about the need and possibility of the transition of family business entities to the status of formal farming are presented.

Keywords: family self-employment, farmers, agrarian economy, rural community, meanings, communication, family

For citation: Veliky P. P., Zaikin A. V. Rural self-employment: Methodical approaches to measurement and analysis. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 124–131 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-2-124-131>

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В пореформенное время, растянувшееся в сельских территориях России на 30 лет, изменились состав индивидуальных и коллективных акторов хозяйствования, демографическая и социально-профессиональная структуры, производственный потенциал и отношения распределения и обмена ресурсами. Взамен относительно однородной социальной структуры и рассредоточения работников между отраслями производства и социальной сферы появилось много лакун, где состав кадров резко сократился и/или стал неустойчивым. В первую очередь это относится к специалистам-технологам – агроному, зоотехнику, инженеру (большинство фермерских хозяйств обходится без них). Во многих селах, особенно мелких и средних, стали излишними учителя, фельдшеры, работники библиотек, клубов.

Вхождение деревни в начале 1990-х гг. в социально-экономический порядок, прежде всего в организации хозяйствования, было отягощено множеством нестыковок, которые не устранены до нынешнего времени, в распределении колхозно-государственной собственности, неспособности созданных новых укладов предоставить всем нуждающимся рабочие места и безучастность к этой проблеме государства.

Исследования в Ростовской, Тамбовской, Псковской областях показали, что положение сельского жителя на рынке труда крайне нестабильно: на 9000 постоянных работников приходится более 160 000 сезонных работников¹. Таковой ситуация была в РФ на начальном этапе реформирования аграрного сектора. Ничего не изменилось в лучшую сторону и к настоящему времени. Так, фермеры средних и мелких хозяйств, как правило, вообще не имеют в штате ни механизаторов, ни специалистов на постоянной основе, обходятся сезонными работниками. В результате рабочее время с полной оплатой зачастую длится не полный год, а 9% сельчан удаётся вообще поработать 6,9 месяца в году².

Все эти перемены происходят уже в наши дни, и, как следствие, аграрный труд сельских жителей по количеству занятых стоит лишь на четвертом месте (после строительства). Онаучивание сельского хозяйства уже в настоящее

время ведет к замене работников существующего уклада: корма животным на ферме раздает робот, на поля выходят легкие механизмы, двигаясь без водителя, они освобождают всходы культурных растений от сорняков, не уплотняя почву.

Ситуация соразмерности между темпами высвобождения человека села из трудовых процессов и его социальным положением в перспективе еще больше обострится, что будет препятствовать воспроизводству жителей села. Между тем 35% людей молодежных возрастов (что особенно важно) желают остаться в деревне и работать на земле, а 14% представляют свое будущее в образе компромиссного варианта (совмещение жизнедеятельности в селе и в городе)³.

Чем они могут заняться? Как может быть организован приток ресурсов для выживания их семей?

Высказывается много предположений на этот счет: обслуживание семейного туризма, работа на малых предприятиях, которые, возможно, вынесут на сельские территории крупные предприятия городов, дистанционная работа и др.

Однако многие из этих предложений неубедительны, потому что главное, в чем нуждается сельская семья, – это устойчивость жизненных правил и отношений. К сожалению, жизнь сельских сообществ протекает в режиме динамики уязвимости к устойчивости (*vulnerability and resilience approach*), что особенно резко проявилось в условиях пандемии COVID-19.

Тема трансформации индивидуальных и коллективных акторов деревни из советского социально-экономического порядка в новый, основанный на рынке, изучалась философами, экономистами, социологами и психологами, которые рассматривали специфику переходных состояний разных областей жизни села. Среди российских ученых это Т. И. Заславская, О. В. Нечипоренко, З. И. Калугина, Ч. И. Ильдарханова, А. М. Сергиенко, В. Г. Виноградский, П. П. Великий, В. И. Староверов, О. П. Фадеева, А. А. Хагуров.

В осмыслении генезиса самозанятости и перехода ее в формальную экономику актуальны

публикации Т. Шанина, который изучал сущностные черты образа русского крестьянства и предложил методику двойного рефлексирования, использование которой группой российских социологов под его руководством позволяло понять многие процессы преемственности крестьянского опыта выживания⁴.

Научный подход к исследованию деревни Т. И. Заславской с позиции экономико-социологических измерений ценен сбалансированным рассмотрением сопряжения материальных и социокультурных элементов жизненного пространства деревни⁵.

Среди зарубежных авторов одни считают, что для оптимизации жизненного уклада села нужно опираться на внутренние ресурсы – человеческие, культурные, природные⁶. Внутренние ресурсы сплочения сельских сообществ описал в категориях «наведения мостов» Р. Патнэм⁷. Другие авторы настаивают на целесообразности комбинирования эндогенных и экзогенных воздействий: внешней торговли и инвестиций, государственной помощи⁸. Многие западные исследователи перспективы жизни людей сельской местности уже не связывают с преимущественно аграрной занятостью, а сохранение человеческого потенциала ставят в зависимость от размещения за пределами городов объектов трудовой занятости, не имеющих отношения к сельскому хозяйству⁹.

Группа семей, избранная для изучения, – это семейные хозяйства товарного типа, логика саморазвития которых – перейти из статуса предфермера в формальный фермерский уклад. Сложнее их отделить от самозанятых, манифестация статуса которых проведена государством в 2018 г. Принятый в 2018 г. Федеральный закон о самозанятости¹⁰ вызвал много вопросов у хозяев сельских подворий. Дело в том, что все каналы, используемые сельской семьей для получения благ, помимо труда в сельскохозяйственных организациях, неустойчивы, нестабильны, ненадежны во временном измерении. Занимаясь пчеловодством, собирая дикоросы или выращивая скот мясных пород на продажу, никто не может быть уверенным, что каждый репродукционный круг (года, сезона или месяца) будет идентичен предыдущему. Причисление акторов сельского семейного хозяйствования к самозанятым противоречит их реальному положению. Ведь самозанятые – это индивиды, выполняющие работы или оказывающие услуги посредством применения своих навыков и умений в результате непосредственного договора с заказчиком. Достаточная база для такого рода трудовых отношений есть в городе, на селе она почти отсутствует. Хотя отдельные члены

сельских семей могут быть репетиторами, нянями или сиделками, но это не та деятельность, которая может стать решающим делом семьи, обеспечивающим выживание.

Самостоятельно хозяйствующие сельские семьи отличаются от городских самозанятых по тесноте включенности в социальную среду. Действуя внутри сельских сообществ автономно, они, тем не менее, придерживаются этоса, который базируется на самоочевидных нравственных принципах крестьянской солидарности. Выбор степени самостоятельности хозяйствования определяется здравым смыслом. Если семья состоит из нескольких трудоспособных, то используется частичное совмещение: одни состоят в штате ООО или у фермера, другие заняты только в семейном хозяйстве. Автономность и независимость самостоятельно хозяйствующих акторов проявляется и в процессах обмена благами с внешними контрагентами, что связано со свободой выбора, многократно возросшей по сравнению с эпохой дефицита (Я. Карнаи).

Все это дало основание для уточнения понятия автономности, схватывающего смысловую специфику самозанятости, введения его как ключевого термина в название группы¹¹.

Группа внутри сельских сообществ, выделяющаяся по уровню благополучия, отсутствует в статистических источниках. Хотя удельный вес ЛПХ по критерию товарности известен, он мало что дает для определения генеральной совокупности и выборки.

Для реализации целей исследования использована и федеральная статистика, а также методика измерения, опирающаяся на принцип модального подхода к разъединению объектов по расстоянию между ними. В результате установлены рубежные величины каждого вида ресурсов (всего 43), которые у одних групп подворий были близки, у других отличались в большей или меньшей степени. С помощью экспертного подсчета величины товарности установлены сопоставимые ресурсы. Например, доход от 4 коров эквивалентен доходу от 4 и более свиней, от 20 кроликов или наличия земельного участка более 30 соток и др.¹².

Попытки социолога, появившегося в конкретном селе, выяснить у служащего поселкового муниципального образования количество товарных ЛПХ оказались безуспешными. Этот вопрос к жителям села вызвал бы недоумение. Гораздо понятнее им вопрос «Кто хорошо живет в вашей деревне?», им мы и воспользовались, добавив к нему собственные наблюдения: обустроенная усадьба, на подворье скот, птица, имеется автомобиль, другая техника. Именно

из этих акторов сформировалась группа, которая характеризует образ ее смыслов и действий. «Остальные» тоже включались в выборку, с учетом производственного потенциала подворья и занятости в сельскохозяйственных организациях.

Отбор единиц наблюдения обеих групп предполагал:

- соблюдение пропорций ведущей группы акторов, учитывая, что она составляет до 10–15% домохозяйств конкретного поселения;

- отбор сел, в которых есть предпосылки для возникновения и функционирования этой группы (в малолюдных деревнях глубинки, удаленных от городов и транспортных магистралей, их почти нет).

Отбор респондентов второй группы определялся следующей логикой:

- их число должно быть равным или несколько большим, чем в первой группе (чтобы при кодировании исключить явно нетипичных респондентов);

- недопустимо произвольное включение их в массив анкетирования; нужно учесть перспективу развития семейного хозяйства: лица, имеющие особо плотный режим профессиональной деятельности (врачи, учителя, библиотекари должны быть исключены из выборки респондентов);

- преимущество в отборе имеют семьи относительно полные, включая детей и лиц старшего поколения, в которых все или часть взрослых работают по найму у фермеров или в сельскохозяйственных организациях других укладов.

С учетом только что сказанного для опроса было взято 97 сел в Саратовской области и Республике Татарстан. Анкета включала 110 вопросов, часть из которых предназначались

для бесед с респондентами по методикам качественного исследования. Выборка квотно-гнездовая, репрезентативная по половозрастной структуре жителей (от 18 до 70 лет) средних и крупных сел, а также с учетом зоны проживания – ближняя, средняя и дальняя периферия – по удаленности от областного центра.

Важным моментом отработки методических подходов к иерархии внутри группы успешных хозяйев подворий является выбор индикаторов масштабирования их хозяйственной деятельности. Исследование данного аспекта прошло в два этапа.

Вначале было выдвинуто предположение, что подгруппы внутри успешных хозяйев наилучшим способом характеризуются состоянием накопленного производственного потенциала подворья, который включал: ответы о наличии предметов хозяйственного назначения, самооценку респондентов возможности их приобретения, использования ресурсов местных сельскохозяйственных организаций, товарности и др. Список состоял из 43 реально возможных благ, необходимых для успешного хозяйствования. Респондент попадал в ту или иную группу в зависимости от наличия благ, свидетельств о своей деятельности и намерениях, от наличия хозяйственных построек и технических средств, объема приобретенных ресурсов у местных крупхозов, видов и величины продаж выращенной продукции, возможности расширить семейное хозяйство и др. Сумма ответов каждого респондента выводила его на более или менее высокое место успешности¹³. Все это оценивалось как ресурс эффективности семейной экономики. Полученные суммы ответов, сгруппированные в 5-балльную шкалу, дали распределение на группы высокого и обычного производственного потенциала (табл. 1)¹⁴.

Таблица 1

Распределение ЛПХ по интегральной оценке успешности, %

Интегральный показатель потенциала ЛПХ	Группа 1, высокий потенциал	Группа 2, обычный потенциал
Наибольший потенциал	15,3	1,7
Выше среднего	22,9	9,5
Средний	28,2	19,5
Ниже среднего	20,6	30,2
Наименьший потенциал	13,0	39,1

Примечание. Наивысший потенциал и выше среднего характеризуется 5–3 баллами, остальные 2–1 баллами.

Учитывалась и общая активность по получению ресурсов: взаимодействие с местными сельскохозяйственными организациями (приобретение кормов, стройматериалов, аренда техники), непосредственная занятость и вхождение в штат одного-двух членов семьи.

Дифференциация подгрупп при таком подходе имеет довольно четкие границы (табл. 2).

Как следует из данных табл. 2, число предметных, вещественных индикаторов и поведенческих, отражающих объективные и субъективные факторы функционирования хозяйства, почти равно.

Таблица 2

Группы индикаторов хозяйствования сельских семей

Предметные, вещественные	Деятельные, поведенческие, смысловые
Характеристики хозяйства сельских подворий Наличие специализированных вспомогательных помещений Использование технических средств, профессиональных орудий труда Применение в хозяйстве современных, передовых технологий и препаратов Сбережение денежных средств на развитие хозяйства	Перспективы ведения ЛПХ Достижение ожидаемых успехов в ведении ЛПХ Динамика изменения материального положения сельских семей, ведущих ЛПХ Уровень удовлетворенности жизнью сельских семей, ведущих ЛПХ Помощь членов семьи в ведении ЛПХ Уровень продажи собственной произведенной продукции

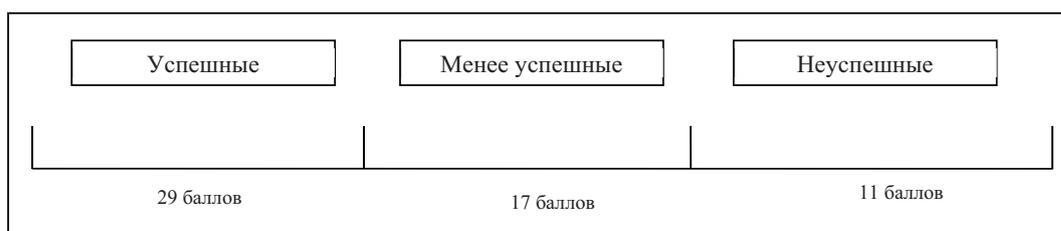
На втором этапе из числа опрошенных были выделены по 20 глав семейных хозяйств из каждого региона Московской, Омской и Саратовской областей для углубленного интервьюирования и включенного наблюдения, которые показали, что зафиксированный при первом массовом опросе уровень производственного потенциала изменился: в одних семьях повысился, в других стал ниже. Кроме того, часть семей сельских сообществ, попавших при массовом опросе в число неуспешных, демонстрировали рост производственного потенциала, соизмеримый с высшей или средней группой успешных. Это вызывало необходимость корректировки методических подходов. Структурирование группы успешных, исходя из величины производственного потенциала, взятого в статичном измерении, было недостаточным. Внутренние подгруппы оказались излишне дробными. В реальности эти группы порой меняются местами: акторы с высшим потенциалом подворья могут опуститься в низшую группу. Одновременно часть неуспешных, обычных хозяев подворий, наоборот, обладая мобильностью, становятся равными низшим группам успешных, а могут и превзойти их.

Мы не отказались от измерения набора элементов подворья и даже расширили его. Например, при первой обработке был исключен молодняк домашних животных как не достигший должной товарности и только «утилизирующий» корма.

Соответственно данной коррекции методики сделана переоценка (путем присвоения баллов) всей совокупности элементов производственно-

го потенциала и введен новый индикатор – ориентация семьи на развитие семейного хозяйства.

Сохраняя общие принципы подхода к дифференциации семейных хозяйств, высшая группа остается как категория *успешных с устойчиво развивающимся хозяйством*. Оставшиеся в сельском сообществе семьи, также ведущие личное подсобное хозяйство, идентифицировались как *менее успешные и неуспешные*. По каждому фактору сельской семье, участвовавшей в опросе, присваивались 2 или 3 балла за наличие признаков успешности хозяйствования и 1 балл при их отсутствии. Далее все баллы, полученные сельскими семьями, суммировались. В итоге получен континуум успешности и устойчивости развития хозяйства, который описывает возможное размещение сельских семей по достигнутому результатам хозяйствования при получении 29 (максимум), или 11 (минимум) баллов. В первую категорию, успешные хозяева сельских подворий с высоким потенциалом устойчивого развития, попали семьи, которые набрали от 24 до 29 баллов. Вторую категорию, менее успешных с элементами стабильности и восходящего развития, составили семьи, сумма баллов которых находилась в диапазоне от 18 до 23 баллов. В третью категорию, неуспешные, вошли сельские семьи, набравшие в сумме от 11 до 18 баллов. Зафиксированные факторы успешности носят динамический характер, поскольку семьи могут перемещаться вдоль данного континуума, демонстрируя восходящий или нисходящий тренд успешности и устойчивости развития своего хозяйства (рисунок).

Дифференциация состава сельских семей по критерию успешности

Данные табл. 3 свидетельствуют о том, что по критерию успешности значительная часть сельских семей, в соответствии со скорректированной методикой измерения, должна перейти в более высокую группу. Они обладают высоким потен-

циалом устойчивого развития своего хозяйства, имеют все необходимые ресурсы, о чем свидетельствуют ориентиры на приобретение предметов домашнего обихода, культуроваров, автомобилей, накопления денежных сбережений и т.п.

Таблица 3

Дифференциация состава сельских семей по критерию успешности ведения личных подсобных хозяйств в соответствии со скорректированной методикой измерения, %

Индикаторы успешности	Полностью успешные и менее успешные хозяева (по 2 или 3 балла по каждому фактору)	Неуспешные (по 1 баллу по каждому фактору)
Характеристики хозяйства сельских подворий	30,0	70,0
Использование технических средств, профессиональных орудий труда	88,2	10,9
Наличие специализированных вспомогательных помещений	93,6	5,5
Использование в хозяйстве современных, передовых технологий и препаратов	38,2	51,8
Перспективность ведения ЛПХ	43,6	52,6
Возможность сбережения денежных средств на развитие хозяйства	41,4	43,7
Достижение ожидаемых успехов в ведении ЛПХ	66,4	30,9
Уровень продажи собственной произведенной продукции	75,5	24,5
Динамика изменения материального положения сельских семей, ведущих ЛПХ	78,2	21,8
Уровень удовлетворенности жизнью сельских семей, ведущих ЛПХ	39,1	60,9
Помощь членов семьи в ведении ЛПХ	58,2	40,9

Оценивая свои материальные возможности, опрошенные посчитали, что за счет автономного хозяйствования им доступны: постройка дома (29,2%), приобретение автомобиля (27,5%), трактора и грузового автомобиля (13,8 и 10,0% соответственно), отложить сумму за год в пределах 100–150 тыс. руб. (38,5%). Еще одним свидетельством оптимистической оценки личного благополучия являются расходы опрошенных на разные события, предполагающие финансовые затраты (свадьбы, проводы в армию, юбилеи, приобретение жилья детям). Половина респондентов отметили, что от 50 до 80% от общей стоимости «мероприятия» профинансированы за счет семейного

хозяйствования. Кредитами банков пользуются 60,8% опрошенных. Откладывали сбережения, сумма которых варьировалась от 10 000 рублей до 300 000 руб., 41,4% опрошенных, половина сельских семей откладывали до 60 000 руб. в год.

Каналы поступления ресурсов для указанных выше приобретений, продажа агропродукции (табл. 4), могут служить индикаторами масштабов семейного хозяйствования и его общественной пользы. Семья, ведущая такое хозяйство, как правило, производит в 8–10 раз больше продукции, чем ей требуется для собственного потребления, остальное через рынок попадает большому числу потребителей.

Таблица 4

Распределение видов продаваемой сельхозпродукции, %

Виды продукции	Успешные и менее успешные хозяева	Неуспешные хозяева
Масло	34,4	11,8
Молоко	64,1	29,6
Сметана	48,1	15,4
Яйца	57,3	36,1
Шерсть	14,5	7,7
Шкуры	62,6	33,7
Мясо, сало	31,3	22,5
Картофель	32,1	23,1
Органические удобрения	16,0	6,5

В составе 25,7% домохозяйств выборочной совокупности один-два члена семей работают на местных сельскохозяйственных предприятиях, что повышает доступ к производственным ресурсам, необходимым для ведения личного подсобного хозяйства. Однако расчеты показывают, что если нет семейного хозяйства, то общая трудовая занятость не обеспечивает хорошего уровня жизни сельской семьи.

Достижение хозяйственных успехов обусловлено наличием в составе домохозяйств родителей-пенсионеров, но они незначительны. Основная нагрузка ложится на молодых, 30–50-летних членов семьи. Наличие детей-студентов в составе домохозяйства также является фактором роста семейных хозяйств, стимулирует активность членов семьи для получения дополнительных доходов, необходимых для финансирования образования детей и их проживания в городе. Наибольшее влияние на размер и структуру семейного хозяйства оказывает наличие в семье членов экономически активного возраста.

Методика изучения феномена смыслов жизнедеятельности должна учитывать и «нелогичность» поведения сельских семей. Иногда респондент, высказывая соображения, почему трудно удерживать достигнутый уровень потенциала хозяйства, тем не менее, не допускает возможности его уменьшения. Например, имея на подворье четыре-пять коров, он предпочитает при изменившихся условиях вообще их ликвидировать, вместо того чтобы сократить до одной-двух. И социологу, только обсуждая проблему совместно с респондентами, становится понятно: при резком уменьшении числа животных расходы на их содержание превышают доходы от них. Поэтому оценка предметной среды хозяйственной деятельности одновременно служит индикатором смысла и результата активной жизнедеятельности.

Итак, подводя итоги, скажем, что в современной социохозяйственной ситуации самозанятость и ее многие акторы, ранее фигурирующие как элементы теории социальной структуры, уже приобрели свое лицо, юридический статус и активно функционируют как в городах, так и между городом и деревней.

Группа более успешно хозяйствующих семей, чем основная масса членов сельского сообщества, хотя и обладает признаками релевантности, но у нее больше предпосылок для сохранения устойчивости.

Методология и методика изучения внутренней структуры семей, в большей или меньшей степени включенных в самостоятельное хозяйствование, позволяет полнее оценить их потенциал и перспективы.

Так, высшая группа (успешные хозяйства сельских подворий) по отдельным проявлениям четко выделяется из общей структуры современ-

ного крестьянства. Опираясь на данные эмпирического изучения, мы обнаруживаем и размытость границ формирующейся группы. Ее члены могут восходить к некоему высшему и могут возвращаться к исходному уровню.

Повторная проверка гипотез показала преимущество периодического возврата к объекту исследования, который на первый взгляд кажется статичным. В реальности хозяйственная самодетельность семьи, как и она сама, находится в динамике. На прожективный вопрос об открывшейся возможности трудоустройства на предприятие с хорошей зарплатой (40–50 тыс. руб.) отказались бы 44,3% и согласились 35,1% успешных. Среди неуспешных: отказались 24,2%, согласились 42,4%. При этом 22,0% последних сократили бы семейное хозяйство, 18,8% отказались от него совсем. Успешные больше ценят автономное хозяйствование, но и среди них доля допускающих отказ от него составляет 14,0%. Прожективные вопросы – это смысловая оценка возможных ситуаций, а не реальное поведение. Тем не менее, по ним можно судить об устойчивости/неустойчивости процесса формирования групп-доменов в структуре сельских жителей.

Методики, примененные в нашем случае, хотя и позволяют обнаружить границы между успешными, менее успешными и обычными подгруппами внутри аграрного населения, однако не дают оснований для утверждения, что мы имеем дело с реальными протогруппами новой стратификации. Отсутствие четких границ, отделяющих группу успешных хозяев от остальных, не позволяет распространить на нее критерии и признаки социальной стратификации. Вместе с тем она обладает и признаками, присущими гомогенным группам социальной структуры, таким как собственность, статус, квалификация¹⁵, что открывает ей возможность перехода в фермеры, социальную группу, имеющую организационно-правовую институализацию. Пока успешные хозяева подворий, сталкиваясь с множеством препятствий, в основном бюрократических, слабо используют эту возможность. Однако других ресурсов для воспроизводства глав фермерских хозяйств в деревне нет. Фермеры стареют (более половины из них старше 60 лет) и, теряя энтузиазм, отдают свои земли в аренду или продают крупным землевладельцам. Данная тенденция ведет к сокращению пространства самозанятости сельского населения. Между тем именно самозанятость в условиях вытеснения сельских жителей из формальных организаций со временем может стать, вероятно, единственным институтом компенсации грозящей опасности подрыва устойчивости жизни в сельских территориях.

Главной особенностью группы успешных хозяев автономного сельского хозяйствования является ее самовозникновение и воспроизвод-

ство. И это придает ей статус самостоятельности и некоторой суверенности, которая ограничивает пределы внешнего вмешательства, даже позитивного. Когда возникает дефицит каких-либо специалистов в различных областях народного хозяйства и социальной сферы, то исправление ситуации довольно просто: нужно создавать новые вузы и колледжи (или открывать дополнительные факультеты в имеющихся учебных заведениях), и через несколько лет нужные кадры появятся. Останется только стимулировать их, чтобы они заполнили незанятые вакансии.

Совсем иначе обстоят дела с формированием группы акторов самозанятости. В их состав нельзя назначить специалиста, а тем более главу фермерского хозяйства. Важнейшим рычагом стратегии для поддержки восходящего развития может стать щадящая налоговая нагрузка. Пока смысл налога на самозанятых связан с фискальными целями. Но, как мы пытались показать, успешные хозяева сельских подворий заслуживают более широкой социальной оценки. Почему бы по отношению к успешным хозяевам подворий, которых можно рассматривать как ядро стабильности сельских сообществ, не оставить налогообложение как с обычных ЛПХ?

И это не частная проблема небольшой доли российских крестьян, выделившихся из однородной безынициативной среды. В глобальном измерении мир стоит перед новыми вызовами, и его будущее, по словам известного экономиста Гжегожа Колодко, окажется в руках крупных корпораций, которые, как и сегодня, будут пытаться ускользнуть из-под влияния государства. Поэтому усилия по регулированию поведения транснациональных корпораций – пространство одной из главных институциональных битв будущего¹⁶. Современная жизненная среда села подавлена экономикой, организуемой крупными корпорациями. Агрохолдинги не только поглощают сельскохозяйственные организации корпоративно-долевых укладов, но и определяют различные ограничения: запрет содержания на подворье отдельных видов животных, сокращение возможности прогона скота, оказывают негативное влияние на технологию сбыта сельскими семьями продукции.

В России группы самозанятых, включая, помимо фермеров, успешные семейные хозяйства, следует оценивать с позиции не только экономической, но и важнейшей социальной, связанной с устойчивостью сельских территорий.

Примечания

¹ См.: Серова Е. Комментарии к статье «Закадрили» // Агробизнес. 2003. № 3. С. 52.

² См.: Смыслы сельской жизни (Опыт социологического анализа) / под ред. Ж. Т. Тощенко. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2016. С. 311.

³ Там же. С. 233, 244.

⁴ См.: Рефлексивное крестьяноведение: Десятилетие исследований сельской России / под ред. Т. Шанина [и др.]. М.: МВШСЭН; РОССПЭН, 2002. 588 с.

⁵ См.: Россия, которую мы обретаем / отв. ред. Т. И. Заславская, З. И. Калугина. Новосибирск: Наука, 2003. 728 с.

⁶ См.: Ploeg J. D., Renting H., Brunori G. Rural Development: From Practices and Policies Towards Theory // Sociologia Ruralis. 2000. Vol. 40, № 4. P. 391–408. <https://doi.org/10.1111/1467-9523.00156>

⁷ См.: Patnam R. D. Bowling Alone. The Collapse and Revival of American Community. New York: Simon and Schuster Paperbacks, 2000. 541 p.

⁸ См.: Lowe P. European agricultural and rural development policies for the 21st century // A New Rural Agenda / ed. by J. Midgley. London: IPPR, 2006. P. 29–45.

⁹ См.: Richardson T. Discourses of rurality in EU spatial policy: The European spatial development perspective // Sociologia Ruralis. 2000. Vol. 40, № 1. P. 53–71. <https://doi.org/10.1111/1467-9523.00131>; Saraceno E. Recent trends in rural development and their conceptualization // Journal of Rural Studies. 1995. № 10. P. 321–330.

¹⁰ См.: О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» в городе федерального значения Москве, в Московской и Калужской областях, а также в Республике Татарстан (Татарстан): федер. закон от 27.11.2018 г. № 422-ФЗ. URL: <http://pravo.gov.ru/search/index.html> (дата обращения: 11.11.2018).

¹¹ См.: Великий П. П., Великая Н. М. Акторы сельского автономного семейного хозяйствования: смыслы и результаты // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14, № 4. С. 201–215. <https://doi.org/10.15838/esc.2021.4.76.12>

¹² Более подробное описание методов установления веса ресурсов подворья см.: Великий П. П., Шабанов В. Л. Хозяйственно-экономические и социокультурные основания социальной дифференциации сельских жителей // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология: Политология. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 250–256. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-3-250-256>

¹³ См.: Великий П. П. Хозяева сельских подворий: дифференциация, проблемы, будущее // Социологические исследования. 2019. № 12. С. 50. <https://doi.org/10.31857/S013216250007734-0>

¹⁴ Там же. С. 51

¹⁵ См.: Шкаратан О. И., Ястребов Г. А. Выделение реальных (гомогенных) социальных групп в Российском обществе: методы и результаты // Прикладная экономика. 2007. № 3. С. 95–118.

¹⁶ См.: Колодко Г. В. Куда идет мир: Политическая экономика будущего / пер. с пол. Ю. Чайникова. М.: Магистр, 2014. С. 152.

Поступила в редакцию 14.02.2022; одобрена после рецензирования 18.02.2022; принята к публикации 22.02.2022
The article was submitted 14.02.2022; approved after reviewing 18.02.2022; accepted for publication 22.02.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 132–138

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 132–138

<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-2-132-138>

Научная статья

УДК 316.61

Современные социальные технологии конструирования государственной идентичности молодежи: потенциал образно-символической информации

В. Н. Ретинская ✉, И. А. Мурзина

Пензенский государственный университет, Россия, 440026, г. Пенза, ул. Красная, д. 40

Ретинская Вера Николаевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры государственного управления и социологии региона, bvnp@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0425-4046>

Мурзина Ирина Александровна, кандидат социологических наук, доцент кафедры государственного управления и социологии региона, mirgmu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7791-4378>

Аннотация. Статья посвящена месту образно-символических элементов современного информационного пространства в процессе конструирования государственно-гражданской идентичности российской молодежи. Анализируются опасности, угрожающие данному процессу и связанные с «цифровизацией» современного общества. Показано, что образно-символические компоненты российской культуры обладают значительным социально-технологическим потенциалом с точки зрения решения проблемы нивелирования либо компенсации тех тенденций в интернет-пространстве, которые представляют угрозу для воспроизводства позитивной государственной идентичности молодежи. Поднимается вопрос о необходимости модификации содержания и форм информационной политики в данной сфере. Особое внимание уделяется перспективам «образного наполнения» таких форм информационного влияния на молодежь, как компьютерные игры и социальная реклама.

Ключевые слова: государственно-гражданская идентичность, молодежь, цифровизация, образ, образно-художественное воздействие, социальные технологии

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Экспертного института социальных исследований (проект № 21-011-31769).

Для цитирования: Ретинская В. Н., Мурзина И. А. Современные социальные технологии конструирования государственной идентичности молодежи: потенциал образно-символической информации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 132–138. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-2-132-138>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Modern social technologies of constructing the state identity of youth: The potential of figurative and symbolic information

V. N. Retinskaya ✉, I. A. Murzina

Penza State University, 40 Krasnaya St., Penza 440026, Russia

Vera N. Retinskaya, bvnp@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0425-4046>

Irina A. Murzina, mirgmu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7791-4378>

Abstract. The article considers the place of figurative and symbolic elements of modern information space in the process of constructing the state-civil identity of Russian youth. The dangers threatening this process and related to the “digitalization” of modern society are analyzed. It is shown that the figurative and symbolic components of Russian culture have significant socio-technological potential in terms of solving the problem of leveling or compensating for those trends in the Internet space that pose a threat to the reproduction of positive state identity of young people. The question of the need to modify the content and forms of information policy in this area is raised. Particular attention is paid to the prospects of “imaginative content” of such forms of informational influence on young people as computer games and social advertising.

Keywords: state-civil identity, youth, digitalization, image, figurative and artistic impact, social technologies

Acknowledgements: This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research and Expert Institute for Social Research (project No. 21-011-31769).

For citation: Retinskaya V. N., Murzina I. A. Modern social technologies of constructing the state identity of youth: The potential of figurative and symbolic information. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 132–138 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-2-132-138>

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В условиях происходящих трансформационных и модернизационных процессов особую актуальность приобретает проблема формирования социальной идентичности молодежи, в том числе конструирования ее государственно-гражданской идентичности. Большинство проблем социального, политического, профессионального, культурного плана, встающих перед молодыми людьми, в конечном счете проявляется именно в сфере формирования идентичности, которая, безусловно, является важнейшим элементом субъективной реальности. Присущий современным реалиям жизненный динамизм побуждает современное молодое поколение адаптироваться к быстрым трансформациям социально-экономического и культурно-ценностного пространства, вырабатывать свои убеждения и ценности, находиться в постоянном поиске новых форм идентичности. Как подчеркивают М. К. Горшков и Ф. Э. Шереги, «отсутствие ... устойчивого мировоззрения, ясного образа модели государства в массовом сознании молодежи, – ведет к конфликтности ее поведения, напряжениям во взаимоотношениях с социальными институтами»¹.

В условиях цифровизации и глобализации современного мира национальные приоритеты развития Российской Федерации предполагают рассмотрение вопросов государственно-гражданской идентичности молодежи с позиции стратегических ориентиров. Решение задачи конструирования ценностно-смыслового содержания государственно-гражданской идентичности молодежи должно носить системный и комплексный характер. При этом формирование государственно-гражданской идентичности требует определенного набора механизмов, позволяющих влиять на молодое поколение через реализацию информационной, культурной и образовательной политики с целью развития гражданственности и патриотизма, в том числе усилив ее образно-символический потенциал.

В Основах государственной молодежной политики РФ на период до 2025 года говорится о необходимости выработки в молодежной среде приоритета национально-государственной идентичности, воспитания чувства гордости за Отечество². Согласно Федеральному закону «О молодежной политике в Российской Федерации» и Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, воспитание гражданственности и патриотизма выделяется в качестве базового направления реализации как молодежной политики, так и государственной национальной политики Российской Федерации, в том числе и как эффективный инструмент профилактики

экстремизма³. При этом в качестве основных механизмов, направленных на формирование и укрепление государственно-гражданской идентичности в молодежной среде, данные документы выделяют следующие:

– разработку и реализацию различного уровня и статуса программ и проектов, в том числе и на уровне субъектов РФ;

– совершенствование условий для осуществления образовательного и воспитательного процессов в образовательных организациях общего, средне-профессионального и высшего образования, в том числе посредством включения в учебные планы дисциплин, направленных на воспитание традиционных российских духовно-нравственных ценностей, формирование у российской молодежи на всех этапах образовательного процесса государственно-гражданской идентичности, в основе которых лежат гражданское самосознание, патриотизм и чувство гордости за отечественную историю;

– системную поддержку общественных инициатив, направленных на формирование активной гражданской позиции и укрепление государственно-гражданской идентичности в молодежной среде;

– формирование информационного поля, повышение эффективности использования информационной инфраструктуры в интересах воспитания патриотично настроенной молодежи с независимым мышлением, обладающей созидательным мировоззрением⁴.

Вышеуказанные механизмы реализуются через ряд социальных и образовательных технологий, большая часть которых центрируется вокруг системы воспитания государственно ориентированной личности в условиях разнонаправленности информационного воздействия на общественное сознание, в том числе с учетом эскалации пропагандистских войн. Речь идет, прежде всего, о реализации Федерального проекта «Патриотическое воспитание», в ходе которого к концу 2024 г. не менее 24% граждан РФ должны быть вовлечены в систему патриотического воспитания⁵. Следует отметить, что данный проект в большей степени направлен на формирование общероссийской гражданской идентичности в детском и подростковом возрасте (первичная социализация) и в меньшей степени – на сферу вторичной социализации молодежи. Последняя выстраивается по большей части в контексте политики исторической памяти и соответствующей популяризации историко-культурных, природных и иных символов и образов России. Все это предполагает использование возможностей различных социальных технологий⁶.

Однако в отечественной социально-управленческой практике до сих пор отсутствует концептуальное видение решения данной проблемы. В частности, как показывает практика, символический аспект указанных проблем сильно заформализован. В первую очередь, он сконцентрирован на придании символам особого статуса посредством утверждения государственной официальной символики (герб флаг, гимн, георгиевская лента, Знамя Победы и др.), государственных праздников (День народного единства, День Победы, День защитника Отечества, День России) и государственных наград (за выдающиеся заслуги перед Отечеством в том числе в различных областях). Между тем система культурных символов включает в себя особую группу *символов-образов*, воплощающих социальные ценности в единичных (уникальных) художественных формах. Важным преимуществом таких символов является возможность их влияния на сам процесс формирования социальной идентичности, а не просто на закрепление и «рутинизацию» уже усвоенных фрагментов идентификационной иерархии⁷.

Следует отметить, что в современном информационном пространстве, особенно сильно влияющем на вторичную социализацию подрастающего поколения, преобладают социально-конструктивистские модели формирования государственно-гражданской идентичности, ориентированные на презентацию определенной картины социальной (в том числе исторической) реальности, соответствующей системе социально одобряемых ценностей. Это особенно сильно проявляется в увеличении количества различных ток-шоу социально-политической направленности, транслируемых большинством центральных ТВ-каналов. Видимо, российские медиа-элиты предполагают, что информационное преобладание «официальных» интерпре-

таций социальной реальности позволяет почти полностью исключить вероятность формирования девиантных вариантов социальной идентичности в массовом масштабе: даже элементы дискуссии в современных ток-шоу неявно режиссируются так, чтобы официальная точка зрения выглядела наиболее привлекательной.

Между тем надежды на «монополию интерпретаций» становятся менее обоснованными в условиях постоянного роста информационной роли Интернета, где контент интерпретаций социальной реальности поддается контролю с гораздо большей трудностью, а возможность влияния на него со стороны различных зарубежных социально-политических субъектов возрастает.

Ограниченная эффективность социально-конструктивистских технологий влияния на общественное сознание проявилась, в частности, в ходе коронавирусной пандемии, когда активная агитация за вакцинацию в «классических» СМИ не смогла победить массовый скептицизм и антивакцинную пропаганду, транслируемую через Интернет.

Для эмпирического анализа влияния цифровизации социального пространства на формирование государственной идентичности молодежи в сентябре–октябре 2021 г. с участием авторов был проведен массовый социологический опрос. Исследование проводилось на территории трех регионов: г. Москва, Саратовская и Пензенская области. В опросе приняли участие 1000 респондентов из субъектов Федерации с разным уровнем социально-экономического развития и цифровой инфраструктуры.

При ответе на вопрос «Насколько часто Вы пользуетесь Интернетом (кроме пользования мессенджерами)?» около половины опрошенных выбрали ответ «более пяти часов в сутки». Лишь 6,8% респондентов проводят в сети Интернет менее одного часа в сутки (рис. 1).

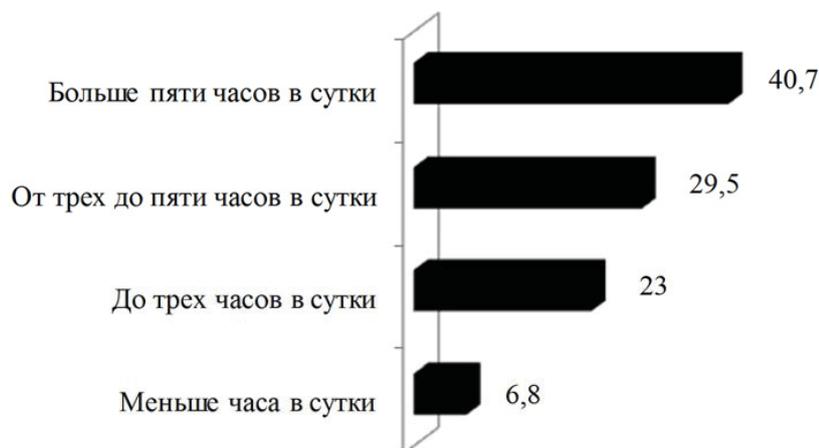

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Насколько часто Вы пользуетесь Интернетом (кроме пользования мессенджерами)?», %

Примечательно, что проведенное исследование не показало существенных различий в уровне

интернет-активности среди провинциальной и столичной молодежи (табл. 1).

Таблица 1

Ответы респондентов, представляющих разные регионы на вопрос «Насколько часто Вы пользуетесь Интернетом (кроме пользования мессенджерами)?», %

Варианты ответов	Москва и Московская область	Саратов и Саратовская область	Пенза и Пензенская область
Меньше часа в сутки	5,7	6,3	7,7
До трех часов в сутки	18,7	21,0	26,3
От трех до пяти часов в сутки	36,6	29,7	27,0
Больше пяти часов в сутки	39,0	43,0	39,0
Всего	100,0	100,0	100,0

Как уже было отмечено, перемены, вызванные цифровизацией, меняют содержание и формы передачи традиционных культурных ценностей и исторической памяти. При этом, как показывают результаты нашего исследования (табл. 2), молодые люди зачастую сосредото-

чены на межличностном общении и потреблении «лаконичного» медийного контента, которое, как известно, лежит в основе так называемой клиповой культуры. Бросается в глаза и преобладание пассивных форм восприятия информации и в целом проведения досуга в цифровой среде.

Таблица 2

Распределение ответов респондентов на вопрос «Чем Вы занимаетесь в Интернете», %

Варианты ответов	Доля респондентов
Веду свой блог/канал/сайт/паблик	12,2
Просто «брожу» по Интернету	40,4
Общение, обмен информацией (в том числе в соцсетях, мессенджерах)	82,9
Поиск интересной информации для саморазвития	69,2
Ищу информацию в целях подготовки к занятиям	61,4
Просмотр развлекательного контента (ТикТок, Инстаграм)	62,0
Смотрю фильмы, слушаю музыку	76,3
Играю в игры	25,8
Знакомлюсь	6,1
Другое	3,4

Еще одна проблема, затронутая в ходе опроса, – место Интернета в ряду других информационных (в том числе художественных) источников в процессе влияния на государственную идентичность респондентов.

Участников опроса попросили назвать источники информации, касающейся истории и культуры России, а также символов российского государства (рис. 2).

Итоги опроса показали, что Интернет уже вытесняет из указанной сферы информационного воздействия семейное воспитание и телевидение и в настоящее время по своему влиянию уступает только информационной роли института образования. Если учитывать тенденции в сфере высшего образования, связанные с увеличением роли его дистанционных форм, то следует признать: тренд на усиление влияния Всемир-

ной сети на молодежь будет только усиливаться. Особенно тревожная тенденция – снижение роли художественной литературы в жизни молодых людей. Особая опасность этого явления связана еще и с тем, что постоянное присутствие образцов отечественной литературы в жизни молодых людей обеспечивает успешное воспроизводство такого ключевого символического фактора формирования государственной идентичности, как государственный язык.

В то же время итоги опроса демонстрируют сохранение значительного влияния классических форм художественной культуры на формирование у молодежи представлений об историческом пути и достижениях России. Хорошо известно, в частности, увеличение популярности современного отечественного кинематографа, в том числе фильмов патриотической направленности.

Рис. 2. Ответы респондентов на вопрос «Где в основном Вы получаете (получали) информацию об истории и культурных достижениях нашего государства, о его символах?», % (вопрос с множественным выбором)

Представляется, что художественное «наполнение» информационного пространства, влияющего на социализацию российской молодежи, может идти по двум направлениям:

1) использование традиционных форм художественной культуры в целях нивелирования (либо компенсирования) тех тенденций в интернет-пространстве, которые представляют угрозу процессу конструирования позитивной государственной идентичности российской молодежи (традиционная и современная детская литература, игровой кинематограф, детская и взрослая мультипликация). Здесь на первый план выходит задача постепенного повышения доли отечественной художественной продукции в сфере массовой культуры;

2) реализация потенциальных возможностей самого Интернета в целях использования художественно-образного контента, влияющего на социализацию молодежи. Такой контент обладает серьезным социализирующим потенциалом: даже в условиях информационного преобладания мировоззренческих оппонентов национальные культурные архетипы, сформированные в детстве и представленные в художественной форме, позволяют воспроизводить традиционные формы позитивной государственной идентичности молодежи.

Нужно принять как факт, что молодое поколение выросло погруженным в современные гаджеты и информационные технологии. Именно поэтому государство и гражданское общество в России должно найти пути адаптации к новой информационной реальности, в которой появляются иные каналы трансляции культур-

ных символов, опирающиеся на все многообразие информационно-коммуникационных (цифровых) технологий в интернет-пространстве.

В этой связи хочется обратить внимание на потенциальные возможности художественной социальной рекламы, которая редко появляется не только в Интернете, но даже на телевидении. Между тем в нашей стране есть опыт создания высококачественной художественной социальной рекламы на ТВ. Прежде всего, речь идет о знаменитом цикле игровых роликов Д. Евстигнеева «Русский проект» (1995–1997 гг.). По нашему мнению, прямой регулярный государственный заказ на создание подобных роликов, ориентированных на пропаганду символов российской государственности, его исторических достижений, в настоящее время является абсолютно необходимым. Нельзя исключить и возможности появления тех или иных символов, олицетворяющих Россию, в коммерческой рекламе (в этой связи можно вспомнить качественные рекламные ролики 1992–1997 гг. Т. Бекмамбетова на историческую тематику «Всемирная история, банк “Империал”»). Там, где речь идет о солидных фирмах с государственным участием, это не только вполне допустимо с воспитательной точки зрения, но и осуществимо в организационном плане.

При этом необходимо не допускать появления в таких роликах профанации ключевых символов государства и его истории. Так, вряд ли желательно использование сакральных символов России в рекламе пива, туалетных принадлежностей и пр. В этой связи встает вопрос о противодействии распространения реклам-

ной продукции, в которой профанируются символы государства, являющиеся неофициальными, соответственно – не защищенные законом. Мы полагаем, что защита неофициальных символов, ассоциирующихся с российской государственностью, должна стать одной из основных задач гражданского общества.

Подчеркнем: сама форма художественной рекламы, с одной стороны, позволяет задействовать эстетический, образный потенциал игрового кинематографа, а с другой – дает возможность приспособить информационное воздействие к реалиям интернет-пространства, отторгающего чересчур длительные по времени формы подачи материала. С этой точки зрения социальная реклама может использоваться как на ТВ, так и в Интернете.

Одной из наиболее перспективных и мобильно развивающихся форм цифрового досуга становятся компьютерные игры, специфика которых позволяет им, по сути дела, выступать в качестве инструмента социализации молодежи. Кроме всего прочего, компьютерные игры могут выступать эффективным способом борьбы с историческими фальсификациями и интерпретациями, дискредитирующими символы и образы российской государственности.

Отечественные исследователи, в частности Н. А. Масленкова, очень четко показывают основной принцип конструирования государственно-гражданской идентичности с использованием воспитательного потенциала видеоигр: «...компьютерные игры позволяют не просто наглядно воссоздать прошедшие события, но именно предложить альтернативные варианты развития истории... Более того, компьютерные игры, в отличие от книги или кинематографа, дают возможность игроку самому участвовать в изменении прошлого и в создании той истории, которой не было в действительности. Игрок получает именно личный опыт, пусть и виртуальный, переживания моделируемых в игре исторических событий»⁸. Поскольку процесс формирования гражданственности и патриотизма наиболее успешен в детском и подростковом возрасте, здесь наиболее эффективен не метод запретов, а путь конкуренции, связанный с разработкой отечественных компьютерных игр с историческим содержанием, прямо или косвенно пропагандирующих патриотизм.

К примеру, согласно данным немецких исследователей, за последние 35 лет было разработано более 500 виртуальных игр, так или иначе сюжетно связанных с событиями Второй мировой войны⁹. В российской практике также есть подобный положительный опыт. Речь идет, прежде всего, об авиасимуляторе «ИЛ-2

Штурмовик» и онлайн-игре в реальном времени «World of Tanks». Причем данные продукты являются исторически достоверными и наиболее популярными – и не только среди отечественных, но и среди зарубежных пользователей.

Вероятно, данное направление символической политики должно реализовываться через госзаказ военных ведомств на разработку большего количества игр с военно-патриотическим содержанием.

Отметим: компьютерные игры находятся как бы на границе образно-художественных форм воздействия на личность. В то же время развитие соответствующих технологий приводит к тому, что игровое пространство здесь приобретает все более и более реалистические формы, сближающие это пространство, к примеру, с пространством игрового художественного фильма, что усиливает социализирующее воздействие компьютерных игр на ценностном уровне.

В то же время мир компьютерных игр несет в себе потенциальные риски для конструирования государственной идентичности молодых людей: некоторые симуляторы и игры-стратегии создают возможности не только для моделирования различных альтернативных вариантов развития исторических событий, но и для игровой идентификации человека с иными сообществами, в том числе в условиях противостояния с теми персонажами (техническими средствами, оружием и пр.), которые «представляют» Россию. С этой точки зрения важно, чтобы разработанная программа не позволяла даже в виртуальном мире играть нашим молодым людям «против своих».

В целом же формирование чувства принадлежности к государству и вовлеченность в политическую и общественную жизнь страны в цифровой среде целесообразно осуществлять через интересный для молодежи мультимедийный контент. Цифровой мир можно использовать как площадку для государственно-общественных инициатив в виде онлайн-акций, флешмобов исторической и гражданской направленности. Яркие примеры проведения в онлайн-формате подобного рода акций, обладающих явным художественно-эстетическим содержанием, – «Свеча памяти», «Бессмертный полк».

Информационное наполнение аккаунтов органов власти и молодежных организаций в социальных сетях ограничивается формальными требованиями существующего законодательства и является малопривлекательным для молодого поколения. С учетом этого необходимо более гибко использовать имеющиеся технологические возможности и наряду с тради-

ционными формами трансляции культурной и исторической символики использовать востребованные молодежью форматы – такие, к примеру, как reels и видеоролики. В этом случае будут обеспечиваться открытость и прозрачность органов власти и общественных организаций, возрастать уровень доверия молодежи к государству, и в конечном итоге укрепляться любовь, уважение к своей стране, региону.

Таким образом, государство не должно недооценивать образно-символические аспекты конструирования государственно-гражданской идентичности молодежи. При этом основным целевым ориентиром общественно-государственной системы воспитания в условиях цифровизации должна стать государственно ориентированная молодежь, а сама система – обладать достаточной гибкостью и включать в себя как традиционные, так и инновационные формы художественно-образного влияния на становление личности.

Примечания

- ¹ Молодежь России в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований / под ред. М. К. Горшкова, Ф. Э. Шереги. М. : ФНИСЦ РАН, 2020. С. 131.
- ² См.: Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года : распоряжение Правительства РФ от 29.11.2014 № 2403-р. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- ³ См.: О молодежной политике в Российской Федерации : федер. закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» ; О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года : указ Президента РФ от 19.12.2012 № 1666. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- ⁴ См.: Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года ; Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года (утв. Президентом РФ 28.11.2014 № Пр-2753). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- ⁵ См.: Федеральный проект «Патриотическое воспитание». URL: <https://edu.gov.ru/national-project/projects/patriot/> (дата обращения 25.12.2021).
- ⁶ См.: Пинчук В. Ю. Государственная идентичность и ее формирование у студенческой молодежи // Педагогические и социальные проблемы образования : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары : ИД «Среда», 2019. С. 37–41.
- ⁷ См.: Ивченков С. Г., Воробьев В. П., Еремина Е. В. Соотношение мифологических, идеологических и образно-символических механизмов конструирования государственной идентичности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 372–376. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-4-372-376>
- ⁸ Масленкова Н. А. Компьютерная игра как механизм конструирования культурной памяти (на примере «World of Tanks») // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7. Философия. 2014. № 3 (23). С. 119.
- ⁹ См.: Макаренко В. Видеоигры в информационной и психологической борьбе. URL: <https://psyfactor.org/lib/psywar39.htm> (дата обращения: 25.12.2021).

Поступила в редакцию 07.02.2022; одобрена после рецензирования 20.02.2022; принята к публикации 22.02.2022
The article was submitted 07.02.2022; approved after reviewing 20.02.2022; accepted for publication 22.02.2022

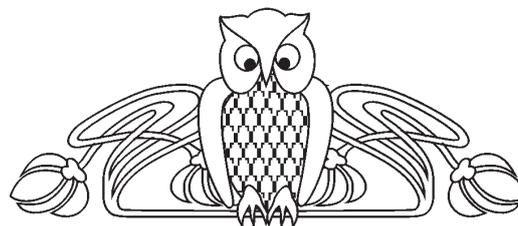

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 139–144
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 139–144
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-2-139-144>

Научная статья
УДК 316.346.3+316.482.051.63+316.614

Роль масс-медиа в социализации личности и поколений (по социологическим материалам)

Л. Г. Лебедева

Самарский государственный экономический университет, Россия, 443090, г. Самара, ул. Советской Армии, д. 141

Лебедева Людмила Геннадьевна, магистр педагогических наук, старший преподаватель кафедры социологии и психологии, ludleb@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7007-6914>

Аннотация. Проблема социализации личности и поколений является одной из самых актуальных. С влиянием масс-медиа связаны определённые вызовы и риски для общества и индивидов, особенно в отношении недостаточно зрелых в социальном отношении детей, подростков и молодёжи. Именно в молодом возрасте индивиды проходят наиболее ответственный этап социализации и формирования социально зрелой личности. В ответах респондентов признаётся тенденция ослабления роли семьи и усиления роли СМИ в воспитании детей, подростков и молодёжи по мере их взросления. Социологические материалы показывают, что разнообразные масс-медиа играют всё более важную роль в «социализирующих интеракциях» – не только положительного, но и отрицательного характера. Вызывает сожаление слабое внимание СМИ к формированию у людей важных социальных качеств положительного характера. Общество и государство вправе ожидать от масс-медиа социально ответственной позиции, а следовательно, активного и целенаправленного участия в позитивной социализации молодых поколений.

Ключевые слова: социализация, поколения, масс-медиа, семья, образование

Для цитирования: Лебедева Л. Г. Роль масс-медиа в социализации личности и поколений (по социологическим материалам) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 139–144. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-2-139-144>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4,0 International (CC-BY 4.0)

Article

The role of mass media in the socialization of personality and generations (on the basis of sociological materials)

L. G. Lebedeva

Samara State University of Economics, 141 Sovetskoy Armii St., Samara 443090, Russia
Lyudmila G. Lebedeva, ludleb@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7007-6914>

Abstract. The problem of socialization of the individual and generations is one of the most urgent ones. The influence of mass media is associated with certain challenges and risks for society and individuals, especially in relation to socially insufficiently mature children, adolescents and youth. It is in the young age that individuals go through the most crucial stage of socialization and the formation of a socially mature personality. The respondents' responses acknowledge the tendency of weakening the role of the family and strengthening the role of the media in the upbringing of children, adolescents and young people as they grow up. Sociological materials show that various mass media play an increasingly important role in "socializing interactions" – not only positive, but also negative. It is regrettable that the media pays little attention to the formation of important social qualities of a positive character in people. Society and the state have the right to expect from the mass media a socially responsible position, respectively, active and purposeful participation in the positive socialization of young generations.

Keywords: socialization, generations, mass media, family, education

For citation: Lebedeva L. G. The role of mass media in the socialization of personality and generations (on the basis of sociological materials). *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 139–144 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-2-139-144>

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4,0 International License (CC-BY 4.0)

В последние десятилетия разнообразные масс-медиа (средства массовой информации – СМИ) играют всё большую роль в социализации личности, в социализации целых поколений. И дело не только в степени (силе) влияния

СМИ, а в направленности (качестве) и последствиях этого влияния для индивидов и социума. Поскольку «мы живем в среде СМИ, и из них приходит большинство наших символических стимулов»¹, то проблема роли и влияния масс-

медиа активно исследуется специалистами разных отраслей науки, в том числе социологами. С влиянием масс-медиа связаны определённые вызовы и риски для общества и индивидов. Не случайно особое внимание социологи уделяют влиянию СМИ на детей, подростков и молодёжь, поскольку именно в молодом возрасте индивиды проходят наиболее ответственный этап социализации и формирования социально зрелой личности.

В чём заключается и проявляется влияние масс-медиа на социализацию личности и поколений, каковы конкретно положительные и отрицательные стороны этого влияния в сопоставлении с влиянием семьи и образования?

Применительно к современным условиям теоретические основы исследования функционирования и социальной роли масс-медиа разработаны, прежде всего, в трудах Ю. Хабермаса и М. Кастельса. Юрген Хабермас проанализировал общие проблемы коммуникации как регулятора общественной жизни, включая проблему коммуникативной рациональности и коммуникативного действия. По оценке Ю. Хабермаса, ни один индивид не может освободиться от сетей коммуникации, поскольку не существует никакой жизненной формы, которая бы не была опосредована сетями коммуникации; любой индивид «включен в ту или иную социокультурную форму жизни, вырос среди взаимосвязей коммуникативного действия и воспроизводит в них свою жизнь»². Мануэль Кастельс обратил внимание на то, что «коммуникация определяет формирование культуры» и «под мощным воздействием новой коммуникационной системы ... рождается новая культура: культура реальной виртуальности»³.

Современные социологи отмечают, что «институт СМИ расширяет свое функционирование в реальном и виртуальном пространстве, смы-

кается с неофициальными каналами массовых коммуникаций (блоггерство, социальные сети, приложения)»⁴. Естественно, что каждый из каналов массовых коммуникаций (официальных и неофициальных) по-своему оказывает влияние на индивидуальное и общественное сознание и поведение людей.

Всё более существенное воздействие на сознание и поведение людей, особенно молодых, оказывают интернет-технологии. Например, внимание молодёжи привлекают самые обсуждаемые события, ради того, чтобы «быть в курсе», молодые люди готовы совершать дополнительные действия – искать информацию, сайты⁵. При этом существуют и немалые онлайн-угрозы для социального здоровья пользователей интернет-услуг, что вынуждает ставить и обсуждать проблему обеспечения безопасности⁶, особенно для недостаточно зрелых в социальном отношении детей, подростков и молодёжи.

В качестве эмпирической основы статьи использованы материалы социологического исследования с участием и под руководством автора в Самарской области в январе 2020 г. по теме: «“Отцы и дети”: конфликт и сотрудничество, преемственность поколений». В рамках данного исследования анкетным опросом было охвачено 620 респондентов по репрезентативной выборке, а также выделены для социологического анализа целевые возрастно-поколенческие группы: 16–24 лет (младшая группа, 202 чел.); 25–44 лет (средняя группа, 205 чел.); 45–69 лет (старшая группа, 213 чел.).

Социологическая оценка воспитательной роли масс-медиа

Насколько велика, по мнению респондентов, воспитательная роль СМИ в сравнении с семьёй и образованием (табл. 1)?

Таблица 1

Ответы на вопросы о роли СМИ в воспитании детей, подростков и молодёжи по возрастным когортам в сравнении с ролью семьи и образования, % от числа респондентов

Вопросы	Ответы	Группы по возрасту			
		16–69	16–24	25–44	45–69
Согласны ли Вы с тем, что в воспитании детей до 11–12 лет СМИ играют более существенную (решающую) роль, чем семья и образование?	Согласен	28,2	20,3	27,3	36,6
	Не согласен	57,8	59,9	60,5	53,1
	Не знаю	14,0	19,8	12,2	10,3
Согласны ли Вы с тем, что в воспитании подростков 13–15 лет СМИ играют более существенную (решающую) роль, чем семья и образование?	Согласен	35,5	36,6	30,2	39,4
	Не согласен	50,5	43,6	55,6	52,1
	Не знаю	14,0	19,8	14,1	8,5
Согласны ли Вы с тем, что в воспитании молодёжи 16–24 лет СМИ играют более существенную (решающую) роль, чем семья и образование?	Согласен	43,6	42,1	40,0	48,3
	Не согласен	39,8	44,5	39,0	36,2
	Не знаю	16,6	13,4	21,0	15,5

Рассмотрим сначала распределение ответов по всей выборочной совокупности респондентов (см. табл. 1).

Доля респондентов, выразивших своё согласие с тезисом, что в воспитании «СМИ играют более существенную (решающую) роль, чем семья и образование», растёт с 28,2% применительно к детям до 11–12 лет до 35,5% применительно к подросткам 13–15 лет и до 43,6% применительно к молодёжи 16–24 лет.

Доля респондентов, выразивших своё несогласие с тезисом, что в воспитании «СМИ играют более существенную (решающую) роль, чем семья и образование», уменьшается с 57,8% применительно к детям до 11–12 лет до 50,5% применительно к подросткам 13–15 лет и до 39,8% применительно к молодёжи 16–24 лет.

Применительно к молодёжи 16–24 лет доля респондентов, выразивших согласие с тезисом, что в воспитании молодёжи «СМИ играют более существенную (решающую) роль, чем семья и образование», больше, чем выразивших несогласие (43,6 и 39,8% соответственно). Таким образом, своеобразный «перелом» (возрастной рубеж) в оценках воспитательной роли СМИ в сравнении с семьёй и образованием связан с группой молодёжи 16–24 лет, когда, по социологическим данным, «СМИ играют более существенную (решающую) роль, чем семья и образование».

Проанализируем оценки воспитательной роли СМИ в сравнении с семьёй и образованием по возрастным группам респондентов (см. табл. 1).

Оценки заметно различаются у респондентов разных возрастно-поколенческих групп. При этом со стороны старшей группы оценки более высокие, по сравнению с оценками средней и младшей групп. Чем старше респонденты (группа респондентов), тем в большей мере они выражают согласие с тезисом (предположением), что «в воспитании детей до 11–12 лет СМИ играют более существенную (решающую) роль, чем семья и образование» (от 20,3% в младшей группе до 27,3% в средней и 36,6% в старшей группе).

В отношении подростков 13–15 лет во всех возрастных группах ещё большая доля респондентов (чем в отношении детей до 11–12 лет) видит существенную (решающую) роль СМИ в воспитании. Видимо, старшие поколения в значительной мере отделились от детей и подростков, а СМИ, наоборот, значительно приблизились к детям.

В отношении молодёжи 16–24 лет у респондентов средней группы ответы «согласен» и «не согласен» получили практически одинаковые

доли голосов (40,0 и 39,0% соответственно). У респондентов старшей группы соотношение ответов «согласен» и «не согласен» составило 48,3 и 36,2% соответственно. То есть старшее поколение более категорично в оценках ситуации. А у респондентов младшей группы соотношение ответов «согласен» и «не согласен» составило 42,1 и 44,5% соответственно. Разница между долями ответов не так велика, но всё же представители самой молодёжи (16–24 лет) не столь категоричны, как представители старшего поколения, в оценках роли СМИ в воспитании, по сравнению с ролью семьи и образования.

В общем же, респондентами признаётся тенденция ослабления роли семьи и образования и усиления роли СМИ в воспитании детей, подростков и молодёжи по мере их взросления. Однако значительные доли ответов «не согласен», что СМИ играют очень важную роль, – более трети применительно к молодёжи 16–24 лет и более половины применительно к детям до 11–12 лет и к подросткам 13–15 лет – свидетельствуют о том, что роль семьи и образования признаётся достаточно существенной, хотя и уменьшающейся по мере взросления подрастающих поколений.

Масс-медиа и формирование качеств молодого поколения

Каким положительным качествам молодого поколения в решающей мере способствуют СМИ, а не семья и образование? Рассмотрим сначала ответы по всей выборочной совокупности респондентов (табл. 2).

Как видим, доли голосов респондентов, отданных в пользу лидирующих ответов, не так уж и велики – от одной трети до одной четверти всех респондентов; ещё меньше голосов отдано другим вариантам ответов (при том что респонденты могли выбрать несколько вариантов).

Есть ли существенные различия между возрастно-поколенческими группами в распределении мест ответов о роли СМИ в формировании более или менее положительных качеств молодого поколения (табл. 3)?

По мнению респондентов младшей группы, СМИ, в первую очередь, способствуют формированию такого положительного качества, как «стремление быть разносторонне развитым» (45,5% и 1-е место); но у респондентов средней и старшей групп такое качество оказалось лишь на 3–4-ом местах (около одной четверти голосов респондентов).

На 1-е место у представителей средней и старшей групп вышло такое качество, как «большой

Таблица 2

Ответы на вопрос: «На Ваш взгляд, каким из следующих более или менее положительных качеств молодого поколения в решающей мере способствуют СМИ, а не семья и образование? (несколько вариантов)», % от числа респондентов и место (ранг)

Ответы	%	ранг
Большой круг общения	33,1	1
Стремление быть разносторонне развитым	32,7	2
Ориентация на здоровый образ жизни	30,5	3
Нацеленность на карьерный рост	24,7	4
Желание помогать нуждающимся людям	19,0	5
Желание участвовать в жизни страны, приносить пользу Родине	17,9	6
Стремление получать образование	13,5	7
Никаким из перечисленных	12,9	8
Ответственность перед обществом	10,3	9
Патриотизм	8,7	10
Серьёзное отношение к семье	7,3	11
Стремление честно зарабатывать деньги	5,8	12

Таблица 3

Ответы на вопрос: «На Ваш взгляд, каким из следующих более или менее положительных качеств молодого поколения в решающей мере способствуют СМИ, а не семья и образование? (несколько вариантов)», % от числа респондентов и место (ранг) по возрастным группам

Ответы	Группы по возрасту					
	16–24		25–44		45–69	
	%	ранг	%	ранг	%	ранг
Большой круг общения	30,7	3	33,2	1	35,2	1
Стремление быть разносторонне развитым	45,5	1	25,9	3	27,2	3–4
Ориентация на здоровый образ жизни	37,6	2	26,8	2	27,2	3–4
Нацеленность на карьерный рост	25,2	4	13,7	6–7	34,7	2
Желание помогать нуждающимся людям	22,3	5	16,6	5	18,3	6
Желание участвовать в жизни страны, приносить пользу Родине	20,3	6	13,7	6–7	19,7	5
Стремление получать образование	14,9	7	10,4	8	15,5	7
Никаким из перечисленных	9,4	9	18,0	4	11,3	8–10
Ответственность перед обществом	12,4	8	7,3	10	11,3	8–10
Патриотизм	7,9	10	6,8	11	11,3	8–10
Серьёзное отношение к семье	5,0	11	9,8	9	7,0	12
Стремление честно зарабатывать деньги	4,0	12	5,4	12	8,0	11

круг общения» (около одной трети голосов респондентов), в то время как у младшей группы это качество оказалось лишь на 3-ем месте (менее одной трети голосов). Высокое 2-е место у респондентов младшей и средней групп заняло такое качество, как «ориентация на здоровый образ жизни»; у старшей группы оно оказалось лишь на 3–4-ом местах.

Вместе с этим у респондентов средней возрастной группы на 4-е место вышел ответ «Никаким из перечисленных» (что подчёркивает высокий уровень скептицизма респондентов в

отношении положительной роли масс-медиа в деле воспитания молодёжи), а у средней группы ответ «Нацеленность на карьерный рост» отодвинулся на 6–7-е места.

Лишь на средних местах оказались варианты ответов: «Желание помогать нуждающимся людям», «Желание участвовать в жизни страны, приносить пользу Родине», «Стремление получать образование». Вызывает также определённое беспокойство то, что следующие важные социальные качества получили небольшой процент голосов (и заняли последние места) у всех

возрастных групп респондентов: «ответственность перед обществом»; «патриотизм»; «серьёзное отношение к семье»; «стремление честно зарабатывать деньги».

И вот как распределились ответы на аналогичный вопрос, но в отношении отрицательных качеств по всей выборочной совокупности респондентов (табл. 4).

Таблица 4

Ответы на вопрос: «На Ваш взгляд, каким из следующих более или менее отрицательных качеств молодого поколения в решающей мере способствуют СМИ, а не семья и образование? (несколько вариантов)», % от числа респондентов и место (ранг)

Ответы	%	ранг
Легкомысленность, беспечное отношение к жизни	37,4	1
Стремление зарабатывать много денег любой ценой	31,8	2
Нежелание работать	26,9	3
Использование нечестных методов при достижении целей	23,1	4
Равнодушие к окружающим людям	19,7	5
Отсутствие интереса к событиям, происходящим в стране, мире	17,4	6–7
Никаким из перечисленных	17,4	6–7
Увлечение спиртными напитками	15,6	8
Легкомысленное отношение к семье	14,7	9
Большое количество сексуальных связей	13,7	10
Увлечение наркотиками	11,8	11
Карьеризм	11,1	12

По поводу более или менее отрицательных качеств молодого поколения, которым, по мнению респондентов, в решающей мере способствуют СМИ, по всей выборке (см. табл. 4) лидирующие ответы распределились следующим образом: 1-е место – «легкомысленность, беспечное отношение к жизни» (37,4%); 2-е место – «стремление зарабатывать много денег любой ценой»

(31,8%); 3-е место – «нежелание работать» (26,9%); 4-е место – «использование нечестных методов при достижении целей» (23,1%).

Есть ли существенные различия между возрастно-поколенческими группами в распределении мест ответов о роли СМИ в формировании более или менее отрицательных качеств молодого поколения (табл. 5)?

Таблица 5

Ответы на вопрос: «На Ваш взгляд, каким из следующих более или менее отрицательных качеств молодого поколения в решающей мере способствуют СМИ, а не семья и образование? (несколько вариантов)», % от числа респондентов и место (ранг) по возрастным группам

Ответы	Группы по возрасту					
	16–24		25–44		45–69	
	%	ранг	%	ранг	%	ранг
Легкомысленность, беспечное отношение к жизни	35,6	1	39,5	1	37,1	1
Стремление зарабатывать много денег любой ценой	34,7	2	28,8	2	31,9	2
Нежелание работать	28,7	3	26,8	3	25,4	3
Использование нечестных методов при достижении целей	27,2	4	19,0	4	23,0	4
Равнодушие к окружающим людям	19,8	6	18,0	6–7	21,1	5
Отсутствие интереса к событиям, происходящим в стране, мире	16,3	8	18,0	6–7	17,8	7
Никаким из перечисленных	14,9	9	18,5	5	18,8	6
Увлечение спиртными напитками	20,8	5	12,7	10	13,6	9
Легкомысленное отношение к семье	13,4	11	16,1	9	14,6	8
Большое количество сексуальных связей	17,3	7	17,6	8	6,6	12
Увлечение наркотиками	13,9	10	11,7	11	9,9	11
Карьеризм	11,9	12	11,2	12	10,3	10

Респонденты всех групп единодушно выбрали варианты ответов, занявшие места с первого по четвертое (от примерно одной пятой части до примерно двух пятых частей всех респондентов), что совпало с очередностью ответов по всей выборке: 1-е место – «легкомысленность, беспечное отношение к жизни»; 2-е место – «стремление зарабатывать много денег любой ценой»; 3-е место – «нежелание работать»; 4-е место – «использование нечестных методов при достижении целей». В оценках респондентов младшей группы относительно высокие места (с 5-го по 7-е) заняли также ответы: «увлечение спиртными напитками», «равнодушие к окружающим людям», «большое количество сексуальных связей».

Процент респондентов, отметивших указанные варианты ответов (о роли СМИ в формировании более или менее отрицательных качеств молодого поколения), оказался весьма большим во всех возрастных группах респондентов, что подчёркивает их общую озабоченность существующей общественной ситуацией в сфере деятельности масс-медиа.

Подведем итоги нашего исследования. Проблема социализации личности и поколений является одной из самых актуальных. Отдельные индивиды «могут обрести и утвердить свою тождественность не иначе как через усвоение традиций, через принадлежность к социальным группам и через свое участие в социализующих интеракциях»⁷. В современных условиях разнообразные масс-медиа играют всё более важную роль в «социализующих интеракциях» – не только положительного, но и отрицательного характера. Более того, наши социологические материалы по-своему подтверждают оценку, что «социальные сети отталкивают на задний план» такие институты социализации, как семья, школа и сверстники⁸.

Подтверждается вывод о существенном влиянии на индивидов тех образов поведения и стереотипов «семейной жизни, которые популяризируют СМИ»⁹. И приходится признать тенденцию ослабления роли семьи и усиления роли СМИ в воспитании детей, подростков и молодёжи по мере их взросления.

Вызывает сожаление слабое внимание СМИ к формированию у людей важных социальных качеств положительного характера. Они важны, в частности, для социальной солидарности и межпоколенческой интеграции. А

качества людей отрицательного характера, которым в значительной мере способствуют СМИ (и в большей мере, чем семья и образование), противодействуют общественной солидарности людей и межпоколенческой интеграции. Это позволяет сделать соответствующий упрек в адрес тех, кто направляет и контролирует работу СМИ, отвечает за них перед обществом.

Общество и государство вправе ожидать от масс-медиа социально ответственной позиции, а следовательно, активного и целенаправленного участия в позитивной социализации молодых поколений в интересах солидарности разных слоёв и гармоничной преемственности российских поколений.

Примечания

- ¹ Кастельс М. Информационная эпоха : экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М. : ГУ ВШЭ, 2000. С. 322.
- ² Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие : пер. с нем. СПб. : Наука, 2001. С. 157.
- ³ Кастельс М. Указ. соч. С. 315, 316.
- ⁴ Шиняева О. В., Каманина В. Е. Реализация функций средств массовой информации в условиях глобальных и национальных вызовов : оценки населения и журналистов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2021. № 1. С. 72. <https://doi.org/10.21685/2072-3016-2021-1-7>
- ⁵ См.: Голубин Р. В., Исакова И. А., Коротышев А. П., Рыхтик П. П. Интернет-технологии воздействия на социально-политическую активность молодежи : социологический анализ // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 134. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-2-131-137>
- ⁶ См.: Янак А. Л. Дети и родители в информационном пространстве : взаимодействие, риски и стратегии обеспечения безопасности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 70. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-2-64-71>
- ⁷ Хабермас Ю. Указ. соч. С. 161.
- ⁸ См.: Шаповал Е. А. Влияние Интернет-сетей на виртуальную социализацию молодежи и формирование ценностных ориентиров современной молодежи в РФ // Социодинамика. 2019. № 12. С. 170–177. <https://doi.org/10.25136/24097144.2019.12.31203>
- ⁹ Леонтьева Т. В. Визуальный образ социально-экономического положения семьи на телевидении // Социальная политика и социология. 2018. Т. 17, № 4 (129). С. 102. <https://doi.org/10.17922/2071-3665-2018-17-4-102-109>

Поступила в редакцию 24.12.2021; одобрена после рецензирования 20.02.2022; принята к публикации 21.02.2022
The article was submitted 24.12.2021; approved after reviewing 20.02.2022; accepted for publication 21.02.2022

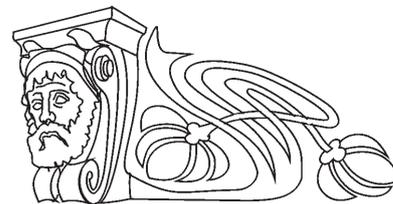

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 145–154
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 145–154
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-2-145-154>

Научная статья
УДК 316.4.051.63

Ценности российской молодежи в социальном и этнокультурном контексте (на примере фокус-групп в Саратовской и Самарской областях)

Е. И. Пашина¹, И. В. Бабаян²✉, А. Д. Любимова³

¹Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А., Россия, 410054, г. Саратов, ул. Политехническая, д. 77

²Саратовская государственная консерватория имени Л. В. Собинова, Россия, 410012, г. Саратов, просп. Кирова, д. 1

³Приволжская железная дорога – филиал ОАО «РЖД», Россия, 410031, г. Саратов, ул. Московская, д. 8

Пашина Екатерина Игоревна, кандидат социологических наук, доцент кафедры «Бизнес-технологии и логистика», pashinaei@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9759-4954>

Бабаян Инна Вячеславовна, кандидат социологических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин, innabv@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0375-3839>

Любимова Алена Дмитриевна, кандидат социологических наук, ведущий специалист по управлению персоналом, куратор молодежной политики, alena.lubimova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2314-8203>

Аннотация. В статье представлен теоретический и эмпирический анализ феномена ценностей молодежи в контексте социальных и этнокультурных трансформаций российского общества. Результаты фокус-групп, проведенных с молодежью Саратовской и Самарской областей в возрасте от 18 до 35 лет, показали контексты проявления терминальных ценностей – семьи, здоровья, саморазвития, свободы и личностно-профессиональной самореализации, выступающих в качестве базовых ориентиров молодого поколения, и особенностей отношения к этнокультурным различиям.

Ключевые слова: молодежь, поколения, ценности, этнокультурные различия, социальная сплоченность

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Экспертного института социальных исследований (проект № 21-011-31499 «Региональная перспектива развития молодежной политики нового поколения в контексте субъективного благополучия и трансформации ценностей этнических групп молодежи»).

Для цитирования: Пашина Е. И., Бабаян И. В., Любимова А. Д. Ценности российской молодежи в социальном и этнокультурном контексте (на примере фокус-групп в Саратовской и Самарской областях) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 145–154. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-2-145-154>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Values of Russian youth in the social and ethno-cultural context (On the example of the focus groups in the Saratov and Samara regions)

E. I. Pashina¹, I. V. Babayan²✉, A. D. Lyubimova³

¹Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, 77 Politechnicheskaya St., Saratov 410054, Russia

²Saratov State Conservatoire, 1 Prospekt Kirova, Saratov 410012, Russia

³Privolzhskaya Railway – branch of Russian Railways, 8 Moskovskaya St., Saratov 410031, Russia

Ekaterina I. Pashina, pashinaei@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9759-4954>

Inna V. Babayan, innabv@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0375-3839>

Alena D. Lyubimova, alena.lubimova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2314-8203>

Abstract. The article presents a theoretical and empirical analysis of the phenomenon of youth values in the context of social and ethno-cultural transformations of Russian society. The results of focus groups conducted with the youth of the Saratov and Samara regions aged 18 to 35 showed the contexts of the manifestation of terminal values – family, health, self-development, freedom and personal and professional self-realization, acting as the basic guidelines of the younger generation and the characteristics of the relationship to ethnocultural differences.

Keywords: youth, generations, values, ethno-cultural differences, social cohesion

Acknowledgements: This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research and Expert Institute for Social Research (project No. 21-011-31499 "Regional perspective of the development of a new generation of youth policy in the context of subjective well-being and transformation of values of ethnic groups of young people").

For citation: Pashinina E. I., Babayan I. V., Lyubimova A. D. Values of Russian youth in the social and ethno-cultural context (On the example of the focus groups in the Saratov and Samara regions). *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 145–154 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-2-145-154>

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4,0 International License (CC-BY 4.0)

Границы взросления современной молодежи постоянно пересматриваются представителями научного сообщества, специалистами по работе с молодежью, а также представителями власти разных поколений современного общества. Выявление ценностных детерминант современной молодежи связано как с определением «демаркационных линий» данной социально-демографической группы, так и с установлением социальных смыслов и значения периода юности и ранней взрослости. Законодательное номинальное определение возрастного диапазона молодежи от 14 до 35 лет содержательно дополнено социальными ожиданиями самореализации молодежи в качестве членов молодой семьи, предпринимателей, специалистов и ученых, членов молодежных объединений и сообществ. Трансформация ценностной системы молодежи в современном обществе связана с внедрением новых технологий, необходимостью реагировать на угрозы социально-экологической, эпидемиологической, информационной и этнонациональной безопасности.

В данной работе ставится задача представить особенности артикуляции молодежью значений личных, семейных, профессиональных, этнокультурных ценностей на основе теоретических подходов и эмпирических данных. Рассмотрим поколенческий и социокультурный подходы к анализу ценностных детерминант современной молодежи, а также подходы к исследованию ценностной базы с учетом этнонационального контекста российского общества.

Теории поколений представляют структуру общества как последовательность возрастных групп, отличающихся друг от друга, помимо прочих факторов, особым опытом проживания значимых социальных событий и процессов, что применительно к молодежи трансформируется в калейдоскоп образов жизненных миров разных поколений современности. Концепция поколений Н. Хоува и У. Штрауса¹ позволяет учитывать возможности реверсивного движения знаний, ценностей, поведенческих паттернов между поколениями. Условное популярное для современных менеджеров разделение возрастных подгрупп поколения молодежи на «иксов» (поколение X, или «поколение сэндвича»), «игреков» (поколение Y, или «миллениалов») и

«зумеров» (поколение Z) базируется на общем опыте проживания динамично меняющихся условий жизни в эпоху цифровизации и проявлении отличающегося отношения к занятости, коммуникациям и самопрезентации, собственному здоровью, жизненным планам и карьерным стратегиям.

Ценности как обобщенные мнения множества представителей общества о целях, нормах, традициях на основе совместного переживания исторических событий представляют собой квинтэссенцию культуры этнонациональных групп. По мнению исследователей, «система ценностей всегда выступает как реализация особенностей конкретной культуры»², подчеркивая ее исторический этап, внутренние особенности и взаимодействие с другими культурами. При этом авторы подчеркивают, что современные процессы глобализации сопровождаются как размыванием традиционных и национальных ценностей, так и разрушением их системообразующего принципа. Такой дискурс угрозы разрушения национальных ценностей предусматривает усиление работы традиционных социальных институтов по воспроизводству традиционных культурных кодов, а также поиск новых способов формирования социальных общностей, солидарностей и сплоченности.

Воспитание духовно-нравственных традиционных ценностей у нового поколения детей и молодежи в качестве стратегических российских приоритетов формулируется в Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года в соответствии с Распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 г. № 996-р. В данном документе понятие «ценности» раскрывается в системе ряда качеств, установок и смыслов, рассматриваемых как «сложившиеся в процессе культурного развития России», таких как «человеколюбие, справедливость, честь, совесть, воля, личное достоинство, вера в добро и стремление к исполнению нравственного долга перед самим собой, своей семьей и своим Отечеством», подчеркивается необходимость «возрождения семейных и нравственных ценностей с учетом роли религии и традиционной культуры местных сообществ». В число «традиционных российских культурных» ценностей включены эстетические,

нравственные и семейные ценности и нормы поведения, причем делается акцент на «создании равных для всех детей возможностей доступа к культурным ценностям», необходимость их популяризации. С позиций конструирования гражданской идентичности в рассматриваемой Стратегии ставится задача «воспитания у детей активной гражданской позиции, гражданской ответственности, основанной на традиционных культурных, духовных и нравственных ценностях», предусматривая «осознанную выработку собственной позиции по отношению к ним [к современным общественно-политическим процессам] на основе знания и осмысления истории, духовных ценностей и достижений нашей страны». На основе данной Стратегии О. В. Осипов и Ш. Ш. Хайрулин представляют перечень духовно-нравственных ценностей, предусмотренных для трансляции в образовательных программах: патриотизм, социальная солидарность, гражданственность, семья, труд и творчество, наука, традиционные российские религии, искусство и литература, природа, человечество³.

Репликация этнических ценностей в молодежной группе в многонациональном государстве, по нашему мнению, зависит от силы процессов интеграции, ассимиляции представителей разных этнических групп в российский правовой и культурный контекст и от силы контроля над сохранением культурных традиций и ценностей в этнических сообществах, диаспорах. Ввиду смещения акцента в современной научно-политической риторике при определении понятий «национальность» и «нация» с этнокультурного значения на политическое в статье нами будут использоваться понятия «этнонациональные» и «этнокультурные ценности». Категория «национальные ценности», по мнению И. Б. Кардашовой, может опираться на трактовку понятия «нация», понимаемую как «сообщество граждан государства, основанное на политическом выборе» или как «связанное с культурой и общим происхождением»⁴. В Российском государстве, включающем более 190 народностей, согласно Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, принятой Указом Президента РФ от 19.12.2012 № 1666, российская нация представляет собой «многонациональный народ Российской Федерации – сообщество свободных равноправных граждан Российской Федерации различной этнической, религиозной, социальной и иной принадлежности, обладающих гражданским самосознанием». А. П. Козлов говорит о национальных ценностях и интересах с позиции отстаивания государственных интересов на мировой арене⁵, особенно в условиях «конфликта цивилизаций».

Переход от традиционных к современным семейным ценностям в аспекте мнений этнических групп молодежи представлен в работе С. Н. Абдуллаевой. Автор отмечает, что положение семьи, которая является ценностью как для государства, так и для отдельного человека, может считаться показателем социального благополучия страны. На основании эмпирического исследования мнений молодежи двух этнических групп – русских и крымских татар – были сделаны выводы, что «между современными семьями, принадлежащими к разным культурам, больше сходства, нежели между семьями традиционными и современными, принадлежащими к одной культуре»⁶. Такой подход говорит о силе влияния генерационных связей, способных трансформировать традиционные ценности. Одновременно автором отмечаются более выраженные в русской семье процессы нуклеаризации, сопровождающие переход от патриархальной к современной форме семейной организации, тогда как в семьях крымских татар молодежь в большей степени отмечается сохранение традиционных отношений с вертикальной иерархией и доминированием патриархальных установок.

В продолжение Л. Л. Пучкова отмечает наличие универсальных культурных ценностей «вне зависимости от пола и этнической принадлежности – это здоровье, любовь, материально обеспеченная жизнь, семья, духовность, интересная работа, образованность, эффективность в делах, независимость и ответственность»⁷. В ее исследовании гендерных и этнопсихологических особенностей ценностных приоритетов студентов (сравнение русских и крымских татар) в женской подгруппе проявились значимые этнопсихологические различия в ценностных ориентациях: для крымских татарок приоритетны традиции и терпимость, тогда как русские студентки больше ценят независимость и чуткость. Одновременно в мужской молодежной подгруппе оказались более значимы ценности интересной работы, материально обеспеченной жизни, общественного признания, развития, терпимости, эффективности в делах, не коррелирующие с этничностью.

Выявление особенностей восприятия процесса взросления, его переломных точек, признаков и границ тремя возрастными подгруппами молодежи позволяет продемонстрировать инсайдерский взгляд на маркеры перехода от детства к взрослости. На основе материалов 12 фокус-групп (в примерах – ФГ), проведенных в период с сентября по ноябрь 2021 г. с молодежью Саратовской и Самарской областей в возрасте от 18 до 35 лет, решается задача выявления их отношения к старшим и младшим поколениям, признаков собственной зависимо-

сти и автономии, включения в процессы цифровизации, образования и самореализации.

Ценностные трансформации позволяют фиксировать культурное разнообразие когорт, каждое из которых характеризуется набором поколенческих качеств. Ценности порождают сообщества с нетривиальным подходом к разным измерениям жизненного мира человека. Данный феномен конгруэнтен взглядам Т. Парсонса, согласно которым ценности способны как объединять людей, так и разобщать их, формируя социальные классы, категории, в том числе поколенческие. Через ценности устанавливается исключительность социальных групп, отличающая их друг от друга⁸. В связи с этим актуальным представляется изучение дифференциации молодежного сообщества посредством обращения к системе ценностей разных когорт.

Наиболее популярные ценности молодежи, принявшей участие в исследовании, можно категоризировать по трем направлениям: *гуманистические*, направленные на поддержание духовно-нравственного уровня общества и не привязанные к конкретным времени и пространству культуры; *социальные* ценности, регулирующие все взаимодействия внутри группы и отличающиеся в соответствии с социально-демографическими характеристиками; *личностные*, обусловленные внутренней референцией человека – его собственным мнением и видением ситуации. Кроме этого, нами сделан акцент на представленности значения этнокультурных ценностей, проявлений толерантности или напряженности во взаимодействии с представителями разных этнических групп.

Гуманистические ценности молодежи. Гуманистические ценности на протяжении многих веков пронизывают социальную жизнь нашего общества и представляют собой общечеловеческие нравственные качества, формирующие духовную культуру личности. Формирование представлений о данном феномене началось еще в Античный период, и постепенно со временем набор общечеловеческих установок пополнялся все новыми и новыми понятиями. Мыслители разных эпох, в соответствии с контекстуальным влиянием времени, демонстрировали свое понимание гуманизма, в связи с чем сегодня мы получаем богатый набор ценностей данного порядка.

Для Сократа и Аристотеля ключевой гуманистической ценностью считалось умение человека сделать выбор и принять решение⁹. С расцветом и распространением христианской культуры в обществе утвердились любовь, милосердие, сострадание как обязательные составляющие жизненных приоритетов индивида. В эпоху Возрождения начала культивироваться

именно самостоятельность человека, выражающаяся в его независимости и от религиозных теорий, и от природы и стихии.

Рассмотрим, как гуманистические ценности, проверенные временем и пользовавшиеся авторитетом у наших предшественников, проявляются в системе жизненного мира современной молодежи. Исследование показало, что современная молодежь находит в своем существовании место милосердию и состраданию. В интервью информанты говорят о своей добровольческой деятельности как одной из ключевых ценностей их экзистенции. При этом чаще помощь ближнему встречается среди ценностей 18–24-летних молодых людей, которых условно можно обозначить как поколение Z. Выявленная в рамках исследования тенденция подтверждается данными Росстата. В 2020 г. в России было официально зарегистрировано около 2,7 млн волонтеров старше 15 лет (для сравнения: в 2019 г. их было на 266 тыс. чел. меньше)¹⁰. Кроме того, на платформе «Добровольцы России» зарегистрированы более 2 млн чел., среди них большинство относится к возрастной группе 18–24 лет (39,49%), на втором месте – возрастная группа младше 18 лет (24,41%). Таким образом, мы видим, что значительная часть волонтерского сообщества – это так называемые зумеры, или пост-миллениалы.

Среди представителей поколения Y, принявших участие в исследовании, также есть люди, занимающиеся добровольчеством. Однако, в отличие от зумеров, их включенность в волонтерскую деятельность является дискретной, носит разовый характер:

Ну, я ходила, да. Бывали массовые мероприятия, бывали, так, помоги, принеси, встречу (ФГ 4, 25–30 лет, жен., Саратов).

Пост-миллениалы чувствительны к социальным проблемам, поскольку с детства имеют доступ к новостям о событиях, происходящих в обществе. Если предыдущие поколения в силу цензуры и ограниченности в информационных ресурсах не видели картину мира целиком, то зумеры с малых лет слышат о неопределенной экономической ситуации, экологической катастрофе, терроризме, бедности. Это заставляет данную когорту чаще остальных возрастных групп задумываться о таких ценностях, как милосердие, сострадание, забота, и насыщать ими свою жизнь:

Сострадание, доброта – это то, что касается первое человека (ФГ 2, 18–24 года, жен., Саратов).

Они негативно относятся к кампаниям, наносящим вред природе, работают в благотворительных и волонтерских организациях и жертвуют на социальные проекты свои сбережения:

Я, как эковолонтер, вот как недавно вернулась с Байкала два дня назад, и мы открывали тропу там в заповедник, то есть специальную тропу сделали экологическую (ФГ 2, 18–24 года, жен., Саратов).

Что немаловажно, они не преследуют цель быть замеченными посредством волонтерства, им важно чувствовать себя причастными к благому делу, помогая нуждающимся:

Когда ты чувствуешь себя полезным, нужным, чтобы без тебя не обходится что-то, какое-то любое действие, и ты понимаешь свою значимость в жизни определенных людей (ФГ 2, 18–24 года, жен., Саратов).

Еще одна категория в системе ценностей современной молодежи – это свобода. Если ранее в трактовке философов и мыслителей свобода сводилась к независимости от природы и теологии, то сегодня молодые работники видят в этом свою автономность от ближайшего окружения (родственники, друзья, работодатель) и материальных благ:

Свобода – это полная независимость не то, что даже от материальных ценностей, независимость даже от людей, от тех же родителей (ФГ 4, 25–30 лет, муж., Саратов).

Молодые люди определяют свободу как самоцель, считая, что к достижению независимости надо стремиться:

Я не считаю себя свободным, но я хочу к этому стремиться. Но я даже не уверен, что в итоге моей жизни получится достичь этой свободы, но я хотел бы. Я все-таки ставлю ее выше всего (ФГ 4, 25–30 лет, муж., Саратов).

При этом свобода в системе гуманистических ценностей наиболее явно выражена у миллениалов – информантов в возрасте старше 25 лет. Миллениалы ценят свободу и независимость, в том числе в административных вопросах и в рамках взаимодействия с работодателем. Согласно данным опроса «Millennial Survey от Deloitte», свобода для людей 18–35 лет выражается в возможности выбрать гибкий график работы. Именно поэтому среди представителей поколения Y замечено много фрилансеров, согласно статистике. Большинство опрошенных считают, что работа из дома снижает стресс (69%) и позволяет поддерживать баланс труда и отдыха (67%)¹¹.

Детство и взросление поколения Y происходило в неблагоприятных условиях, характеризующихся чередой дефолтов и экономических кризисов. Их родители вынуждены были постоянно пропадать на работе, искать дополнительный заработок, чтобы прокормить семью:

Во время моего детства, девяностая восьмой год, цены выросли в пять раз, а зарплаты

вообще не повысились, а у кого-то даже отсутствовали. И при этом... не знаю... никто не впал в истерику по большому счету (ФГ 4, 31–35 лет, жен., Самара).

Многие миллениалы и сами вынуждены были искать возможность поправить материальной положение своей семьи. Опыт родителей, потративших свою жизнь на работу, не имевших возможность нормально отдыхать, иметь личное хобби, сделал поколение миллениалов свободолюбивым. Они как можно дольше отказываются от разного рода обязательств – вступление в брак, рождение детей, приобретение жилья¹².

Боясь потерять свободу, представители данного поколения отказываются от взглядов в отношении семьи, которые продуцировали их родители:

Если я не женился, не родил ребенка, то значит я и не жил. Я считаю, что это глупость. Я вот, например, уже четко для себя решил то, что я не хочу детей. Я не хочу свадьбу (ФГ 4, 25–30 лет, муж., Саратов).

Что парадоксально, именно стремление быть свободными препятствует взрослению молодежи.

Помимо феноменов милосердия и свободы, в качестве важной гуманистической ценности современная молодежь называет любовь. Однако данное понятие интерпретируется участниками исследования не как романтические отношения между мужчиной и женщиной, а как источник счастья:

Любовь ко всему, что делаешь, с кем общаешься, если ты будешь любить вокруг себя то, что тебя окружает, то соответственно у тебя все будет получаться грамотно и очень хорошо (ФГ 2, 18–24 года, жен., Саратов).

У меня на первом месте любовь стоит, такое громкое слово, но тоже связанное скорее, в большей степени, с семьей (ФГ 6, 31–35 лет, жен., Саратов).

Социальные ценности. К данной группе относятся внешние конструкции, которые помогают регулировать отношения в обществе и устанавливать эффективное взаимодействие людей. Социальные ценности характеризуются своей конвенциональностью и легитимностью, что способствует поддержанию социального порядка в обществе. Данная категория ценностей отвечает за социализацию человека, утверждая в его сознании культурные образцы, одобряемые в конкретном пространственно-темпоральном измерении. Именно поэтому социальные ценности разных поколений и возрастных групп будут иметь свои специфические черты, обусловленные влиянием времени.

К социальным ценностям, обеспечивающим конструктивное взаимодействие индивидов, участники исследования относят феномен уважения. Данная ценность в качестве приоритетной прозвучала как у представителей поколения Z, так и у молодежи старше 24 лет. Значимость уважения в ценностной системе молодежи подтверждается воззрениями Т. Парсонса, считавшего, что благодаря данному явлению в обществе закрепляются его нормативные основы. Уважение становится инструментом вознаграждения за следование социальным нормам, обеспечивающим поведение акторов, отвечающих легитимным ожиданиям.

Информанты подчеркивают важность поддержания данной социальной нормы на должном уровне:

Уважение – уважение к старшим, уважение к ровесникам, также уважать чужой выбор (В: Угу), а-а, это еще также я думаю... (ФГ 1, 18–24 года, муж., Саратов).

Обозначенное явление рассматривается достаточно широко, включая в себя как уважение к окружающим, так и самоуважение:

Одно из важнейших качеств, потому что я считаю, что это действительно самое важное, что есть в нас, также самоуважение, уважение к другим (ФГ 1, 18–24 года, жен., Саратов).

При ранжировании значимых ценностей, регулирующих социальные отношения в обществе, молодые люди отдавали приоритет ответственному поведению. Категория ответственности появляется в рассуждениях как миллениалов так и зумеров, однако есть различия в том, как интерпретируется это понятие каждой возрастной группой молодежи. Для более старшего поколения ответственность рассматривается в контексте внутренней референции, где обязательства за свои поступки несет конкретная личность. У зумеров ответственность смещается в сторону административного ресурса, который рассматривается как главный стимул добропорядочного поведения:

В 14 лет у тебя появляется паспорт, у тебя добавляется дополнительная ответственность, опять же дополнительная ответственность административная и уголовная. То есть в целом государство за остальное не волнует, что ты там делаешь, главное, чтобы ты закон не нарушал (ФГ 6, 31–35 лет, муж., Самара).

Данная тенденция связана с тем, что молодежи в возрасте до 24 лет требуется больше времени, чтобы принять на себя ответственность взрослой жизни. Это социальная группа людей, становление которых проходило в условиях жесткого контроля и гиперопеки со стороны учителей и родителей¹³. В связи с этим они привык-

ли абстрагироваться от ответственности, так как все решения за них принимают взрослые – сначала родители и педагоги, потом работодатель.

С учетом того, что с каждым годом общество подвергается все новым и новым трансформациям, а жизнь становится все более стремительной, молодые люди акцентируют внимание на такой ценности, как адаптивность к переменам или гибкость. Наиболее серьезным потрясением для молодежи, спровоцировавшим изменение всего жизненного уклада, стала пандемия, связанная с распространением коронавируса, в 2020 г. Эпидемия сформировала благодатную почву для принятия феномена адаптивности или гибкости как базовой социальной ценности, на которой в последние годы держатся все интеракции не только среди молодежи, но и в обществе в целом.

Примечательно, что многие молодые люди видят в адаптивности процесс преемственности поколений и считают, что научились этому у своих старших родственников, переживших ряд кризисов и военных действий:

Я бы перенял бы у них какой-то жизненный опыт больше, из тех ситуаций, которые они там пережили. Те же самые девяностые, та же самая вторая мировая война, там от дедушек, от бабушек (ФГ 4, 31–35 лет, муж., Самара).

Опыт родителей, бабушек и дедушек сформировал в них готовность к переменам, сделал феномен гибкости частью жизненного мира молодежи еще до того, как грянула пандемия:

Мы только сейчас можем осознать насколько у них было непростое время. Да, это не военное время, как там сорок пятый год, которые пережили дедушки, прадедушки, потому что там еще сложнее, наверное, было. Но именно какая-то стойкость перед кризисами, этому нужно поучиться. Уважать (ФГ 4, 31–35 лет, жен., Самара).

Кризис, связанный с эпидемией, лишь помог данной ценности раскрыться в молодежной среде в полном объеме. Чаще умение адаптироваться к переменам является ценностью для миллениалов, так как данная социальная группа успела застать кризисы 1990-х и восприняла нарративы военного времени, которые транслировали своим внукам бабушки и дедушки.

Личностные ценности. К личностным относятся ценности, присваиваемые индивидом и трансформируемые в результате собственного отношения индивида к миру. С данным понятием хорошо соотносится трактовка М. Вебера, согласно которой ценность представляет собой норму, имеющую определенную значимость для социального субъекта¹⁴. Личностные цен-

ности находятся в сильной зависимости от контекста и темпоральности, в которых находится конкретный социальный субъект.

Участники исследования обозначили здоровье как основополагающую личностную ценность человека, особенно это касается представителей поколения Z. Зумеров называют поколением здорового образа жизни, так как они осознают и всячески поддерживают свое самочувствие на уровне нормы. Они увлекаются спортом, отказываются от вредных привычек, осознавая негативные последствия увлечений алкоголем и табакокурением для своего организма:

У нас культуры питья как таковой нет. У нас это... Если пить, да, у нас люди скатываются к алкоголизму, да (ФГ 1, 18–24 года, жен., Саратов).

Согласно данным исследования некоммерческой организации «Норе Lab» и фонда «Well Being Trust», почти две трети молодых людей в возрасте до 25 лет используют ЗОЖ-приложения с целью отслеживания своей физической активности и состояния здоровья¹⁵.

Ментальное здоровье выходит у поколения Z на первые позиции в системе ценностей:

Физическое и психическое здоровье. То есть состояние, в котором, ну, психологическое состояние, в котором принимаешь себя, принимаешь окружающий мир (ФГ 1, 18–24 года, жен., Саратов).

Во-первых, в отличие от предыдущих поколений, зумеры впервые стали рассматривать заботу о своем психическом состоянии как норму. Долгое время услуги психологов стигматизировались, а людей, которые обращались к данным специалистам, рассматривали как девиантов. Во-вторых, благодаря появлению новых технологий люди стали более осведомлены о ментальных проблемах. В-третьих, ускорение темпов жизни спровоцировало появление плюразма стрессоров и усилило психологические проблемы, увеличив потребность в заботе о психическом здоровье:

А еще я люблю свое психологическое, психическое, как правильно сказать, очень берегу, если мне что-то не нравится я просто этим не занимаюсь, это в плане работы, учебы (ФГ 2, 18–24 года, жен., Саратов).

Внимательное отношение информантов данной когорты к своему здоровью объясняется высоким уровнем тревожности среди них. Согласно исследованию, проведенному Deloitte, в стрессовом состоянии постоянно пребывают 40% зумеров в России, а в мире их количество составляет 48%. Данная тенденция объясняется спецификой контекста, в которой росли и выросли представители поколения Z. Череда событий из несколь-

ких финансовых кризисов, террористических актов, буллинга и перестрелок в школах и вузах, пандемии COVID-19, экологических катастроф, сопровождающихся технологическим прорывом и расцветом социальных сетей, из которых они получают тревожную информацию, сделала молодежь подверженной стрессу. Кроме того, повышению уровня тревожности способствует переизбыток технических средств, которые присутствуют в жизни молодого поколения. Привязанность к гаджетам приводит к таким негативным последствиям, как снижение качества и количества сна, что становится стрессовым фактором и фактором развития депрессии у человека. Общий результат – напуганное поколение, осторожное и закаленное экономической и социальной турбулентностью.

Личностной ценностью молодых людей является саморазвитие, в результате чего они отодвигают на второй план реализацию привычных гендерных ролей в ракурсе семейных отношений:

Мне кажется, мы себя больше самореализуем сейчас, чем они [старшее поколение], потому что у них это было быстрее выйти замуж, быстрее родить ребенка, быстрее надо все: дачу построить, собаку купить, машину купить, все купить (ФГ 1, 18–24 года, жен., Самара).

У меня только одна важная вещь – это саморазвитие, потому что это, ну, это более глобально, не выделяя какие-нибудь другие варианты (ФГ 2, 18–24 года, муж., Саратов).

Я поставила личностный рост как даже не заканчивать его после всех учеб, вузов, сам себя реализовывать, сам себя воспитывать, сам себя учить (ФГ 2, 18–24 года, жен., Саратов).

Информанты в возрасте 18–24 лет считают, что старшее поколение транслирует формалистический подход к образованию и выбору профессии:

Они [родители] считают, что необходимо закончить бакалавриат, магистратуру, аспирантуру, в идеале еще пойти преподавать как многие в семье. Я считаю, что сейчас можно получить очень хорошее образование самостоятельно (ФГ 6, 18–24 года, жен., Самара).

Пока родители видят сакральный смысл образования в получении кредитов – диплома, документа, гарантирующего стабильную работу, молодое поколение смотрит на обучение как на процесс получения интересных и полезных знаний. Ценность образования для молодежи заключается не в формальной стороне этого вопроса, а именно в возможности заниматься делом всей своей жизни.

Для молодежи возраста 18–24 лет ценностью считается возможность заниматься люби-

мым делом. Поколение Z отходит от карьерной траектории, считавшейся долгое время нормальной и согласно которой обязательно надо устроиться на работу в хорошую организацию, получать высокую зарплату, иметь гарантированный соцпакет и перспективы карьерного роста. Зумеры – это социальная группа, отличающаяся представлениями об идеальной работе и профессии. Для данной когорты определяющим фактором является желание заниматься любимым делом, а не получать существенное материальное вознаграждение:

У меня есть знакомые, которых заставили родители выбрать, и это уже не честно по отношению к себе, то что ты выбираешь не то, что тебе нравится, не то, что требует твоя душа, а то, что тебе навязали. Вот. И ты не сможешь потом в дальнейшем развиваться из-за того, что у тебя есть какой-то... нет какого-то вдохновения даже это делать. То есть из-за того, что у тебя есть неприязнь того, что... (ФГ 1, 18–24 года, жен., Самара).

Очевидно, что денежное вознаграждение не мотивирует молодежь работать на износ, так как ключевой для зумеров является иная ценность – возможность связывать свою жизнь с делом, которое приносит удовольствие. Они желают выбрать профессиональный путь, по которому будет интересно идти в течение всей своей жизни. Соответственно, стратегия поведения, которой придерживается старшее поколение, всячески навязывая молодежи свое видение идеальной профессиональной траектории, демотивирует зумеров:

Выбирают сейчас профессию не потому нравится она тебе или нет, а потому как ее тебе навязали либо родители (ФГ 1, 18–24 года, жен., Самара).

Так как само поколение Z не заточено на успех и менее амбициозно, чем дети из предыдущих поколений, в своих последователях они также закладывают ориентацию на благополучие через категорию стабильности, а не через достижения:

Успех – это что-то временное, то есть не продолжительное, в то время как благополучие, ну, оно действительно продолжается довольно долго дольше, чем успех и вот, наверно, основное отличие (ФГ 1, 18–24 года, жен., Саратов).

Рассматривая ценности молодежи, представляющей разные поколения, мы приходим к выводу, что невозможно в чистом виде проецировать теорию Н. Хоува и В. Штрауса на российскую действительность по причине кардинальной разницы контекстуального становления и социализации конкретных возрастных когорт. Безусловно, глобальные процессы, происходящие в мире,

такие как военные действия, террористические акты, цифровизация, расцвет консюмеризма, оказали влияние на молодежь, сформировав идентичные поведенческие паттерны, отражающиеся в ценностях поколений России и Запада. Однако поколение каждой конкретной страны испытывало на себе социокультурное влияние норм и установок, обусловленных демографической принадлежностью к конкретному месту. Экономическое развитие нашего государства в 1983–2000 гг. существенно отличалось от процессов, происходивших на тот момент в США и Европе. Если в России это были крайне нестабильные годы, сопровождающиеся спадом рождаемости, то на Западе, наоборот, в условиях благополучия дети чувствовали защищенность со стороны семьи и государства.

А. М. Пономарев в сложной системе национальных ценностей выявляет три подсистемы: базовую, социально-организационную и идеологическую. Базовая подсистема связана с прошлым, с социальной памятью и включает: базовую этническую часть (территорию, Отечество, Родину), язык, этнический менталитет, этнические стереотипы, конкретно-историческую часть (культуру, литературу, религию), историю (героев, праздники и памятные даты). Социально-организационная подсистема ориентирована на настоящее и включает социальные связи между индивидами и группами (орудия труда, знания, навыки), а также политическое пространство публичной власти. Подсистема идеологии связана с будущим, с идеей нации¹⁶.

Сфокусируемся на аспекте этнокультурных ценностей, проявляющихся, в частности, у разных этнических групп молодежи. Здесь представляется важным отметить установки на принятие человека с отличной от собственной этнокультурной идентичностью, на уважение и толерантность. При этом для ряда информантов важно сохранять свое этнокультурное своеобразие и идентичность как элементы ценностного ядра личности. При этом большая информированность о культурных различиях рассматривается как способ предотвращения этнонациональных конфликтов.

Нет плохих национальностей, есть плохие люди. <...> У всех свои ценности. У разных наций свои ценности. Приехал какой-то мигрант, образно, я же не знаю ценности какие-то у него в стране проходят, у его национальности. Он так же не знает про ценности про мои. <...> если бы люди знали ценности других национальностей, было бы меньше стычек (ФГ 3, 25–30 лет, муж., Самара).

Другая стратегия, которую транслируют информанты, исходит из режима невидимости эт-

нонациональной специфики, объясняя это тем, что в бытовой сфере этнокультурные различия незаметны и их не нужно подчеркивать, а массовые мероприятия и праздники им неинтересны или, напротив, формируют установки на подчеркивание различий. В развитие данной стратегии различия в людях видятся информантами не в этнокультурном статусе, а в личной культуре человека, что говорит о выраженном толерантном отношении и отсутствии барьеров в общении:

Некоторые принимают тот факт, что иностранцы есть, есть они и есть, они не выживают их и не сближаются с ними, т.е. у большинства позиция такая нейтральная, они просто закрывают глаза на то, что они существуют (ФГ 6, 18–24 года, жен., Самара).

Это зависит не от того, откуда они приехали, а от культуры человека (ФГ 6, 18–24 года, муж., Самара).

Когда училась в институте, у нас учились люди из разных стран и к ним относились абсолютно так же, как и ко всем. Я не замечала различия, и сама так же общалась (ФГ 2, 25–30 лет, жен., Самара).

Часть молодежи из числа информантов интересуются культурными особенностями и позитивно воспринимают мероприятия и инициативы, направленные на дружбу народов, знакомство с разными культурными традициями и людьми. Они считают, что таких мероприятий могло бы быть больше, и они должны быть более качественными и интересными по содержанию:

Мероприятия, соревновательные какие-то, они могут как сплотить, так и вызвать агрессию, почему не лучше, то есть они могут тоже как-то спровоцировать (ФГ 5, 30–35 лет, жен., Самара).

У нас много в городе различных этнических концертов, которые показывают особенности их культуры, национальности. Это можно увидеть на различных городских мероприятиях (ФГ 2, 18–24 года, жен., Саратов).

У нашего универа раз в год проходит не помню, как, школа международного общения или что-то такое, в общем проводится это, мало анонсируется, но приглашаются, у нас есть дома народностей, армянский дом, грузинский дом и все такое, и оттуда приглашают людей, чтобы они выступили о своих традициях ... объединяют-объединяют, но на это мероприятие придет 30 человек, что такое 30 человек в городе миллионнике? (ФГ 6, 18–24 года, жен., Самара).

Я училась в институте, у нас в группе были разные национальности, у нас были и армяне, и там парни и девушки с Узбекистана. И как бы мы все общались, мы участвовали в КВН, мы как

бы после института куда-то собирались, гуляли. То есть у нас не было вот такого, что ты вот там нерусский, ты с нами не пойдешь. И, мне кажется, сейчас как бы это объединение есть на уровне школы, на уровне института. Но при этом есть какие-то факты, которые, может быть, мы не знаем или там не очень осведомлены, межнациональной вот этой розни, которая существует у нас в городе (ФГ 4, 31–35 лет, жен., Самара).

Критическое отношение к мерам поддержки представителей разных этнических групп варьирует от недостаточности принятых мер поддержки мигрантов до видения ситуации позитивной дискриминации самих местных жителей. Кроме этого, отмечаются миграционные риски, связанные с качественными характеристиками исходящих и входящих миграционных потоков:

Нет системы работы с такими людьми их интеграция – это наш социум, они ходят как неприкаянные, по-русски очень плохо разговаривают первое время и так мы их никогда не познакомим с Россией (ФГ 2, 25–30 лет, жен., Самара).

В Самаре сейчас достаточно много приезжих и в целом мне кажется это вопрос, я вижу по-другому, культуры граждан в целом Самары <...> внутренней культуры чем национальной; Миграционная политика..., многонациональные там группы из СНГ <...> у нас немножечко запущено. Мы теряем русских людей (ФГ 2, 25–30 лет, муж., Самара).

Национальная внутренняя политика, по мнению представителей молодежи, должна в большей мере быть ориентирована на интеграцию, инклюзию мигрантов и представителей разных этничностей в общероссийское культурное пространство, на формирование гражданской идентичности, а не на объединение в этнонациональные сообщества. Ценности интеграции, инклюзии, толерантности должны быть предпочтительнее практик социальной изоляции и обособления.

Если кто-то считает, что надо объединяться, то нет, вообще не согласен. Любая форма, будь то самая легкая диаспора даже анклав какой-нибудь, который живет там ... начинают часто процветать те же самые идеи, иерархии <...> человек должен социализироваться в обществе, в котором он находится, неважно в Америку поехал или сюда поехал. Безусловно, поддерживать взаимоотношения со своими семьей, родственниками, друзьями. Поддерживать новых приезжих, помогать им социализироваться. Но никак не обособлять себя с обществом, в котором они живут. То есть это игра (ФГ 3, 25–30 лет, муж., Самара).

Подводя итог нашему исследованию, отметим, что критерии возраста в проекции сформированности личных и социальных качеств, рациональности и активности предстают как параметры идентификации детского и взрослого статусов, позволяют проводить «демаркационные линии». Примеры раннего взросления детей связываются с быстрым включением в современные цифровые технологии, ранние практики самопрезентации в социальных сетях, с получением собственного дохода. Примеры позднего взросления сочетаются с пролонгацией обучения, практиками поиска себя, творческими увлечениями. Как результат, формируется портрет современной молодежи, который прорисовывается сквозь призму категорий ответственности, финансового и профессионального благополучия, многообразия жизненных стилей.

Размывание границ взросления обусловлено как культурными традициями, так и интенсивными процессами социальных преобразований при переходе к информационному обществу и цифровой экономике, экономике знаний, перестройкой социального взаимодействия в период самоизоляции. Организация работы с молодежью требует от специалистов молодежных организаций и субъектов сферы молодежной политики учета разнообразия молодежных сообществ, их интересов, увлечений, ценностных ориентиров, а также лидеров мнений и знаковых событий, параметров их субъективного благополучия.

Примечания

- 1 См.: Исаева М. А. Поколения кризиса и подъема в теории В. Штрауса и Н. Хоува // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 3. С. 290–295.
- 2 Миронов В. В., Моцелков Е. Н., Аласания К. Ю., Дряева Э. Д., Никандров А. В., Туманов С. В. Национальные ценности России : исторические традиции. Статья вторая // Вестник Московского университета. Серия 7 : Философия. 2019. № 6. С. 47.
- 3 См.: Осипов О. В., Хайрулин Ш. Ш. Традиционные духовно-нравственные ценности и национальная безопасность России // Военный научно-практический вестник. 2021. № 1–2 (14–15). С. 73–81.

- 4 Кардашова И. Б. О сущности национальных ценностей // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2020. № 4 (78). С. 7.
- 5 См.: Козлов А. П. Генезис национальных ценностей и интересов России в постсоветский период (1991–2020 гг.) // Символ науки : международный научный журнал. 2020. № 2. С. 23–26.
- 6 Абдулаева С. Н. Этнопсихологические особенности формирования образа семьи у молодежи студенческого возраста // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. Серия : Педагогика. Психология. 2016. № 4 (6). С. 26.
- 7 Пучкова Л. Л. Гендерные особенности ценностных ориентаций студенческой молодежи из различных этнических групп // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2017. Т. 3 (69), № 2. С. 75.
- 8 См.: Парсонс Т. Система современных обществ. М. : Аспект Пресс, 1997. С. 12.
- 9 Там же.
- 10 См.: Развитие добровольческого движения в России : статистический анализ, Информационно-аналитический материал, декабрь 2020 // Аналитический центр при Правительстве РФ. URL: <https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/analitika/volunteers.pdf> (дата обращения: 27.01.2022).
- 11 См.: Deloitte Global, The Deloitte Global Millennial Survey 2020, 25 June 2020. URL: <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/global/Documents/About-Deloitte/deloitte-2020-millennial-survey.pdf> (дата обращения: 27.01.2022).
- 12 См.: Радаев В. Миллениалы. Как меняется российское общество. М. : Litres, 2020. 230 с.
- 13 См.: Стиллман Д., Стиллман И. Поколение Z на работе. Как его понять и найти с ним общий язык / пер. с англ. Ю. Кондукова. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2018. С. 89.
- 14 См.: Вебер М. Избранное : протестантская этика и дух капитализма / пер. с нем. : М. И. Левина, П. П. Гайденко, А. Ф. Филиппов. 2-е изд., доп. и испр. М. : РОССПЭН, 2006. С. 66.
- 15 См.: Haritatos J. How tech can boost resilience in the time of COVID // Hope Lab. URL: <https://hopelab.org/insight/resilience-covid/> (дата обращения: 27.01.2022).
- 16 См.: Пономарев А. М. Право в системе национальных ценностей. Екатеринбург ; Ижевск : Изд-во ин-та экономики УрО РАН, 2009. 119 с.

Поступила в редакцию 28.01.2022; одобрена после рецензирования 20.02.2022; принята к публикации 22.02.2022
The article was submitted 28.01.2022; approved after reviewing 20.02.2022; accepted for publication 22.02.2022

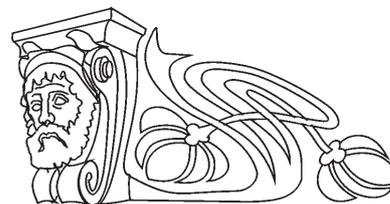

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 155–159
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 155–159
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-2-155-159>

Научная статья
УДК 331.5

Диаспора как институциональная структура современного общества

Т. В. Черевичко

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Черевичко Татьяна Викторовна, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой туризма и культурного наследия, директор Института истории и международных отношений, tvcherevichko@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9645-1513>

Аннотация. Статья посвящена особенностям диаспоры как институциональной структуры. Особый акцент сделан на сетевую организацию диаспор в глобальном социально-экономическом пространстве. Автор отмечает, что значительную роль в развитии глобальных диаспоральных сетей играет этнический бизнес. Подчеркивается, что диаспоры, занимая одно из значимых мест в социально-экономическом пространстве, являются индикатором состояния современного общества.

Ключевые слова: диаспора, миграция, институциональная структура, этнический бизнес

Для цитирования: Черевичко Т. В. Диаспора как институциональная структура современного общества // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 155–159. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-2-155-159>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4,0 International (CC-BY 4.0)

Article

Diaspora as an institutional structure of modern society

T. V. Cherevichko

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Tatyana V. Cherevichko, tvcherevichko@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9645-1513>

Abstract. The article is devoted to the peculiarities of the diaspora as an institutional structure. Special emphasis is placed on the networking of diasporas in the global socio-economic space. The author notes that ethnic business plays a significant role in the development of global diasporal networks. The article emphasizes that diasporas, occupying one of the significant places in the socio-economic space, are an indicator of the state of modern society.

Keywords: diaspora, migration, institutional structure, ethnic business

For citation: Cherevichko T. V. Diaspora as an institutional structure of modern society. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 155–159 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-2-155-159>

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4,0 International License (CC-BY 4.0)

Преобразования современного мира определяются глобальными мегатрендами. К их числу относят: ускоренные темпы общественного развития; кризис глобальных институтов; наращивание глобальных миграционных потоков. Следует отметить, что глобальные изменения в настоящее время проходят в период кризиса – пандемии. Пандемия стала «катализатором» развития «глобальной цифровизации» во всех сферах современного общества. В настоящее время уровень развития глобальных социально-экономических процессов во многом определяется степенью цифровизации

деятельности глобальных институтов и институциональных структур, что особенно важно в условиях тотального карантина.

Диаспоры, так же как и все институциональные структуры, ныне переживают «цифровую трансформацию». Однако цифровизация всех социально-экономических процессов, затрагивающих деятельность диаспоры, имеет и обратную сторону.

Как известно, формирование диаспоры происходит двумя путями. Первый и основной – это миграция. О масштабах миграции населения в мире можно судить по следующим данным:

общее количество международных мигрантов во всем мире в 2021 г., несмотря на пандемию, составило свыше 280 млн чел. Если мигрирующее население будет продолжать увеличиваться такими темпами, как за последние 20 лет, то количество международных мигрантов во всем мире к 2050 г. составит 405 млн. Второй путь формирования диаспоры – перемещение государственных границ, происходящее при распаде государств.

Закрытие границ в условиях пандемии, введение всеобщего карантина сделало цифровые технологии практически единственным средством коммуникации на неопределенный период времени. Однако пандемия обозначила системную проблему для диаспор – цифровая эксклюзия, невозможность получения доступа к современным информационным технологиям или наличие ограничений в использовании информационных ресурсов. Обозначенная проблема подчеркивает значимость диаспоры как особого института современного общества.

Диаспора – явление уникальное в современном мире. Несмотря на давнюю историю существования понятия «диаспора», до сих пор нет единого понимания содержания данного социально-экономического явления. В научной литературе, как правило, отмечается, что понятие «диаспора» используется для обозначения переселенных народов, насильственно рассеянных по всему миру. Представляется, что в современном мире понятие «диаспора» наполняется более широким смыслом и используется для обозначения процесса диаспоризации, охватывающего все аспекты общества и его социально-экономической сферы.

Говоря о необходимости уточнения понятия «диаспора», следует учитывать и различные методологические подходы к классификации и типологизации диаспор. Так, отдельные авторы в качестве классификационного признака называют время образования диаспор, выделяя, таким образом, старые и молодые диаспоры. Другие – выявляют «диаспоры катаклизма», определяющим признаком здесь выступают дезинтеграция и распад крупных государственных образований. Наиболее полной является типология диаспор, предложенная Г. Шеффером, согласно которой выделяются:

- диаспоры с глубокими историческими корнями (армянская, еврейская, китайская);
- «дремлющие» диаспоры (американцы в Европе и Азии);
- «молодые» диаспоры (греческая, польская, турецкая);
- зарождающиеся диаспоры (корейская, филиппинская, русская в бывших советских республиках);

– «бездомные» диаспоры (курды, палестинцы, цыгане);

– этнонациональные диаспоры;

– диаспоры «рассеянные» и живущие компактно¹.

Наиболее значительные коррективы в понимание диаспоры внесли глобальные процессы XX в. В процессе глобальной миграции значительные массы людей переселяются в другие страны. Оказавшись в новой среде, мигранты или вливаются в уже сложившиеся этнические сообщества, или формируют новые. В принимающих странах активно протекает процесс диаспоризации. Этот процесс, по нашему мнению, имеет двойственное значение. С одной стороны, он способствует созданию и развитию диаспор в принимающих странах, с другой – диаспоры становятся институциональными структурами, влияющими на все стороны жизни принимающих стран. Поэтому определение диаспоры, сформулированное относительно классических или исторических диаспор, требует нового осмысления с учетом глобальных миграционных процессов и формирования глобального экономического пространства.

По нашему мнению, диаспора – это этническая совокупность людей, живущая за пределами своей исторической родины и имеющая социально-экономические институты для развития и функционирования данной общности.

Диаспора, оставаясь этническим сообществом, является и институциональной структурой. Полагаем, что диаспора представляет собой организационную структуру институциональной системы. Как организация она представляет собой совокупность индивидов, координирующих свою деятельность для достижения общих целей на основе общности интересов, при этом распределяя права и обязанности, что позволяет нам рассматривать диаспору как институт-организацию. Диаспора как институт определяет поведение и взаимодействие субъектов сообщества, и прежде всего их хозяйствование. Следует отметить, что данный институт можно рассматривать и как элемент целостной институциональной среды, и как самостоятельный институт, имеющий внутреннюю организацию и включающий отдельные микроинституты – бизнес, нормы и права, традиции и обычаи. По нашему мнению, возможность определения диаспоры как институциональной структуры позволяет понять ее сложную природу и преодолеть дуализм в ее понимании как организации и как института.

Определяя диаспору как институциональную структуру, представляется важным отме-

тить ее роль в развитии мирового бизнеса вообще и этнического бизнеса в частности, особенно в контексте этнической глобализации.

В авторском понимании этническая глобализация – это процесс создания этнического глобального сообщества, имеющего свои этносоциальные границы, определяющей основой которого являются сетевые принципы развития. Иначе говоря, этническая глобализация развивается по принципу сетевого взаимодействия, что обуславливает появление особой институциональной структуры – сетевых этнических институтов. В дополнение к приведенному определению отметим особенности этнической глобализации как сетевого процесса. Это, во-первых, наличие двух разнонаправленных потоков – миграция населения и движение капитала, во-вторых, институционализация диаспор и, в-третьих, современные диаспоры приобретают транснациональный характер.

Процесс развития этнической глобализации наиболее ярко проявляется на этносоциальных границах. Именно здесь происходит переплетение социальных сетей, именно здесь формируются глобальные города мирового пространства.

Как отмечалось ранее, определяющим принципом развития этнической глобализации являются сетевые потоки. По мнению ряда исследователей, сети представляют собой организационные формы, характеризующиеся свободными горизонтальными взаимными коммуникациями и обменом между всеми их участниками. Они поддерживают открытые и подвижные отношения между субъектами. Представляется, что сети также обеспечивают «этнический переход» через границы диаспоры (между меньшинством и основным населением).

В научной литературе выделяются различные типы сетей этносоциального взаимодействия в современном мире: локальные, определяющие непосредственное социальное взаимодействие; национальные, созданные национальным государством и непосредственно определяющие наши жизни через законодательство и систему контроля; интернациональные, определяющие отношения между национально конституированными сущностями и включающие договоренности между государствами по проблемам миграции, транспорта, коммуникаций, налогов и т.д.; трансграничные (транснациональные), независимые от национальных государств; глобальные, которые охватывают весь мир в целом².

В контексте исследования транснационального характера диаспор в связи с расширением масштабов этнической глобализации

особое внимание следует обратить на транснациональные сети. Именно создание этих сетей происходит из сущности этнических диаспор, их структура запутана в силу разбросанности многих этнических сообществ и многообразия процессов обмена.

Следует отметить, что сетевой процесс формирования диаспоральности миров создает свое этнопространство со своими глобальными этносообществами и «узлами переплетений» миграционных и инвестиционных потоков. Глобальные этносообщества являются одной из характерных особенностей этнической глобализации. Представляется, что при формировании глобальных этносообществ значительную роль играют этносоциальные сети, особенно сети доверия, стягивающие к определенному месту торговые, финансовые и миграционные потоки.

Традиционно в качестве примера этнической глобализации называют китайскую глобализацию, которая характеризуется, с одной стороны, широкомасштабными миграционными потоками со стороны КНР, а с другой – одновременным расширением инвестиционных потоков в сторону Китая. Более 60% накопленных прямых иностранных инвестиций и более половины всех иностранных компаний в КНР – это инвестиции и компании китайской диаспоры. Китайская диаспора является одной из крупнейших и старейших диаспор в мире. География размещения включает 154 государства (81,0% – Азия; 11,0% – Америка; 5,1% – Европа; 2,0 – Океания; 0,9 – Африка). Оценка численности диаспоры, по различным данным, варьируется от 35 до 87 млн чел.³ При этом следует подчеркнуть, что сама китайская диаспора обладает значительными материальными, финансовыми и интеллектуальными ресурсами, следовательно, ее значение для развития мирового этнического бизнеса велико.

Особую роль в этноэкономической глобализации современного мира играет этнический бизнес диаспор. Необходимо отметить, что этнобизнес одновременно является и результатом экономической деятельности диаспоры как институциональной структуры, и институциональной сетью.

Этнический бизнес диаспоры как институциональной структуры – мало изученное экономическое явление. Очень часто термин «этнический бизнес» отождествляется с понятиями «этническая экономика» или «этническое предпринимательство». Безусловно, указанные понятия в определенной степени взаимосвязаны, но не тождественны, так как имеют свое содержание и особые формы проявления. Этническое

предпринимательство и бизнес зачастую рассматривается как часть этнической экономики.

Этническое предпринимательство представляет собой вид социально-экономической адаптации мигрантов, которые, попав в новую среду, мобилизуют свои трудовые ресурсы и открывают собственное дело⁴.

Диаспора в определенной степени является предпринимательской структурой. Предпринимательские структуры в данном контексте не следует отождествлять с бизнес-процессами или инвестиционными проектами. Эти структуры вообще не связаны с размером или видом бизнеса. Предпринимательство становится функцией диаспоры как институциональной структуры.

В научной литературе отмечается, что бизнес может считаться этническим, если в нем участвуют представители одной этнической группы. Этническое меньшинство объединяется на основе общей этничности и организуют совместный бизнес, который основан на принципе доверия. Доверие, обусловленное общей этнической идентичностью, позволяет сформировать «этносети». Иначе говоря, определяющей характеристикой этнического бизнеса является наличие сетей доверия⁵.

Отметим, что развитие этнических бизнес-процессов основывается на следующих базовых моментах – это этническая миграция, этническое сообщество (диаспора) и этно-экономическая деятельность. Этническая миграция формирует и развивает диаспоры, своеобразные «пункты приема» прибывающих мигрантов, позволяя удержаться им на новом месте жительства. Диаспоры как институциональные структуры выполняют следующие функции: адаптивную, помогающую вхождению мигрантов в новое общество; регулирующую, поддерживающую выполнение правил и норм поведения; мотивирующую, стимулирующую мигрантов активно участвовать в делах сообщества.

Именно адаптивная функция способствует развитию этноэкономической деятельности диаспор. «Этничность» становится ключевым элементом в определении мигрантами своего экономического поведения. Поэтому мигранты выбирают для жизни диаспору, а местом работы – этническое предприятие.

Этнический бизнес, зачастую – мелкий или средний бизнес, который в основном носит семейный характер. Так, например, в Германии экономически сильная турецкая диаспора владеет большей частью из 150 тысяч мелких и средних предприятий, открытых иностранцами в стране. Около 48% турецких предпринимателей в столице Германии заняты в сфере оптовой и рознич-

ной торговли, 29% – в гостиничном бизнесе и снабжении, еще примерно 12% – в мелком производстве и около 80% – в сфере обслуживания. Уличная торговля фруктами и овощами практически полностью находится в руках выходцев из Турции. Немногим более 3% турецких предпринимателей задействованы в сфере транспорта и связи, а около 1% – владеют небольшими строительными компаниями. В общей сложности турецкие предприниматели обеспечивают работой примерно 327 тыс. чел., более 40% которых их соотечественники⁶.

Формат китайского бизнеса быстро и во много раз превысил масштабы экономической деятельности всех прочих меньшинств как в Европе, так и на других континентах. В качестве примера можно назвать этнические кластеры глобальных фирм, включающие и крупные ТНК, и мелкие фирмы, лидирующие в сфере инновационной деятельности. В формировании и развитии этнических бизнес-кластеров ведущую роль играют диаспоры. Так, например, одним из видов партнерства можно считать покупку китайскими компаниями части нестратегических активов или технологий у ТНК, принадлежащих или управляемых зарубежными китайцами, либо образование стратегических союзов с ТНК. За последние десятилетия восемь крупнейших высокотехнологических ТНК Китая открыли 62 центра НИОКР в 23 странах мира⁷. Иными словами, Китай в мировом экономическом пространстве – «всерьез и надолго». Главная задача китайской диаспоры как институциональной структуры – сформировать китаецентричную прослойку в качестве фактора влияния в странах с высокой концентрацией этнических общин.

В настоящее время процесс развития этнического бизнеса во многом осуществляется в результате реализации посреднической функции диаспор. Посредничество обусловлено тем, что многие страны, осуществляя «выход за рубеж», прибегают к помощи диаспор. И это неслучайно, диаспора как институциональная структура хорошо знакома с условиями ведения бизнеса в конкретном иностранном государстве и хорошо понимает стремления государства, «выходящего за рубеж». Посредничество осуществляется в различных формах, основными из которых являются партнерство с компаниями, «выходящими за рубеж», подготовка платформы для компаний за границей и консультационная помощь компаниям. Вместе с тем посредничество позволяет таким государствам использовать диаспору и как движущую силу для национального инновационного развития, вплетая «ресурсы» диаспоры в общую стратегию экономической модернизации.

Как уже отмечалось ранее, этнический бизнес диаспор строится на основе сетевых принципов, таких как доверие, легкость и рациональность. На основе этих принципов формируются и крупные этнические бизнес-структуры. Их не следует отождествлять с малым бизнесом, они не связаны с размером бизнеса, с какой-то определенной отраслью, с территорией. Такие бизнес-структуры характеризуются малым количеством уровней управления, инновационностью, гибкостью и сетевым построением.

Таким образом, в современных условиях происходит возрастание роли диаспоры как институциональной структуры, что проявляется в усилении влияния на социально-экономические процессы современного общества.

Примечания

¹ См.: Шеффер Г. Диаспоры в мировой политике // Диаспоры. 2003. № 1. С. 162–184.

² См.: Mann M. Has globalization ended the rise and rise of the nation-state // The Global Transformation Reder / ed. by D. Held, A. Ms. Grewl. Cambridge : Polity Press, 2000. P. 100–109.

³ См.: Афонасьева А. В. Зарубежные китайцы – бизнес в КНР : экономическая деятельность зарубежных китайцев и реэмигрантов в КНР в ходе реформ (1979–2010 гг.). М. : ИДВ РАН, 2013. 240 с.

⁴ См.: Хрусталева И. М. Этническое предпринимательство мусульманских диаспор в странах Западной Европы // Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 2 (17). С. 188–191. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2011-2-17-188-191>

⁵ См.: Черевичко Т. В. Этнический бизнес в системе международных отношений // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношений. 2014. Т. 14, вып. 3. С. 86–89

⁶ См.: Хрусталева И. М. Указ. соч.

⁷ См.: Селихов Д. КНР в мировом инновационном развитии // Мировая политика и международные отношения. 2013. № 11. С. 21–28. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2013-11-21-28>

Поступила в редакцию 14.12.2021; одобрена после рецензирования 17.02.2022; принята к публикации 22.02.2022
The article was submitted 14.12.2021; approved after reviewing 17.02.2022; accepted for publication 22.02.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 160–165

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 160–165

<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-2-160-165>

Научная статья

УДК 316.346.3

Социальное обслуживание пожилых граждан: взгляд получателей услуг

Т. В. Темаев , О. П. Сынкина, А. К. Хачатурян

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Темаев Тимур Вадудович, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии социальной работы, timur_temaev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8689-9330>

Сынкина Ольга Петровна, аспирант кафедры социологии социальной работы, synkina.olga@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3415-2929>

Хачатурян Александр Каренович, магистрант кафедры социологии социальной работы, aleksandr-arsen11@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8180-5625>

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме – исследованию доступности государственных платных социальных услуг, степени удовлетворенности ими пожилых граждан, а также изучению их стоимости и предлагаемого спектра. В статье приводятся результаты количественного (анкетный опрос) и качественного (интервью) исследований, проведенных авторами в составе исследовательской группы при кафедре социологии социальной работы СГУ им. Н. Г. Чернышевского в г. Саратове и области. Опираясь на количественную и качественную методологии, авторы анализируют платежеспособность пожилых граждан как получателей социальных услуг, качество и спектр предлагаемых государством сервисов.

Ключевые слова: пожилые люди, социальная работа, социальное обслуживание, социальные услуги, количественные методы, качественные методы

Для цитирования: Темаев Т. В., Сынкина О. П., Хачатурян А. К. Социальное обслуживание пожилых граждан: взгляд получателей услуг // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 160–165. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-2-160-165>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4,0 International (CC-BY 4.0)

Article

Social services for senior citizens: The view of service recipients

T. V. Temaev , O. P. Synkina, A. K. Hachaturyan

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Timur V. Temaev, timur_temaev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8689-9330>

Olga P. Synkina, synkina.olga@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3415-2929>

Alexandr K. Hachaturyan, aleksandr-arsen11@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8180-5625>

Abstract. The article is devoted to the urgent problem – the study of the availability of state paid social services, the degree of satisfaction of elderly citizens with them, as well as the study of their cost and the proposed spectrum. The article presents the results of quantitative (questionnaire survey) and qualitative (interview) studies conducted by the authors as a part of a research group at the Chair of Sociology of Social Work of Saratov State University in Saratov and the region. Relying on quantitative and qualitative methodologies, the authors analyze the solvency of elderly citizens as recipients of social services, the quality and range of services offered by the state.

Keywords: elderly people, social work, social services, quantitative methods, qualitative methods

For citation: Temaev T. V., Synkina O. P., Hachaturyan A. K. Social services for senior citizens: The view of service recipients. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 160–165 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-2-160-165>

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4,0 International License (CC-BY 4.0)

Предоставление помощи и организация медико-социального обслуживания для лиц пожилого и старческого возрастов в настоящее время

находится в центре внимания многих государств. Социальная политика разных стран мира, как правило, направлена не только на решение меди-

цинских и социальных проблем представителей третьего и четвертого возрастов, но и на обеспечение приемлемого уровня их жизни в целом. Актуальность исследования проблемы организации социального обслуживания лиц в возрасте 60 лет и старше обуславливается не только тем, что старение населения сопровождается ростом целого перечня медицинских и социальных проблем (заболеваемость и инвалидность, снижение социальной мобильности, трансформация социальной активности, досуга, одиночество и т.п.), но и тем, что в привычной безвозмездной государственной системе социального обслуживания населения все большую роль начинают играть рыночные механизмы, в том числе и по отношению к пожилым гражданам.

Основными учреждениями института оказания медико-социальных услуг населению являются комплексные центры социального обслуживания. Их структура может отличаться в зависимости от численности получателей и специфики обслуживаемого контингента, уровня его потребностей в услугах, наличия каких-либо медицинских и социальных учреждений на охватываемой территории и ряда других аспектов. Общее у них одно – в связи с изменением законодательства трансформировалась и бесплатная система оказания социальных услуг. По сравнению с предыдущим Федеральным законом о социальном обслуживании – № 122-ФЗ, который действовал с 1995 по 2013 г.¹, в Федеральном законе «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» от 28.12.2013 № 442-ФЗ содержится ряд существенных изменений, в том числе и то, что социальное обслуживание стало платным, существенно сократилось количество льготных категорий, которые имеют право на бесплатное или льготное обслуживание (ст. 31)². Изучение современного состояния практик предоставления социальных услуг пожилым гражданам на платной основе представляется особенно актуальным, так как тенденция к коммерциализации социальной сферы остается потенциально перспективной.

С целью оценки общего уровня доступности и качества платных услуг в рамках социального обслуживания граждан пожилого возраста нами в 2021 – январе 2022 г. было проведено два эмпирических социологических исследования.

1. Анкетный опрос осуществлен на базе двух ГАУ СО КЦСОН г. Саратова и области (N = 210), выборка – сплошная. Количество мужчин составляет 18% от общего числа опрошенных респондентов, женщин – 82%, что объясняется существующей половой диспропорцией как в целом по стране в рамках данной возрастной группы, так и в структуре данного учреждения

в частности. Объектом исследования выступили граждане пожилого возраста, находящиеся на социальном обслуживании в данных центрах. Предмет исследования – практики организации социального обслуживания пожилых граждан.

В качестве основных задач исследования были выделены следующие:

- выявить уровень доступности платного социального обслуживания (с точки зрения получателей социальных услуг);
- оценить качество предоставления платных социальных услуг (с точки зрения их получателей).

2. Глубинное интервьюирование (N = 20) пожилых граждан, являющихся получателями социальных услуг. В качестве экспертов в исследовании выступили два сотрудника учреждения социального обслуживания пожилых граждан со стажем работы не менее 10 лет. Количество респондентов обусловлено насыщением кодировочных категорий (интервью с новыми респондентами не дают исследователю нового понимания для раскрытия темы). Ключевым для исследования являлся вопрос: «Действительно ли пожилые граждане, состоящие на социальном обслуживании в комплексных центрах, могут позволить себе платные социальные услуги?» Традиционно интервью с респондентами проходили в формате личных бесед на территории учреждений социального обслуживания. Интервью имели различную длительность – от 40 мин до 1,5 ч. При расшифровке авторы старались сохранить особенности «естественного словаря»³ респондентов. Также в процессе вербальной коммуникации мы старались свести к минимуму отмеченный Г. Батыгиным «эффект смысловых ножниц» и «семиотический вакуум», вызванный несовпадением фокусов речи⁴.

Гипотезами исследований выступили следующие представления:

- 1) платное социальное обслуживание является доступным, с точки зрения получателей социальных услуг (пожилые граждане);
- 2) качество предоставления платных социальных услуг является удовлетворительным, с точки зрения их получателей.

Платежеспособность пожилых граждан как получателей социальных услуг

Анализируя доступность платных услуг для пожилых граждан, т. е. платежеспособность «клиента», первым и важнейшим его признаком является степень материального благополучия. Результаты количественного исследования свидетельствуют о том, что среднемесячный доход респондентов в 21% случаев ниже

10 000 руб., в 73% – от 10 001 до 20 000 руб. и в 6% – от 20 001 до 30 000 руб. Исходя из чего мы можем с уверенностью констатировать, что основными источниками доходов пожилого населения являются пенсии и иные социальные выплаты, так как эти суммы схожи по размеру с цифрами государственного пенсионного обеспечения. Об этом же свидетельствуют данные, приводимые в средствах массовой информации: средний размер пенсии по Саратовской области на конец 2021 г. составил 14 515,99 руб., средний размер страховой пенсии – 14 839,08 руб., в том числе: по старости – 15 268,81 руб., по инвалидности – 9415,15 руб.⁵. Схожие данные получены нами и в ходе качественного исследования. Респонденты подчеркивают, что получают, как правило, небольшую пенсию по старости:

Р.: ... Пенсия маленькая, всего 13 тысяч, все уходит на квартплату и еду (Получатель услуг, женщина, 83 года, декабрь 2021).

Р.: Скажем так, пенсия небольшая, но как-то с мужем справляемся (Получатель услуг, женщина, 79 лет, декабрь 2021).

Р.: Пенсия, конечно, не высокая, но живём, справляемся (Получатель услуг, женщина, 84 года, январь 2022).

При этом результаты интервью свидетельствуют о том, что пенсии у них разные, иногда отличие составляет порядка 80–90%, тем не менее, ее размер их все равно не устраивает, они являются клиентами центров социального обслуживания и, конечно же, платят за собственные услуги, так как получают больше, чем полтора прожиточных минимума.

Р.: У меня не плохая пенсия, по сравнению с другими, я знаю, соседка на 11 тысяч живет, продавцом работала. У меня северные, должность была <...>, но на все, что я хотела бы, а это немного, не хватает, как ни крути (Получатель услуг, женщина, 79 лет, декабрь 2021).

Р.: Как вам сказать, у меня, как вы понимаете, раз такая должность... приличная пенсия, ну вот я вам сейчас скажу 22 тысячи. Вот, по меркам я знаю людей по 12 в месяц получают, но давай всё равно скажу, что не хватает (Получатель услуг, женщина, 81 год, декабрь 2021).

Опираясь на полученные данные, подчеркнем, что современные пенсионеры продолжают жить, как правило, на одну пенсию, которая для большинства является небольшой по размеру и их единственным и основным доходом. Соответственно, платежеспособность получателей платных услуг комплексных центров социального обслуживания населения может измеряться размерами государственной пенсии по старости, она же выступает ориентиром в процессе формирования стоимости таких услуг, их комплексно-

сти и актуальности. Вывод, касающийся степени платежеспособности пожилого получателя социальных услуг, однозначный – размер средней пенсии может позволить только необходимые для жизни пожилого человека расходы, при этом у него не должно быть серьезных проблем со здоровьем.

Доступность платных услуг для пожилых граждан

Результаты нашего количественного исследования свидетельствуют о том, что 93% респондентов получают услуги на платной основе, и лишь для 7% они предоставляются безвозмездно. Из тех, кто платит за предоставленные услуги, 88% устраивает их стоимость, оставшиеся 12% опрошенных скорее ею недовольны. О. Парфенова в своем исследовании эффектов применения нового закона о социальном обслуживании справедливо, на наш взгляд, отмечает тот факт, что после введения платы за услуги количество клиентов не уменьшилось, но сократился перечень предлагаемых центрами услуг, так как пожилые люди оплачивают «жизненно необходимый» минимум – покупку продуктов и лекарств, оплату счетов⁶. Результаты же качественного исследования однозначно свидетельствуют о том, что цена за предоставляемые услуги в центре социального обслуживания является доступной и не вызывает затруднений в оплате среди их получателей:

Р.: Знаете, тут чисто символическая плата – 120 рублей в месяц, считай бесплатно, когда ходила до этого в «Максюту», то было и дороже и уровень другой (Получатель услуг, женщина, 62 года, ноябрь 2021).

Р.: Так, а тут у всех платные. Но цена «не кусается» (Получатель услуг, женщина, 69 лет, декабрь 2021).

Р.: У нас все платные <...>. Но это не одна услуга, а комплекс. То есть туда входит всё, можно посещать любые занятия и кружки, и музеи, и библиотеки, выставки, театр. Так, получают что все услуги в нашем отделении за 125 рублей (Заведующий отделением, стаж 11 лет, ноябрь 2021).

Полученные данные позволяют констатировать доступность, предоставляемых центрами услуг для пожилых граждан. Справедливо подчеркивают исследователи, что социальная услуга понимается как комбинированное благо, в котором объединены рыночные и нерыночные составляющие, выдающие социально значимый положительный результат, содержащий индивидуальную и общественную пользу⁷. Месячная стоимость целого комплекса услуг, действительно, невысока, пожилые граждане могут приобре-

сти их себе. Тем не менее, в связи с небольшой стоимостью целого комплекса услуг возникают вопросы к их качественному наполнению и реализации. Не случайно К. Омарова в своем исследовании, отмечая тенденцию роста количества социальных центров, подчеркивала, что чем больше в стране центров социального обслуживания, тем меньший объем финансирования выделяется на каждый из них, что в результате негативно отражается как на оснащенности самих учреждений, так и на качестве предоставляемых центрами услуг⁸. Поэтому и мы не смогли обойти вниманием изучение данного аспекта в своем исследовании, хотя бы в ракурсе личной оценки пожилых граждан.

Удовлетворенность качеством социальных услуг

Результаты нашего качественного исследования позволяют обозначить нерешенность «старой» проблемы дефицита ресурсов в учреждениях и в настоящее время, которая характеризуется низким уровнем оснащенности и ветхостью зданий и внутренних помещений многих центров. Респонденты, в том числе и эксперты, подчеркивают, что на занятиях им не всегда хватает инвентаря, а помещениям требуется ремонт:

И.: *Какие, на ваш взгляд, существуют проблемы при оказании социальных услуг в вашем учреждении?*

Р.: *Конечно же, связанные с оснащением нашего учреждения, и расходными материалами (Специалист по социальной работе, стаж 14 лет, ноябрь 2021).*

И.: *Какие существуют проблемы, на ваш взгляд, в сфере оказания социальных услуг?*

Р.: *Оснащение и расходный материал. Для оказания услуг мы должны быть оснащены всем необходимым. Эта проблема не острая, конечно, но она по-прежнему существует (Заведующий отделением, стаж 11 лет, ноябрь 2021).*

Р.: *Вот это заведение «совковых» времён ещё... Я не понимаю, вот такое чувство, что никто на него не обращает внимание до сих пор. Это центр, вот эти я коврик с собой притащил из дома, потому что здесь они дырявые, сегодня были занятия с палочками. Ну, казалось бы, ну просто палочки обыкновенные приобрести там, сами приносим (Получатель услуг, мужчина, 68 лет, ноябрь 2021).*

Р.: *Я понимаю, что вот сейчас заикнись про ремонт, это не подойдёт. Просто обстановка гнетущая, вторая сторона за стеной ужасна (Получатель услуг, женщина, 69 лет, декабрь 2021).*

Количественные данные свидетельствуют о том, что из всего числа опрошенных 93% до-

вольны качеством предоставления социальных услуг и лишь 7% респондентов им не удовлетворены, объясняя свой выбор тем, что социальные работники уделяют этому мало времени. Что, на наш взгляд, вполне объяснимо – по данным О. Парфеновой, нагрузка на специалистов увеличилась вдвое⁹, в соответствии с новым регламентом сотрудникам учреждения элементарно не хватает времени на всех клиентов. Тем не менее, лишь 6% опрошенных отметили возникновение трудностей, связанных с невежливым поведением или некомпетентностью специалистов учреждений, а 94% респондентов подчеркнули, что никаких проблем при получении услуг у них не возникало. Схожие данные, но уже в практике Санкт-Петербурга, приводят и другие исследователи, отмечая, что при выполнении своих обязанностей сотрудники учреждений отступают от должностных инструкций в пользу получателей услуг, в связи с чем люди пожилого возраста в полной мере удовлетворены работой специалистов в данных учреждениях¹⁰. Об этом же свидетельствуют и результаты нашего качественного исследования:

Р.: *Ну, не всегда всего хватает на занятиях, что-то сами приносим, но так все нравится, девочки [сотрудники учреждения] стараются (Получатель услуг, мужчина, 64 года, ноябрь 2021).*

Р.: *Не знаю, все они, мне кажется, здесь отдают душу девчонки, все эти женщины, они все (Получатель услуг, женщина, 84 года, январь 2022).*

Можно с уверенностью констатировать, что, опираясь на результаты наших исследований, сотрудники центров социального обслуживания выполняют свою работу профессионально и качественно, количество людей, столкнувшихся с трудностями при получении социальных услуг, невелико. Из всего количества опрошенных только 4% обращались с жалобами на социальных работников в центр социального обслуживания, соответственно, остальные 96% – нет. Те, кто все же обращался в учреждение с жалобой или предложением, отметили, что ситуация после этого изменилась в лучшую сторону, уточнив, что им назначили другого социального работника. Такой довольно низкий процент людей, обратившихся в учреждение с жалобой или предложением, еще раз подтверждает, что сотрудники КЦСОН, с позиции пожилых граждан, являются вполне компетентными и качественно выполняют свою работу, осознавая всю специфику взаимодействия с возрастными клиентами.

Р.: *С нами занимается преподаватель очень классная. В пятницу были занятия, вы знаете,*

она не замечает времени, но продолжает, мы еще поясницу не проработали. То есть я считаю, что человек как бы на своём месте, не смотрит на время и не пытается убежать (Получатель услуг, женщина, 62 года, ноябрь 2021).

И.: Устраивает ли вас качество социальных услуг, которые вам оказывают?

Р.: Да устраивает, занимаемся чем нравиться, не скучно (Получатель услуг, женщина, 68 лет, ноябрь 2021).

Р.: Что могут, все делают (Получатель услуг, мужчина, 66 лет, ноябрь 2021).

Таким образом, можно констатировать, что качество предоставляемых услуг, несмотря на плохую оснащенность инвентарем, ветхость здания, требуемый ремонт внутренних помещений, с точки зрения получателей, остается на удовлетворительном уровне. Данный результат достигается благодаря слаженной работе персонала, личностной мотивационной заинтересованности сотрудников в своей профессиональной деятельности. Немаловажным является и лояльное отношение получателей услуг, готовых закрыть глаза на небольшие недостатки и восполнить нехватку инвентаря собственным вкладом, что в очередной раз подтверждает их платежеспособность.

Ограниченность комплекса предоставляемых услуг

Перечень предоставляемых услуг в комплексе оказался недостаточным для некоторых наших респондентов. Так, для 76% опрошенных спектр услуг, предоставляемых центрами, выступил как вполне полный, для 18% желательными были обозначены «Беседа и общение», а для 6%, проживающих в сельской местности и в частном секторе, среди недостающих и очень актуальных услуг оказалась «Чистка снега в зимнее время». И если последняя услуга отмечена небольшим количеством респондентов и является востребованной в конкретном сезоне, то беседа, общение – одна из главных потребностей людей пожилого возраста постоянно, так как многие из них являются одиноким людьми, и коммуникационная активность ими очень востребована. Данный факт отмечен в исследовании О. Парфеновой, где практически все ее информанты (социальные работники) отмечают нуждаемость пожилых людей в общении, сетуя на то, что услуга «Беседа, общение» была исключена из перечня услуг и теперь никак не регистрируется, хотя по факту она оказывается¹¹. Однако, как мы уже упомянули выше, количество времени, которое уходит на общение и беседу между предоставлением других социальных услуг, с точки зрения наших респонден-

тов, недостаточно. Л. Смородинова-Щетинина в своей работе также подчеркивает, что пожилые люди нуждаются в общении в большей степени в преклонном, чем в молодом возрасте, из-за сильно выраженной потребности чувствовать себя нужными¹². Об этом же говорят респонденты и в нашем исследовании, некоторые приходят в центр социального обслуживания, в том числе чтобы пообщаться между собой:

Р.: Я тут за цветами ухаживаю, у меня и дома цветы, с другими общаемся, вот (Получатель услуг, женщина, 68 лет, ноябрь 2021).

Р.: Я хожу сюда на один кружок, мне нравится, общаемся еще (Получатель услуг, женщина, 69 лет, декабрь 2021).

Р.: Мне нравится сюда приходить, со знакомыми встречаемся, разговариваем, ремесло, занимаемся, интересно тут. (Получатель услуг, женщина, 72 года, ноябрь, 2021).

Р.: Мы вышиваем, на выставки иногда вместе разные ездим, в основном поболтать приходим (Получатель услуг, женщина, 65 лет, ноябрь 2021).

На наш взгляд, удовлетворенность наших респондентов качеством и спектром предоставляемых услуг объясняется тем, что сотрудниками центра создана «домашняя» атмосфера в учреждении, где каждый клиент может реализовать себя по собственному желанию в различных направлениях: хобби, общение, участие в совместных мероприятиях и т.п. Услуги, предоставляемые центрами, по сути, выступают фоном теплых, дружеских взаимоотношений получателей социальных услуг на базе учреждений. Плата за возможность встретиться с друзьями и приветливыми специалистами, реализовать себя в каких-либо социальных взаимодействиях, получить поддержку и участвовать в практиках взаимопомощи представляется несущественной.

Таким образом, обобщив результаты проведенных исследований, можно сделать следующие выводы.

1. Социальная услуга реализуется на практике как комбинированное благо, в котором объединены рыночные и нерыночные механизмы. Данные процессы обеспечивают социально значимый положительный результат, содержащий индивидуальную и общественную пользу, выражающийся в доступности с точки зрения стоимости предоставляемых центрами услуг для пожилых граждан. Месячная стоимость целого комплекса услуг невысока, имеет ограниченный набор, но оставляет свободу личностной реализации на базе центров.

2. Качество предоставляемых услуг, несмотря на плохую оснащенность инвентарем,

ветхость здания, требуемый ремонт внутренних помещений, с точки зрения получателей, остается на удовлетворительном уровне. Важнейшими составляющими данного вывода являются: а) слаженная работа персонала; б) личностная мотивационная заинтересованность сотрудников в своей профессиональной деятельности; в) лояльное отношение получателей услуг, готовых закрыть глаза на небольшие недостатки и восполнить нехватку инвентаря собственным вкладом.

3. Главным недостатком в деятельности социальных работников по-прежнему является выпавшая из перечня социальных услуг «Беседа и общение», которая выступает одной из главных потребностей людей пожилого возраста весь период жизнедеятельности, так как многие из них являются одиноким людьми, и коммуникационная активность ими очень востребована. Несмотря на отсутствие данной услуги в обязательном перечне, она осуществляется, хотя и в суженном виде.

4. Сотрудниками центров социального обслуживания создана «домашняя» атмосфера в учреждении, где каждый клиент может реализовать себя по собственному желанию в различных направлениях. Услуги, предоставляемые центрами, по сути, выступают фоном теплых, дружеских взаимоотношений получателей, площадкой которых выступает учреждение (КЦСОН). Плата за возможность встретиться с друзьями и приветливыми специалистами, реализовать себя в каких-либо социальных взаимодействиях, получить поддержку и участвовать в практиках взаимопомощи представляется несущественной.

Таким образом, можно констатировать, что заявленные гипотезы исследований подтвердились: действительно, платное социальное обслуживание является доступным получателям социальных услуг; качество предоставления платных социальных сервисов удовлетворительное, с точки зрения пожилых граждан.

Примечания

- 1 См.: О социальном обслуживании граждан пожилого возраста и инвалидов : федер. закон от 02.08.1995 № 122-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- 2 См.: Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации : федер. закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- 3 Девятко И. Ф. Методы социологического исследования. 4-е изд. М. : КДУ, 2006. С. 47.
- 4 Батыгин Г. С. Лекции по методологии социологических исследований. М. : Аспект-Пресс, 1995. С. 50.
- 5 Пенсия саратовских летчиков-испытателей выросла до 102 тысяч рублей // Московский комсомолец. URL: <https://saratov.mk.ru/economics/2022/01/16/pensiya-saratovskikh-letchikovispytateley-vyroslo-do-102-tysyachrubley.html>? (дата обращения: 20.01.2022).
- 6 См.: Парфенова О. А. Трансформация социального обслуживания пожилых в региональном контексте современной России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2018. Т. 21, № 2. С. 171. <https://doi.org/10.31119/jssa.2018.21.2.6>
- 7 См.: Алешикина О. В., Байкова Э. Р. Услуги социальной сферы и их реформирование // Экономика и управление : научно-практический журнал. 2018. № 2 (140). С. 31.
- 8 См.: Омарова К. А. Актуальные проблемы развития сети учреждений социального обслуживания населения // Вопросы структуризации экономики. 2007. № 3. С. 13–16.
- 9 См.: Парфенова О. А. Трансформация социального обслуживания пожилых в региональном контексте современной России. С. 174.
- 10 См.: Парфенова О. А. Социальные сервисы для пожилых : формальные и неформальные правила и практики // Журнал исследований социальной политики. 2017. Т. 15, № 4. С. 583.
- 11 См.: Парфенова О. А. Трансформация социального обслуживания пожилых в региональном контексте современной России. С. 165–186.
- 12 См.: Смородинова-Щетинина Л. Г. Особенности общения пожилых людей // Царскосельские чтения. 2010. Т. 5, вып. 14. С. 64.

Поступила в редакцию 09.02.2022; одобрена после рецензирования 15.02.2022; принята к публикации 22.02.2022
The article was submitted 09.02.2022; approved after reviewing 15.02.2022; accepted for publication 22.02.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 166–172

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 166–172

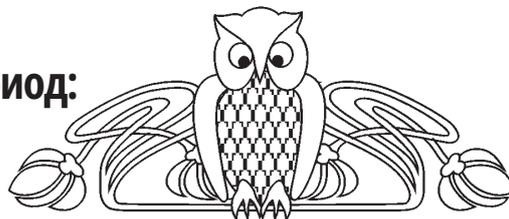
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-2-166-172>

Научная статья

УДК 316.472.42

Расторжение брака в постковидный период: причины и последствия

О. В. Бессчетнова¹✉, С. Н. Фомина²

¹Московский государственный университет пищевых производств, Россия, 125080, г. Москва, Волоколамское шоссе, д. 11

²Российский государственный социальный университет, Россия, 129226, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4, стр. 1

Бессчетнова Оксана Владимировна, доктор социологических наук, доцент, и. о. заведующего кафедрой социально-гуманитарных дисциплин, oksanabesschetnova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4181-9886>

Фомина Светлана Николаевна, доктор педагогических наук, доцент, профессор факультета социальной работы, fomina-sn@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2669-7603>

Аннотация. Статья посвящена изучению основных трендов разводимости в трех субъектах РФ (Московской, Саратовской и Челябинской областях) за период 2011–2019 гг. с учетом ряда социально-демографических показателей: пола, возраста, продолжительности брака, числа детей в семье и места проживания (город/село) с использованием количественных методов исследования. Установлены основные причины развода в изучаемых регионах, зависимость разводимости от ряда социально-демографических показателей – пола, возраста, количества детей в семье. Выявлено влияние пандемии COVID-19 на брачно-семейные отношения как в России, так и в ряде стран мира.

Ключевые слова: брачность, разводимость, семья, демография, исследование, Россия

Для цитирования: Бессчетнова О. В., Фомина С. Н. Расторжение брака в постковидный период: причины и последствия // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 166–172. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-2-166-172>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Divorce in the post-Covid period: Causes and consequences

O. V. Besschetnova¹✉, S. N. Fomina²

¹Moscow State University of Food Production, 11 Volokolamskoe Sh., Moscow 125080, Russia

²Russian State Social University, 4, bld. 1 Wilhelm Pieck St., Moscow 129226, Russia

Oksana V. Besschetnova, oksanabesschetnova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4181-9886>

Sventlana N. Fomina, fomina-sn@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2669-7603>

Abstract. The article is devoted to the study of the main trends in divorce rates in three subjects of the Russian Federation (Moscow, Saratov and Chelyabinsk regions) for the period of 2011–2019, taking into account a number of socio-demographic indicators: gender, age, duration of marriage, number of children in the family and the place of residence (city / village). The main reasons for divorce in all studied regions of Russia were the violation of interpersonal relations (alcoholism / drug addiction of the spouse; conflicts and lack of mutual understanding; treason; domestic violence), economic (poverty; unemployment) and social factors (career ambitions of women, including labor migration; housing problems; interference of relatives in the family life of young spouses). It is concluded that the pandemic of the new coronavirus infection COVID-19 has had a negative impact on marital and family relations, aggravating socio-demographic problems, both in Russia and in most countries of the world.

Keywords: divorce, family, demography, research, Russia

For citation: Besschetnova O. V., Fomina S. N. Divorce in the post-Covid period: Causes and consequences. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 166–172 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-2-166-172>

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4,0 International License (CC-BY 4.0)

Главными особенностями современной демографической ситуации во многих субъектах РФ и стране в целом являются: низкая рождаемость в сочетании с высокой смертностью; массовое распространение малодетной семьи,

не обеспечивающей простого воспроизводства населения; увеличение доли лиц старших возрастных когорт; изменение соотношения между трудоспособными и пенсионерами; зависимость темпов депопуляции от внешней миграции; вы-

сокий уровень разводов и неполных семей. В общей сложности за 1991–2017 гг. Россия потеряла 13,2 млн человек за счет естественной убыли населения, что сопоставимо с потерями военного и гражданского населения в годы Великой Отечественной войны¹.

В связи с пандемией COVID-19 убыль населения в России в 2020 г. выросла в 18 раз по сравнению с предыдущим годом, в том числе зафиксирован рост смертности на 18%², что характерно для многих стран мира. Согласно данным Евростата, в Европейском союзе в первую волну пандемии COVID-19 (с марта по октябрь 2020 г.) в общей сложности умерло на 297 500 человек больше, чем за тот же период предыдущего года. Наибольший рост смертности был зафиксирован в Испании (78,9%), Бельгии (73,9%) и Нидерландах (53,6%); вторая волна пандемии вызвала рост смертности практически во всех государствах-членах ЕС, но наибольший приходился на Польшу (97,2%), Болгарию (94,5%) и Словению (91,4%)³. Компенсаторным механизмом по предотвращению убыли населения в России продолжает оста-

ваться внешняя миграция, в большей степени из стран СНГ – Узбекистана, Таджикистана, Украины, Киргизии, Армении. В 2019 г. на миграционный учет было поставлено 19,5 млн иностранцев и лиц без гражданства.

Несмотря ни на что, семья продолжает оставаться приоритетной ценностью в иерархии современных поколений россиян, хотя формы брачно-семейных отношений заметно меняются по сравнению с традиционными, это, в свою очередь, приводит к возникновению или усугублению других социальных проблем: нарушению детско-родительских отношений, сиротству, росту девиаций в детской и подростковой среде. Динамика брачности в России показывает, что наибольшее количество браков, независимо от пола, заключается в возрасте 25–34 лет (табл.1), что свидетельствует о смещении возраста вступления в первый брак на более поздний срок по западному сценарию. За период 2011–2019 гг. наблюдается снижение количества официально заключаемых браков практически во всех возрастных когорта, с небольшой тенденцией к росту в 2019 г.

Таблица 1

Брачность по возрасту и полу в России в 2011–2019 гг.⁴

Годы	По возрасту жениха				По возрасту невесты			
	до 18	18–24	25–34	35 и более	до 18	18–24	25–34	35 и более
2011	1097	380 457	633 360	301 045	11425	574 707	514 339	215 505
2012	952	327 000	594 126	291 469	10569	496 335	492 239	214 427
2013	931	300 195	619 534	304 826	9695	465 626	521 289	228 879
2014	835	273 994	632 025	319 131	9180	436 993	534 702	245 110
2015	853	247 588	606 002	306 625	8462	400 952	513 566	238 088
2016	705	195 598	515 092	274 441	6825	323 582	439 084	216 345
2017	556	199 294	547 631	302 254	5886	334 893	465 798	243 158
2018	454	170 440	456 639	265 506	4593	285 576	386 641	216 214
2019	564	177 912	469 220	302 389	5141	296 984	395 684	252 276

В 2020 г. в нашей стране наблюдалось снижение количества браков на 18,9% (2020 г. – 770,8 тыс. браков; 2019 г. – 950 тыс.). В феврале 2021 г. в целом в России заключено 52 тыс. браков⁵, количество которых сократилось на 6,7% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года, в том числе и из-за пандемии, что гипотетически может привести к снижению уровня официально зарегистрированных браков и росту сожительства у поколения, которое и так откладывает вступление в брак на более поздний срок.

В целом пандемия оказала негативное влияние на брачно-семейные отношения, обострив супружеские конфликты из-за круглосуточно пребывания членов семьи в замкнутом про-

странстве; необходимости супругов или одного из них работать в дистанционном режиме, одновременно сочетая профессиональные и домашние обязанности, в том числе присмотр, уход за детьми, их обучение и воспитание.

Кроме того, ситуация неопределенности, алармистские вбросы в СМИ информации о росте числа заболевших и умерших по всей стране, угроза потери работы, бессрочный отпуск, недостаток финансовых средств и прочее усилили тревожность и стресс, агрессию и рост домашнего насилия, что не в последнюю очередь вызвало распад семей. Данные сценарии характерны не только для России, но и для целого ряда зарубежных стран.

Развод представляет собой негативное социальное явление, поскольку констатирует разрушение семьи, следствием которого является гендерный дисбаланс семейной структуры; разделение супружества и родительства; появление бинуклиарной или мультиродительской семьи при вступлении бывших супругов в повторные браки, что делает родство временным контрактом⁶; развод приводит к росту числа неполных семей, снижению уровня и качества жизни, рождаемости; усилению трудовой нагрузки на единственного родителя; разделу имущества; нарушению детско-родительских отношений; появлению подростковых девиаций в условиях депривации⁷; вызывает негативное воздействие на психологическое и физическое здоровье всех членов семьи.

По российскому законодательству, при отсутствии общих несовершеннолетних детей,

имущественных претензий и добровольном согласии супруги могут развестись в органах ЗАГС. Расторжение брака в суде возможно как в одностороннем порядке (при обстоятельствах, указанных в законе), так и в случае возражения одного из супругов (максимальная отсрочка не более трех месяцев). Исключением является ст. 17 Семейного кодекса РФ, запрещающая мужу расторгать брак без согласия жены, если она беременна или если их ребенок не достиг возраста одного года⁸.

В настоящее время по уровню разводов Россия занимает второе место в мире после США. За 2011–2019 гг. количество разводов в целом по стране остается относительно стабильным с небольшой тенденцией к снижению, которая, впрочем, может объясняться убылью населения и вхождением в фертильный возраст малочисленного поколения 1990-х гг. (табл. 2).

Таблица 2

Динамика браков и разводов в РФ в 2011–2019 гг.⁹

Брак / развод	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Брак	1 316 011	1 213 598	1 225 501	1 225 985	1 161 068	985 836	1 049 735	893 039	950 167
Браки на 1 тыс.	9,2	8,5	8,5	8,4	7,9	6,7	7,1	6,1	6,5
Развод	669 376	644 101	667 971	693 730	611 646	608 336	611 436	583 942	620 730
Развод на 1 тыс.	4,7	4,5	4,7	4,7	4,2	4,1	4,2	4,0	4,2

Из-за ограничительных мер, введенных в марте–мае 2020 г. в связи с пандемией COVID-19, количество разводов резко сократилось: в 2020 г. было зарегистрировано 564 тыс. разводов против 620,8 тыс. в 2019 г. за тот же период, или на 9,1% меньше, что, скорее всего, связано с введением карантина и самоизоляции, приостановлением государственной регистрации заключения браков и разводов в ряде субъектов РФ (например, в г. Москве, г. Санкт-Петербурге). Самый низкий коэффициент разводимости (на 1 тыс. человек) в указанный период традиционно был зафиксирован в республиках Северного Кавказа – Ингушетии и Чечне (0,6%), Дагестане (1,1%) и Северной Осетии – Алании (1,7%), а также в Тыве (1,6%); самый высокий – в Республике Алтай (4,3%), Ямало-Ненецком АО (4,2%), Калининградской (4,2%), Амурской и Магаданской областях (по 4,1%)¹⁰.

Цель нашего исследования – изучить основные тренды разводимости в современном российском обществе (на примере трех субъектов РФ) с учетом ряда социально-демографических показателей: пола, возраста, продолжительности брака, числа детей в семье, места проживания (город/село).

Методы и материалы исследования. Для проведения социологического исследования

были выбраны: метод статистического анализа брачно-семейных показателей в России и изучаемых регионах за период с 2011 по 2019 г.; вторичный анализ результатов исследований отечественных и зарубежных ученых; метод опроса (анкетирование) населения в возрастном диапазоне 18–69 лет (N = 928), проведенного в трех федеральных округах – Центральном (Московская область), Приволжском (Саратовская область) и Уральском (Челябинская область) примерно равными долями. Выбор регионов обусловлен их геополитическим положением, высокими показателями разводимости в общей картине субъектов РФ (лидерами по количеству разводов являются Центральный и Приволжский федеральные округа).

Инструментарий. Опрос проводился в январе–апреле 2021 г. при помощи анкетирования. Анкета состояла из 23 закрытых, полужакрытых и открытых вопросов, которые были направлены на изучение мнения респондентов о разводе, выявление его причин и последствий в разных возрастных когортах. Сбор первичных данных проводился с использованием электронной и печатной форм. Электронная версия анкеты была размещена на платформе Google Forms, ссылка на которую направлена потенциальным респондентам по адресам электронной почты, через

социальные сети (Одноклассники, ВКонтакте) и мессенджеры (WhatsApp, Viber), а также использовался метод «снежного кома». Аналогичная печатная версия анкеты была предназначена в большей степени для лиц пенсионного возраста, в том числе как работающих пенсионеров, так и находящихся на надомном социальном обслуживании, не владеющих компьютерной грамотностью (последней группе анкета предъявлялась к заполнению через социальных работников).

Участники исследования. В исследовании приняли участие следующие социально-демографические группы: учащаяся молодежь, в основном студенты, обучающиеся в системе среднего профессионального и высшего образования, 18–24 лет (25%); работающая молодежь 25–35 лет (40%), лица среднего и старшего трудоспособного возраста 36–55 лет (25%), работающие

на государственной службе, в сфере образования, здравоохранения, культуры, услуг, в торговле, промышленности и сельском хозяйстве; пенсионеры 56–69 лет, в том числе работающие (6,6%), а также находящиеся на надомном социальном обслуживании (3,4%). По гендерному составу: 53,1% – женщины, 46,9% – мужчины.

Обработка и анализ данных осуществлялись с использованием программы SPSS Statistics.22 и включали изучение частотных распределений, анализ параметров таблиц сопряженности.

Статистический анализ брачно-семейных показателей в субъектах РФ за период 2011–2019 гг. В общей численности населения страны доля мужчин составляет 46%, женщин – 54%. Больше всего разводов зафиксировано в Центральном (12,3 тыс.) и Приволжском федеральных округах (8,1 тыс.) (табл. 3).

Таблица 3

Динамика разводов в субъектах РФ в 2011–2019 гг.¹¹, на 1000 чел. населения

Регион	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Саратовская область (ПФО)	4,7	4,7	4,8	4,8	4,2	4,1	4,1	4,0	4,1
Московская область (ЦФО)	4,9	4,6	5,0	5,0	4,6	4,6	4,7	3,9	4,9
Челябинская область (УФО)	5,5	5,4	4,7	5,6	4,6	4,6	4,6	4,5	4,7

В указанных регионах основная масса населения проживает в малых и средних городах, со средней заработной платой в 20–25 тыс. руб., с высоким уровнем безработицы из-за отсутствия рабочих мест ввиду закрытия большинства промышленных предприятий и внутренней миграции (в основном мужского населения в большие города и мегаполисы – Москву, Санкт-Петербург, Челябинск), что приводит к возникновению новых и обострению уже существующих семейных конфликтов, а дистантное проживание супругов провоцирует обоюдные измены, жизнь на «две семьи», охлаждение супружеских отношений, фрагментарное участие одного из родителей в воспитании детей создают условия для распада брака.

Причины развода. Женщины чаще мужчин прямолинейно и открыто высказывают недовольство по поводу несоответствия брака их ожиданиям. Согласно нашему исследованию, в 59,1% случаев инициатором развода выступает женщина, что подтверждается и результатами опроса исследовательского центра портала Superjob.ru¹², проведенного на общероссийской выборке 1600 чел.: 68,0% всех опрошенных женщин и 72,0% женщин в возрасте 25–34 лет признались, что сами подали заявление о расторжении брака.

По данным анкетирования, основными причинами развода во всех возрастных когортах являются, с одной стороны, эмансипация женщин, более высокий по сравнению с мужчинам уровень образования, желание продолжать обучение, развиваться, принимать участие в различных видах социальной активности; с другой стороны, алкоголизм/наркомания супруга – 25,01%, конфликты/отсутствие взаимопонимания – 17,02%, низкий уровень доходов и безработица – 18,09%, карьерные амбиции женщин – 11,99%, в том числе трудовая миграция; измена – 9,05%, жилищные проблемы – 7,97%, домашнее насилие – 6,57%, вмешательство в семейную жизнь родителей супругов – 4,31%.

По данным опроса, 37,93% женщин, ведущих домашнее хозяйство и ориентированных на семью и детей, реже одобряют развод, хотя и принимают в качестве мотива для развода «отсутствие любви к мужу», в отличие от 40,94% работающих женщин.

Опрос, проведенный ВЦИОМ в 2019 г.¹³, подтверждает результаты авторского исследования: половина опрошенных в качестве основных причин распада семьи называют экономические факторы – бедность, безработицу, невозможность прокормить семью (2019 г. – 46%, 2013 г. – 21%) и поведенческие особенности

супругов – измену и ревность (2019 г. – 22%, 2013 г. – 24%); эгоизм и конфликты (2019 г. – 21%, 2013 г. – 19%). К условиям, оказывающим влияние на отмену решения о разводе, респонденты отнесли: материальную зависимость одного супруга от другого – 25% и невозможность принять окончательное решение о местожительстве общих детей – 34%.

В ходе авторского исследования установлены различные доминирующие причины развода в разных возрастных когортах: 18–25-летние наиболее острыми проблемами считают: отсутствие взаимопонимания и супружеские конфликты – 35,99%; вмешательство в семейную жизнь родителей – 22,95%; девиантное поведение супруга(ги) – 17,99%; домашнее насилие – 9,26%; в то время как в группах 26–35 и 36–45 лет ведущую роль играют материальная обеспеченность (45,04 и 37,72% соответственно), трудовая миграция (32,10 и 42,78%) и долги (3,44 и 6,90%). С возрастом влияние фактора «отсутствие взаимопонимания», «не сошлись характерами» заметно снижается. Материальный достаток семьи не коррелирует с основными причинами развода, так как на них указывают супруги из разных социальных страт.

Наличие детей. Общие дети являются существенным аргументом для сохранения семьи. По данным авторского опроса, бездетные пары распадаются в 52,04% случаев, семьи с одним ребенком – в 28,01%, супруги, имеющие двух и более детей, – в 19,95% случаев.

По мнению А. Б. Синельникова¹⁴, каждая вторая женщина, имеющая одного ребенка, одобряет развод с нелюбимым супругом; в малодетных и многодетных семьях данный тезис поддерживают 48 и 49% опрошенных женщин соответственно. Более того, наличие объективных причин для развода не требуется, отсутствие любви как существенный мотив для расторжения брака признают половина респондентов.

Согласно опросу ВЦИОМ, в 2019 г.¹⁵, доля россиян, полагающая, что дети при разводе должны оставаться с матерью, снизилась на 18% по сравнению с 2015 г.; одновременно возросло число тех, кто считает необходимым учитывать обстоятельства конкретной семейной ситуации (в 2019 – 58%, в 2015 г. – 43%), что может свидетельствовать о возрастающем признании за отцами их конституционного права на равные права в сфере родительства и большей включенности в процесс воспитания собственных детей.

Зависимость между продолжительностью брака и разводом. По данным авторского исследования, более половины респондентов – 68,85% – отдадут предпочтение официальному заключению брака, 31,15% – сожительству;

56,03% считают вступление в брак обязательным условием для рождения и воспитания детей.

Наибольшее количество разводов зафиксировано в семьях, которые прожили в браке 5–9 лет – 28,01%; 1–2 года брака – 21,01%; реже разводятся супруги, чей стаж семейной жизни составляет 10–19 лет – 17,02%; 3–4 года брака – 16,08%; 20–25 лет брака – 13,14%; наименьшее число разводов в семьях молодоженов (до 1 года брака) – 4,74%.

Зависимость места проживания и развода. За последние десять лет уровень разводимости в селах указанных субъектов РФ имеет устойчивую тенденцию к снижению. Основными причинами распада браков в сельских поселениях выступают злоупотребление алкоголем (54,20%), высокий уровень конфликтности (32,76%), значительно реже – измена (4,42%). Уровень разводимости в селе был всегда заметно ниже, чем в городе; в прошлом в силу большего социального контроля крестьянской общины, распространения многопоколенных семей, высокого уровня религиозности, сохранения традиционного семейного уклада, но только более тесного географического проживания, часто в течение нескольких поколений, но и активного межличностного общения, интенсивной включенности в жизнь односельчан; в настоящем из-за катастрофической убыли сельского населения, низкой рождаемости и высокой смертности, миграции молодежи в города с целью получения образования, отсутствия рабочих мест, низкой заработной платы, распада социальной инфраструктуры, закрытия сельских школ, невозможности получения адекватной потребностям медицинской помощи, отсутствия учреждений культуры, тяжелых условий труда и быта. Кроме того, ряд сельских поселений указанных областей испытывает недостаток водоснабжения, газификации домов, мобильной связи, асфальтированных дорог, постоянно действующего общественного транспорта, позволяющего добраться из отдаленных населенных пунктов в районные центры и близлежащие города, что оказывает непосредственное влияние на снижение показателей брачности и разводимости в сельских районах.

Изменение основных показателей брачности и разводимости наблюдалось и в ряде зарубежных стран. В США, по данным Национального центра по изучению семьи и брака (National Center for Family & Marriage Research), в 2019 г. уровень разводов составил 15,5 на 1 тыс. женщин по сравнению с 22,6 в 1980 г., а средняя продолжительность брака увеличилась с 19,0 лет в 2010 г. до 19,8 лет в 2019 г.¹⁶. Вместе с тем результаты исследований о влиянии пандемии COVID-19 на семью и брак неоднозначны. Со-

гласно опросу американских семей (American Family Survey, AFS), 58% женатых мужчин и замужних женщин в возрасте 18–55 лет заявили, что ситуация самоизоляции заставила их больше ценить своего супруга; 51% опрошенных отметили усиление приверженности браку; доля супругов, характеризующих свои отношения как проблемные, сократилось с 40% в 2019 г. до 29% в 2020 г.¹⁷. Во время карантина количество разводов снизилось в ряде штатов: во Флориде – на 19%, в Миссури – на 9%, в Орегоне – на 12%, в Род Айленде – на 13%.¹⁸ Не исключая возможности кратковременного роста числа разводов в ближайшее время, американские исследователи прогнозируют устойчивую тенденцию к его снижению в долгосрочной перспективе. Аналогичные тенденции характерны для Австралии, Великобритании, Новой Зеландии и Сингапура.¹⁹

В свою очередь, американские адвокаты, специализирующиеся на бракоразводных процессах, отмечали рост заявлений об инициировании развода с марта по июнь 2020 г. на 34% по сравнению с предыдущим годом; треть супружеских пар (31%) в качестве причины разрыва отношений называла конфликты во время самоизоляции, стресс, случаи домашнего насилия, неустойчивую финансовую ситуацию, потерю работы, закрытие бизнеса²⁰.

В Китае фиксируется устойчивое снижение брачности с 13,47 млн в 2013 г. до 8,13 млн в 2020 г. Основными мотивами нежелания вступать в брак являются трансформация традиционной системы ценностей, высокая стоимость жилья, затраты на свадебную церемонию, откладывание регистрации брака в связи с получением образования и саморазвитием (самая большая когорта – 25–29 лет, а также лица в возрасте 40+). Жители крупных городов – Тяньцзинь и провинция Чжэцзян, Шаньдун, Гуандун и Фуцзянь – реже заключают браки; наименьший показатель брачности зафиксирован в Шанхае – 4,1%. Одновременно растет и количество разводов: с 580 тыс. до 3,73 млн в период с 1987 по 2020 г.²¹

В ряде стран Европейского союза наблюдается схожая ситуация: снижение количества браков и увеличение числа разводов. Среди лидеров по разводам исторически выделяются Латвия, Литва, Дания и Швеция, во второй кластер входят Словения, Болгария, Хорватия, Италия (в Италии в 2020 г. число разводов увеличилось на 60%)²², и замыкают список Мальта и Ирландия – страны с минимальным количеством разводов.

В рамках концепции второго демографического перехода к типичным европейским характеристикам сферы брачно-семейных отношений относят: увеличение продолжительности жизни

(в странах Европейского союза в 2018 г. средняя ожидаемая продолжительность жизни при рождении составляла 81,0 год: 83,7 года для женщин и 78,2 года для мужчин)²³; высокий уровень разводов, особенно в старших возрастных когортах 50+²⁴; последовательная смена повторных браков, включая сожителства, гостевые и другие формы супружеских отношений; усиление разрыва между представителями разных поколений в силу сознательной малодетности или бездетности (чайлд-фри), отсутствия внуков и правнуков. Данные тенденции будут еще более усиливаться со временем, так как, по прогнозам, к 2070 г. доля европейцев в возрасте 65 лет увеличится до 30%, а лиц 80 лет и старше возрастет вдвое, достигнув 13%²⁵.

Таким образом, за последние десять лет снижение разводимости характерно для Австралии, Великобритании, Новой Зеландии, Сингапура, США, в то время как для Китая и ряда стран Западной Европы на фоне снижения брачности фиксируется рост числа разводов. В России наблюдается уменьшение количества заключаемых браков, в то время как число разводов остается практически неизменным.

Итак, за последние годы демографические показатели большинства стран мира заметно меняются в силу разных причин, как глобальных трендов, обусловленных мировыми процессами, происходящими в обществе под воздействием социальных, экономических, политических, социокультурных, технологических изменений, так и индивидуальных выборов как результата переоценки ценностей, влияния СМИ, появления новых возможностей, что приводит в конечном счете к распаду семьи. В современной России наблюдаются снижение брачности и стабилизация разводимости, в отличие от, например, Китая и стран Европейского союза.

Результаты проведенного исследования позволяют утверждать, что инициатором развода в большинстве случаев выступает женщина; основными причинами развода являются девиации супруга(и), конфликты и отсутствие взаимопонимания, бедность и безработица, измена, карьерные амбиции женщин, в частности трудовая миграция, жилищные проблемы, домашнее насилие и вмешательство родственников в семейную жизнь молодых супругов. Семьи с двумя и более детьми распадаются реже, по сравнению с бездетными и однодетными парами, поэтому наличие детей в семье является важным сдерживающим фактором. Наименьшее число разводов приходится на семьи молодоженов, в то время как пик разводимости зафиксирован в семьях, проживших в браке 5–9 лет и молодых семьях, реже разводятся семьи старшего супружества.

В городе супруги разводятся чаще, чем в селе, что обусловлено убылью населения, невысокой долей молодежи в структуре сельских поселений, миграцией, традиционным укладом жизни.

Примечания

- ¹ См.: Демографическая ситуация в России : новые вызовы и пути оптимизации : национальный демографический доклад / под ред. С. В. Рязанцева. М. : Экон-Информ, 2019. 79 с.
- ² См.: Российский статистический ежегодник. 2020 : стат. сб. М. : Росстат, 2020. 700 с.
- ³ См.: Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 05.09.2021).
- ⁴ Там же.
- ⁵ Там же.
- ⁶ См.: Лактюхина Е. Г., Антонов Г. В. Развод : (ре)комбинации родства // Вестник экономики, права и социологии. 2016. № 1. С. 284–288.
- ⁷ См.: Бессчетнова О. В. Благополучие детей как социальная проблема современности // Logos et Praxis. 2019. Т. 18, № 4. С. 42–52.
- ⁸ См.: Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 04.02.2021, с изм. от 02.07.2021). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- ⁹ См.: Федеральная служба государственной статистики : [сайт].
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же.
- ¹² См.: Инициаторами развода чаще всего становятся женщины. URL: <https://www.superjob.ru/research/articles/111521/iniciatorami-razvoda-chasche-stanovyatsya-zhenschiny/> (дата обращения: 02.09.2021).
- ¹³ См.: Отношение к бракам и разводам : мониторинг. Опрос ВЦИОМ от 8 июля 2019 г. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/otnoshenie-k-brakam-i-razvodam-monitoring> (дата обращения: 18.08.2021).
- ¹⁴ См.: Синельников А. Б. Субъективные причины развода : данные исследования // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2017. Т. 23, № 3. С. 116–139.
- ¹⁵ См.: Отношение к бракам и разводам : мониторинг. Опрос ВЦИОМ от 8 июля 2019 г.
- ¹⁶ См.: Number 1 in 2020: the U.S. Divorce Rate has hit a 50-year low. URL: <https://ifstudies.org/blog/number-1-in-2020-the-us-divorce-rate-has-hit-a-50-year-low> (дата обращения: 22.08.2021).
- ¹⁷ См.: Manning W. D., Payne K. K. Marriage and Divorce Decline during the COVID-19 Pandemic: A Case Study of Five States // Socius: Sociological Research for a Dynamic World. 2021. Vol. 7. P. 1–3. <https://doi.org/10.1177/23780231211006976>
- ¹⁸ См.: Divorce is down during COVID. URL: <https://ifstudies.org/blog/divorce-is-down-during-covid> (дата обращения: 24.08.2021).
- ¹⁹ См.: Ortiz-Ospina E., Roser M. Marriages and Divorces – Our World In Data. 2020. URL: <https://ourworldindata.org/marriages-and-divorces#citation> (дата обращения: 24.08.2021).
- ²⁰ См.: US divorce rates skyrocket amid COVID-19 pandemic. URL: <https://nypost.com/2020/09/01/divorce-rates-skyrocket-in-u-s-amid-covid-19/> (дата обращения: 03.09.2021).
- ²¹ См.: How Chinese fell out of love with marriage. URL: <https://asia.nikkei.com/Spotlight/Caixin/How-Chinese-fell-out-of-love-with-marriage> (дата обращения: 27.08.2021).
- ²² См.: Demographic Outlook for European Union. Brussels, European Union, 2021. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2021/690528/EPRS_STU\(2021\)690528_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2021/690528/EPRS_STU(2021)690528_EN.pdf) (дата обращения: 27.08.2021).
- ²³ Там же.
- ²⁴ См.: Lin I. F., Brown S. L., Wright M. R., Hammer-smith A. M. Depressive Symptoms Following Later-life Marital Dissolution and Subsequent Repatterning // Journal of Health and Social Behavior. 2019. Vol. 60, № 2. P. 153–168. <https://doi.org/10.1177/0022146519839683>
- ²⁵ См.: European Commission Report on the Impact of Demographic Change. URL: https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/demography_report_2020_n.pdf (дата обращения: 30.08.2021).

Поступила в редакцию 08.09.2021; одобрена после рецензирования 21.02.2022; принята к публикации 22.02.2022
The article was submitted 08.09.2021; approved after reviewing 21.02.2022; accepted for publication 22.02.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 173–180
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 173–180
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-2-173-180>

Научная статья
УДК 316.74:2

Мистическая религия и источники оккультизма в исследованиях Колина Кэмпбэлла

А. Ю. Фадеев

Пензенская духовная семинария Пензенской Епархии Русской Православной Церкви, Россия, 440023, г. Пенза, ул. Перекоп, д. 4

Фадеев Андрей Юрьевич, протоиерей, кандидат богословия, доцент кафедры Библистики и богословия, fadeevandrei@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-6973-6081>

Аннотация. Формы неинституционализованной религиозности, как правило, находятся на периферии исследований социологов и религиоведов. С тридцатых годов прошлого столетия началось изучение подобного явления в области социологии религии. Колин Кэмпбэлл, развивая концепцию Трёлча о мистической религии, вводит новый термин «мистическая общность» и анализирует её характеристики: индивидуализм, синкретизм, терпимость, релятивизм и монизм. Официальная культура и сфера оккультного не изолированы друг от друга, а находятся в постоянном взаимодействии – гипотеза К. Кэмпбэлла, которую он подтверждает благодаря анализу терминов «институционализованное знание» и «здравомыслие» (общее знание). Автор статьи определяет источники появления и поддержки оккультного в разногласиях между наукой, религией, культурой и обыденным знанием.

Ключевые слова: культовая среда общества, мистическая общность, оккультизм, институционализованное знание, суеверия, полумверие, истернизация Запада, реабилитация естественного, народная религия, доктрина полиморфизма

Для цитирования: Фадеев А. Ю. Мистическая религия и источники оккультизма в исследованиях Колина Кэмпбэлла // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 173–180. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-2-173-180>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4,0 International (CC-BY 4.0)

Article

Mystical religion and the sources of occultism in the research of Colin Campbell

A. Yu. Fadeev

Penza Theological Seminary of Penza Diocese of Russian Orthodox Church, 4 Perekop St., Penza 440023, Russia
Andrey Yu. Fadeev, fadeevandrei@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6973-6081>

Abstract. Forms of non-institutionalized religiosity, as a rule, are at the crossroads of research. The study of such a phenomenon in the field of the sociology of religion began in the thirties of the last century. Colin Campbell, developing Trolch's concept of mystical religion, introduces the new term "mystical community" and analyzes its characteristics: individualism, syncretism, tolerance, relativism and monism. The official culture and sphere of the occult are not isolated from each other, but are found in constant interaction – the hypothesis of K. Campbell, which he confirms by analyzing the conceptual field of terms "intitIALIZED knowledge" and "common sense". The author determines the sources of appearance and support of the occult in disagreements between science, religion, culture and common sense.

Keywords: cultic milieu, mystical community, occultism, institutionalized knowledge, superstition, half-belief, easterinization of the West, rehabilitation of the natural, folk religion, polymorphism doctrine

For citation: Fadeev A. Yu. Mystical religion and the sources of occultism in the research of Colin Campbell. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2022, vol. 22, iss.2, pp. 173–180 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-2-173-180>

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В рамках статьи представлен анализ концепций и терминов английского социолога Колина Кэмпбэлла, предложенных им в двух статьях: «Тайная религия образованных классов» (1978) и «Культурные источники поддержки современного оккультизма» (1987). В данных публикациях особый интерес представляет исследование неинституционализованной религиозности современного западного общества.

Кэмпбэлл является автором новой концепции «культовой среды общества». Он впервые сделал попытку описать её характерные черты с позиции господствующих в социологии религии понятий. Вслед за Т. Парсонсом и Р. Белла в корреляции с их теорией неозволюционизма Колин Кэмпбэлл констатирует сдвиг религиозных предпочтений в сторону личностно значимых этических ориентиров¹. По мнению

Кэмпбэлла, упадок церковной религиозности ведёт к возникновению новых вариантов религиозной принадлежности. Благодаря работам Колина Кэмпбэлла понятие культовой среды становится одним из самых удобных инструментов в изучении неинституционализированной религиозности в сектоведении. Его идеи легли в основу дальнейших исследований нетрадиционной религиозности, её функций и влияния на общество².

«Тайная религия образованных классов»

В статье «Тайная религия образованных классов» К. Кэмпбэлл выражает сомнение в эффективности ранее предложенных концепций классификации структурированной религиозности. Он пытается найти «эмпирическую реальность», благодаря которой классификация «церковь – секта – культ» станет верифицируемой для абсолютного большинства религиозных идентификаций. В данном поиске Кэмпбэлл выделяет концепцию Трельча о «духовной (мистической) религии». Универсальность данной концепции обеспечивает фиксация противоречий между новой религиозностью и светским восприятием окружающего мира вкупе с отвержением традиционных форм религиозности на основе индивидуального опыта.

Таким образом, позиция Трельча заключается, во-первых, в том, что современную трансформацию религии лучше всего рассматривать как переход от «церковной религии» к «духовной и мистической религии», а во-вторых, такое изменение тесно связано с процессами секуляризации. Три типа религиозности, предложенные Трельчем, – это церковная религия, религия секты и духовная (мистическая) религия. Трельч описал свою «третью форму» религии как реакцию против прагматизма, лицемерия и этической слабости государствообразующих церквей, которая возникала из-за конфликтов между деноминациями, церквями или сектами³.

Эрнст Трельч подчеркивает, что «религия мистики» – это не то же самое, что мистический или духовный опыт. Мистицизм как составляющая часть религиозного опыта может сочетаться с любым видом поклонения, мифом и доктриной, может проявляться во многих формах и, следовательно, не имеет особо отличительных социальных последствий. Религия мистицизма, напротив, возникает тогда, когда она стремится занять место устоявшейся религии, став, по сути, независимым по своему характеру религиозным принципом⁴. Здесь мистика – это уже не просто аспект или составляющая религии, а отдельная религия с отдельной

системой верований. Именно эти верования отделяют «духовную и мистическую религию» от церковных и сектантских структур.

Внутренне содержание «религии мистики» определяется убежденностью в крайних формах имманентности божественного начала, предполагающего поэтапное воссоединение с Богом через преодоление преград «этого мира». Чаще всего это соединение религиозных и философских идей вокруг субъективного мистического опыта, воспринимаемого как форма «чистой религии». Мистическая религия – та форма религии, в которой процесс индивидуализации достигает своего высшего уровня, своего рода «радикальный религиозный индивидуализм»⁵. «Духовная и мистическая религия», по мнению Кэмпбэлла, наиболее тесно приближается к явлению новой религиозности⁶. Эти формы религиозности, как правило, основаны на полиморфизме, синкретизме и индивидуализме, проявляя безразличие к любой форме структурированной религиозности. Здесь Кэмпбэлл вновь подтверждает свой тезис 1977 г. о характерном отличии культовой среды, а именно её абсолютной неструктурированности⁷. Более того, автор отмечает, что процессы секуляризации практически не касаются (или не наблюдаются учёными) данного явления, так как не имеют предмета воздействия в организационных формах. Вероучение и участие в богослужениях, обряды посвящения, число распространителей идей – все это имеет мало значения для религии, у которой нет места для формальной организации или объединяющего ритуала. Даже социологические опросы – в основном бесполезный индикатор. Следовательно, данные, которые предполагают снижение уровня религиозности, согласно этим критериям не дают повода для выводов, что «духовная и мистическая религия» в состоянии упадка.

«Духовная и мистическая религия» лучше всего «приспособлена» к выживанию в социокультурной среде современного общества. «Духовная и мистическая религия» процветает не только потому, что она менее уязвима для прямого воздействия процессов секуляризации, но и потому, что социальные и культурные характеристики современного «постиндустриального» общества коррелируют с её убеждениями и ценностями. Собственно, согласно мнению английского профессора, новые формы религиозности развиваются благодаря критике традиционных форм религии (а именно их дуализма и догматизма) с позиций гуманизма и либерализма. Это утверждение верно только отчасти, так как новые формы религиозности процветают и в тех регионах, где традиционные религии адогматичны и основаны на монистических концепци-

ях. Но так как исследования Трёлча, к которым обращается Кэмпбэлл, посвящены прежде всего западному христианству, то этот тезис в данном случае имеет твёрдое основание. В качестве примеров автор ссылается на радикализм К. Барта и Д. Бонхёффера, экзистенциализм Р. Бульмана и метафизику П. Тиллиха, которые вместе низводят острие христианского Откровения к вопросам «мира сего» и социальным аспектам бытия, лишая последнее духовной составляющей и опираясь на радикальный рационализм в вопросах веры. Эта форма религии, таким образом, процветала за счет других, потому что она лучше адаптирована, чтобы выжить в научной и светской культуре. Особенности, которые дают мистической религии её адаптивное преимущество: монизм, релятивизм, терпимость, синкретизм и прежде всего её индивидуализм⁸.

Индивидуализм является результатом радикально личной этики самосовершенствования или обожествления. Человек становится независимым священником и богословом, но без каких-либо претензий к интерпретациям другого индивида. «Негативное» последствие этой характеристики – отсутствие религиозной общины в любом смысле, «положительное» – абсолютная автономия и свобода от обязательств. Индустриализация и урбанизация общества лишь способствовали процессу индивидуализации. В то же время культурные ценности, связанные с личным развитием и самосовершенствованием, стали твёрдой доминантой в таких областях, как искусство, образование и воспитание детей, способствуя увеличивающейся индивидуализации и автономии. Тесно связанная с индивидуализмом характеристика нового типа религиозности – очень высокая степень **терпимости**. Толерантность – отличительная особенность «мистической религии», которая делает её совместимой с плюралистическим характером современного общества. В религии субъективных убеждений первым постулатом считается полиморфизм в широком смысле, признающий любой духовный опыт и практику, применимую и равнозначную для самосовершенствования и себя, и другого. Как отметил Э. Трёлч, полиморфизм игнорирует очень важный элемент христианского богословия, а именно амартологию и сам факт человеческого падения и его последствий.

Синкретизм – другая особенность «духовной и мистической религии», которая предоставляет ему адаптивное преимущество в «светской» культуре. Институты традиционных религий (как и сект) вынуждены постоянно адаптировать вызовы современного мира к нормам закреплённого вероучения как некой константе. Новая религиозность освобождена от подобного

процесса, так как абсорбирует новые идеи часто без особой интерпретации и переработки. Такой синкретизм стал возможным в основном из-за отсутствия богословия как такового, в союзе с полиморфным характером истины. Трёлч отмечает эту особенность христианского мистицизма: «свободно объединяет христианские идеи со всеми видами других элементов», допускает смешивание элементов, заимствованных из различных религиозных традиций и объединяет религиозные и нерелигиозные системы мысли⁹. Собственно, сравнивая тексты работ Трёлча и Кэмпбэлла, становится очевидным, что данные положения не могут быть применены ко всему многообразию форм новой религиозности, так как выведены из эмпирической базы сугубо западного христианства XIX–XX вв. Мистический синкретизм позволяет избегать опасностей религиозного конфликта, исключая константы догматики и абсорбируя элементы различных религий в общую мистическую философию. Ссылаясь на труд Трёлча, Кэмпбэлл полагает, что христианско-мистическая традиция часто пополнилась ингредиентами, заимствованными из буддизма, индуизма и суфийского ислама. По его мнению, «духовная и мистическая религия» – единственная форма религиозности, которая приветствует объединение вероучительных доктрин в определённых элементах: в то же время различия в обучении и практике могут быть проигнорированы.

Помимо абсорбции религиозных идей, мистический тип религиозности способен к синкретике со светскими системами взглядов, включая научные. Есть, конечно, точки конфликта – рационализм, материализм и «мирская суета». Кроме того, в нём есть фундаментальное безразличие к таким светским вопросам, как политика и экономика, но нет никакой оппозиции абстрактным, светским системам взглядов в целом, если они не строго рациональные или эмпирические. Эти совместные области содержатся в искусстве, философии и науках, где мистика может привлечь материал для восприятия. Утверждение Кэмпбэлла об отсутствии интереса к политике и экономике в свете развития феминистского и экологического движений в настоящее время уже неактуально. Синкретизм в поле научного знания Кэмпбэлл более подробно анализирует в последующих работах. Такие характеристики, как релятивизм и монизм, предложенные Трёлчем, Кэмпбэлл затрагивает лишь имплицитно, упоминая их в рамках характеристик – терпимости, синкретизма и индивидуализма.

Духовная и мистическая религия имеет базовое родство с идеалистическим и эстетическим индивидуализмом – особенностью образованных классов. Этот тезис Трёлч упоминал

несколько раз, заявляя, что «в целом, однако, современные образованные классы не нуждаются ни в чём, кроме мистики», и что «постепенно в современном мире образованных людей пришёл к преобладанию третий тип (мистическая и духовная религия)»¹⁰. Трёлч предполагал, что его третий тип религиозности (мистическая религия) найдёт своё распространение исключительно в среде обеспеченных и образованных классов, которые не отягчены вопросами выживания. Более того, автор исключал распространение данного типа религиозности в англосаксонских странах из-за присущего им рационализма и прагматизма. Но Кэмпбэлл, учитывая более поздние явления, отметил, что послевоенные годы стали эпохой возрождения романтизма, поскольку образованные классы в Британии и Америке постепенно отказываются от своего традиционного прагматизма в пользу экзистенциализма и немецкого идеализма. В результате концепция Трёлча о грядущей тайной религии и её происхождении теперь может быть применена, в целом, к образованной молодежи «постиндустриального общества». Этот религиозный романтизм, наряду с эстетической дифференциацией и мистикой, является источником того, что может реально усвоить современный немецкий протестант образованных классов, – его понимание религии в целом. Это тайная религия образованных классов. Собственно, данные выводы справедливы по отношению к большей части населения западной цивилизации, так как уровень образования и материального благополучия несравненно выше в современном обществе, чем в 30-е гг. XX столетия. Таким образом, К. Кэмпбэлл, опираясь на более раннее исследование своего предшественника, ввёл новое понятие – «мистическая общность», спроецировав характеристики «духовной и мистической религии» Э. Трёлча на новый термин. В отношении предпочтений «образованных» классов к мистической религиозности Кэмпбэлл расширил область этого явления на более значительную аудиторию постиндустриального общества.

«Культурные источники поддержки современного оккультизма»

В статье «Культурные источники поддержки современного оккультизма», написанной в соавторстве с Шорли Макивером, Колин Кэмпбэлл ставит задачу найти объяснение широко распространённому явлению – росту интереса и приверженности к оккультным практикам и верованиям. Для исследования авторы используют обширный эмпирический материал периода 1971–1979 гг. Они проанализировали особенно-

сти современной западной культуры и выявили «мостики», соединяющие её с оккультной средой, определили характерные особенности этих связующих путей. К. Кэмпбэлл опирается на дихотомию Э. Тириакияна «отвергнутый – нормальный», «нормальный – аномальный», «эзотерический – экзотерический» и понятие институционализированных (религиозных и научных) знаний как вместителище культурного багажа. В первой части статьи авторы возвращаются к анализу терминологического аппарата (1972 г.): критерии легитимизации принятых знаний, относительность термина «девиантность» в зависимости от развития прогресса, границы «отвергнутого» знания и их прозрачность¹¹. Опираясь на уже использованные критерии, авторы предлагают новую гипотезу: официальная культура и сфера оккультного не изолированы друг от друга, а находятся в постоянном взаимодействии.

Для подтверждения новой гипотезы К. Кэмпбэлл рассматривает понятийную область терминов «институционализированное знание» и «здоровомыслие» (общее знание – «commonsense»). Смысловые поля этих терминов не совпадают полностью и на практике являются причиной появления оккультизма. Более того, здравый смысл зачастую находится в состоянии напряжения и в отношении некоторых научных парадигм, и в отношении вероучительных истин традиционной религии¹². В то же время реальность таких понятий, как «удача» и «судьба», не оспаривается здравым смыслом и народной культурой, но им нет места в научном или религиозном мировоззрении. Такие различия появляются благодаря элитарности институционализированных знаний, которые тщательно выверяются и подлежат верификации, в отличие от здравого смысла, который охватывает упрощённые (не явные) версии устаревших научных теорий и религиозных доктрин. Основной причиной роста интереса к оккультному является разрыв между научным знанием и уменьшением авторитета институтов традиционной религии. Этот разрыв между наукой и религией заполняет оккультное знание, которое восполняет вопросы бытия благодаря несогласованности позиций между компонентами институционализированного знания. Более того, интерес к тайным силам мироздания через синтез примет, суеверий, табу и заклинаний порождает желание найти вполне эмпирические результаты без эмпирической основы. В этой связи авторы статьи дают довольно точную характеристику различию между оккультными практиками и суевериями. Оккультное – тайное, скрытое; суеверия – всегда доступны и открыты для пользователя. Суеверия и оккультное знание широко распространены и в большом объёме со-

впадают в современном обществе, но наряду с ними существует ещё одно явление – народная религия (folk religion).

Народная религия тесно связана с оккультизмом и суевериями. Мировые религии расширяются за счёт поглощения и ассимиляции народных верований, которые либо уничтожаются, либо наполняются новым содержанием благодаря религиозной рецепции¹³. Анализ содержания народных верований показывает: суеверия и оккультные практики тесно взаимодействуют внутри folk religion¹⁴. Очевидно, что народная религиозность обеспечивает поддержание в современном обществе того культурного ресурса, который воспроизводит оккультные традиции и методы. Компоненты народных верований широко представлены в популярной культуре и массмедиа, что порождает коммерческий интерес, ориентированный на предпочтения большинства. Но не всё так однозначно. Массмедиа, с одной стороны, довольно свысока и иронично высмеивают суеверия и оккультизм, а, с другой стороны, целенаправленно иницируют интерес к тайному и необъяснимому циклами передач и репортажей. Данный процесс, по мнению авторов статьи, начался довольно давно – с XVIII в. Суеверия и компоненты народной религии отвергаются экспертным сообществом и элитами, которые определяют границы истинности знаний, но не отвергаются массовой культурой и большинством населения. Отверженные знания не исчезают со временем, лишь претерпевают определённую трансформацию. Границы между отверженным и легитимизированным знанием поддерживаются экспертным сообществом, но эти границы не сдерживают взаимодействия сторон. В этом отношении авторы касаются природы суеверий и применяют новый термин «полуверие», который будет более глубоко разработан Кэмпбэллом в 1996 г.

Немонолитное институционализированное знание расколото противоречиями как между религиозным мировоззрением и наукой, так и внутри этих составных частей. Более того, официальная культура имеет ещё одно поле противоречий – разделение между официальной (высокой) культурой и популярной, которые в совокупности противостоят ещё и научному знанию¹⁵. Оккультизм маневрирует между этими монолитами, используя очаги напряжения и заимствуя аргументы и термины у противоборствующих сторон. Используя противоречия между наукой, религией и культурой, оккультизм обеспечивает себе место для существования. Религия и наука в своём многовековом противостоянии утратили абсолютный авторитет, и оккультизм, имея исторические связи с обоими

«врагами», декларирует свою уникальность: только методы оккультного познания способны объединить противоборствующие лагеря¹⁶. Научное познание в данном случае критикуется с позиций гуманизма и антисциентизма, а религиозное – с позиции рационализма. Разница в подходах научного и религиозного познания не позволяет им объединиться в борьбе с оккультным и отвергнутым. Например, молитва с точки зрения науки – вполне сопоставима с отвергнутым знанием оккультного, а религиозные методы познания также вызывают сомнения у представителей точных наук. Волшебство и колдовство осуждаются и наукой, и религией, но каждая основывается на собственных подходах. Если наука отвергает волшебство как иррациональное «ошибочное предположение», то религия – на основе моральных критериев (грех). Более того, не все традиционные религии достаточно последовательно отвергают оккультные практики. Так, например, доктрина реинкарнации лежит в основе индуизма, буддизма и джайнизма. Невозможно признавать буддизм (как традиционную религию) и одновременно осуждать идею перевоплощения. Нет единства и в христианской традиции в отношении некоторых проявлений оккультного. Отношение к масонским ломам вариативно в разных христианских деноминациях. Различна и вера в отношении духов и ангельского мира: довольно неоднозначна практика экзорцизма в различных деноминациях. По мнению Кэмпбэлла, все эти факты невольно провоцируют интерес к оккультному мировоззрению и спиритизму, поддерживая практику «эпистемологического индивидуализма»¹⁷.

В свою очередь, наука также не является единым образованием, а состоит из различных дисциплин, методологических подходов и практик. Даже философия науки – основа научного познания – содержит в себе конкурирующие традиции. Биология, психология и социология до сих пор не определились до конца в границах наука / не наука. Колин Кэмпбэлл задаёт вполне справедливый вопрос: если признаны методы Фрейда, то почему официально не признаётся дианетика?

Даже основное обвинение оккультизма в отсутствии эмпирической базы не находит общих подходов в области научных методов. Сами учёные оспаривали такие методы, как дедукция и индукция, фальсификация и воспроизводимость опыта (верификация), актуальность интуиции, эмпатии и интроспекции. В этой плоскости наука менее защищена, чем религия. Если традиционная религия базируется на вечных и непреходящих константах, то наука по своей природе вынуждена апеллировать к меняющейся интер-

претации картины мира. Для Колина Кэмпбэлла очевидно, что большая часть современного оккультного знания содержит в себе полузабытые научные концепции прошлых веков. Таким образом, полагает он, и будущий оккультизм будет включать в себя, очевидно, отвергнутые современным научным сообществом концепции и феномены. Однако в интерпретации носителей оккультных идей этот тезис выглядит иначе: часть будущей науки будет включать в себя элементы современного оккультного знания или идей. Тот факт, что наука включает в себя конкурирующие спорные положения (в форме теорий и гипотез), побуждает оккультистов идентифицировать себя ни больше ни меньше как в качестве альтернативной школы в научном сообществе, преследуемой официальными учёными и чиновниками от науки, отягощёнными предрассудками и профессиональной ревностью. Апелляция учёных к некоторым концептам, которые лежат вне обычного знания обывателя, также способствует укреплению оккультного мировоззрения, которое основывается на таинственном и сокрытом. Кроме того, постоянно меняющаяся природа научных истин, дополненная плюрализмом и экспериментированием, хорошо вписывается в оккультное мировоззрение. Существует ещё одна точка соприкосновения оккультного и научного мировоззрений – это область научной фантастики. С одной стороны, научная фантастика – художественная интерпретация научного потенциала, с другой стороны, это идеи оккультной среды. Примером могут служить публикации Р. Хаббарда в научно-фантастическом журнале, которые популяризировали его идеи и стали интересны значительному числу будущих последователей церкви Саентологии. Сама наука создаёт всё новые и новые концепции с возрастающей скоростью, которые становятся свежим материалом для оккультного сообщества. Так, например, вероятность того, что разумные формы жизни могут существовать и в других частях Вселенной, провоцирует оккультистов на очередные спекуляции.

Оккультизм по своей природе неоднороден. Если часть носителей оккультных идей целенаправленно интерпретирует религиозные и научные идеи, то другая часть оккультной среды просто использует эти идеи для соответствующих практик с целью самосовершенствования и изменения (воздействия) мира. Таким образом, английский социолог пытается классифицировать носителей оккультной среды в дихотомии практика / теория.

Критерии соотношения практика / теория актуальны для целого ряда научных дисциплин и областей применения. Так, например, в медици-

не, социальной работе и психиатрии более важным аспектом является положительный эффект метода, чем критерии его научности. Собственно, например, иглоукальвание не является научной методикой, но при всей своей спорности признаётся как эффективное средство против некоторых симптомов болезни. Таким образом, прагматизм вытесняет научную аргументацию своей эффективностью. Обывателю, собственно, всё равно, научно это или иррационально, если последствия очевидны. Практикующие оккультисты это хорошо понимают и используют довольно сложные и малопонятные простому человеку (но хорошо известные учёным) техники для своей работы и рекламы.

Не только наука и религия являются хранителями институционализованного знания. Искусство – значительная область культуры, описывающая в разных методах человеческий опыт. В большинстве случаев это довольно субъективный опыт, но он, тем не менее, важен и для общества, и для отдельного индивида. Область искусства очерчена вполне легитимными институтами – приёмные комиссии, художественные экспертизы, академии, сообщества писателей и музыкантов и т.д., которые способны отличить девиантные формы от общепринятых. Тем не менее, и для искусства характерны изменения критериев оценки в истинности. За двадцатый век произошли изменения в театральном искусстве, кино, художественной фотографии, дизайне, в процессе которых «ингредиенты» популярной культуры стали нормами элитарного искусства. Литература, по мнению К. Кэмпбэлла, занимает в этом списке особое место. Одна из причин, которая связывает область литературы с оккультизмом, – традиция использования древних рукописей, секретные тексты, область семиотики и семантики. Пока Церковь сохраняла монополию на образование, возможность проявлять интерес к оккультному ограничивалась несколькими десятками аристократов и священнослужителей. Прогрессивные идеи Реформации создали условия, при которых часть образованного высшего и среднего классов смогла беспрепятственно иметь доступ к скрытым ранее оккультным идеям и практикам. Соответственно, и художники-романтики, и литераторы были вовлечены в использование оккультного материала (Франкенштейн и Дракула становятся популярными персонажами). Данный исторический процесс трансформировал и образ создателя произведения, теперь это не ремесленник, а провидец, пророк, маг – сама область искусства теперь сакральное пространство, противоположное обычному (утилитарному). В значительной степени это явление до сих пор актуально, поскольку

многие художники, поэты, музыканты и артисты используют, явно или косвенно, оккультные идеи, а некоторые оккультисты делают особый акцент на искусстве и творчестве. Образ художника-аутсайдера тесно связан с образом эксцентричного (непризнанного и гонимого) гения, который берёт своё начало в эпохе Ренессанса. Этот образ во многом служит внешним барьером для иронии и критики коллег.

Кэмпбэлл обозначает непростую задачу для представителей официальной науки, религии и искусства: точно отделять aberrации известных людей от области признанных знаний. Так, например, сложно отделить Ф. Йейтс от Герметического корпуса, И. Ньютона от его интереса к алхимии, а А. Эйнштейна от мистики. К сожалению, оккультизм не стоит в позиции полной девиации, а вплетён в моральные вопросы и общественные процессы, значимые для социума. Оккультизм неоднороден и содержит в себе весь спектр позиций – от консервативных и традиционных, до либеральных и радикальных. Тем самым он способен получать общественную поддержку благодаря своей способности апеллировать к ценностям и убеждениям общества в целом.

К сожалению, оккультизм нельзя охарактеризовать только как девиантные формы отвергнутого знания, его взаимосвязь с культурой более глубока. Некоторые части оккультного знания жёстко отвергаются экспертным сообществом, другие не обозначены, третьи имплицитно принимаются как экспертами, так и обывателями. Каждая часть культуры имеет свою историческую и онтологическую связь с оккультным, которая не сводится в один классификационный ряд. Более того, помимо перечисленных источников в области науки, религии и искусства, существуют и косвенные: антинаучное мировоззрение и антиклерикализм. Давление на оккультное меньшинство не приведёт к его уничтожению, а лишь загонит минорные сообщества в гетто, где они в качестве гонимых и обездоленных будут противостоять официальной культуре, поддерживаемой элитами общества.

В заключение статьи авторы касаются проблемы детского восприятия протооккультного воспитания. Дело в том, что практически все формы «взрослого» оккультизма содержатся в детских книжках, где отверженное знание презентуется как адаптированный материал для детей. Это своего рода «детское гетто», где каждый будущий член общества подспудно знакомится с оккультным материалом через образы сказочных героев и существ, адаптируя фантастические сюжеты мифов в реальном мире. Этот навык только закрепляется с годами, когда

во взрослой жизни человек вынужден разграничивать иррациональное и реальное, сакральное и обыденное, мистическое и прагматическое.

Таким образом, мы не находим в указанных статьях Колина Кэмпбэлла развития его концепции культовой среды общества, которую он сформулировал в 1972 г. Однако очевидно, что автор уделяет особое внимание в своих последующих исследованиях самому феномену неинституционализированной религии в разных формах: суеверия, влияние восточных религиозных учений и практик, оккультная среда современного западного общества, мистическое сообщество. На определённом этапе своих исследований автор вынужден был апеллировать к «предельным категориям» религии, оставляя в стороне методы социологии.

Тем не менее, в данных исследованиях мы можем выделить ряд терминов и методик, имеющих определённый потенциал для дальнейших исследований культовой среды общества. Во-первых, общие характеристики сложной системы (комплекс подсистем) культовой среды: индивидуализм, монизм, синкретизм, полиморфизм, адогматизм, толерантность – как её адаптивные преимущества. Данные характеристики в комплексе применимы только к мега-системе культовой среды, но не могут быть сведены к свойствам подсистемного уровня. Таким образом, Кэмпбэлл приближается к понятию «эмерджентность» – появление у системы свойств, не присущих её элементам. В отличие от прежних работ, в которых К. Кэмпбэлл пытался охарактеризовать культовую среду через её составные части, в более поздних исследованиях он формулирует характерные черты «сложной системы» в отрыве от подсистемного уровня. Во-вторых, «народная религия», по мнению Кэмпбэлла, не только включает в себя «отверженные знания», но и способна воспроизводить трансформированные идеи в общественное поле. Границы между отверженным и легитимизированным знанием поддерживаются экспертным сообществом, но эти границы не сдерживают взаимодействия сторон. Границы противоречий между наукой, религией и культурой, а также точки напряжения внутри них служат источником зарождения и поддержки постоянного процесса воспроизводства новых идей культовой среды. Оккультизм, магия, мистицизм, отверженные знания и верования прошлого маневрируют между точками противоречий официальной культуры, используя очаги напряжения и заимствуя аргументы и термины у противоборствующих сторон. Используя противоречия между наукой, религией и культурой, культовая среда общества обеспечивает себе место для существования.

Примечания

- ¹ См.: *Гараджа В. И.* Социология религии : учеб. пособие для студентов и аспирантов гуманитарных специальностей. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Инфра-М, 2005. С. 297.
- ² См.: *Мартинович В. А.* Сектантство : возникновение и миграция / предисл. Л. И. Григорьевой. М. : ИД «Познание», 2018. С. 146–161.
- ³ См.: *Becker H.* Systematic Sociology on the Basis of the Beziehungslehre and Gebildelehre of Leopold von Wiese. New York : Wiley & Sons, 1932. P. 624–642.
- ⁴ См.: *Troeltsch E.* The Social Teaching of the Christian Churches : in 2 vols. London : George Allen & Unwin ; New York : The Macmillan Company, 1931. Vol. 2. P. 735.
- ⁵ Ibid. P. 377.
- ⁶ См.: *Campbell C.* The Secret Religion of the Educated Classes // *Sociological Analysis*. 1978. Vol. 39, iss. 2. P. 147. <https://doi.org/10.2307/3710214>
- ⁷ См.: *Campbell C.* Clarifying the cult // *British Journal of Sociology*. 1977. Vol. 28, № 3. P. 383. <https://doi.org/10.2307/590001>
- ⁸ См.: *Campbell C.* The Secret Religion of the Educated Classes. P. 153.
- ⁹ Ibid. P. 155.
- ¹⁰ *Troeltsch E.* Op. cit. P. 795.
- ¹¹ См.: *Campbell C.* The cult, the cultic milieu and secularization // *A Sociological Yearbook of Religion in Britain*. 1972. Vol. 5. P. 119–136.
- ¹² См.: *Campbell C., McIver Sh.* Cultural Sources of Support for Contemporary Occultism // *Social Compass*. 1987. Vol. 34, № 1. P. 43. <https://doi.org/10.1177/003776868703400104>
- ¹³ См.: *Зеньковский В. В., прот.* Апологетика. М. : Лепта-Пресс, 2004. С. 306–332. (Религиозно-философская серия; Вып. 16).
- ¹⁴ См.: *Campbell C., McIver Sh.* Op. cit. P. 46.
- ¹⁵ Ibid. P. 48.
- ¹⁶ См.: *White A. D.* A History of the Warfare of Science with Theology in Christendom : in 2 vols. New York : D. Appleton and Co., 1896. Vol. 1. 450 p.
- ¹⁷ *Campbell C., McIver Sh.* Op. cit. P. 51.

Поступила в редакцию 15.02.2022; одобрена после рецензирования 19.02.2022; принята к публикации 22.02.2022
The article was submitted 15.02.2022; approved after reviewing 19.02.2022; accepted for publication 22.02.2022

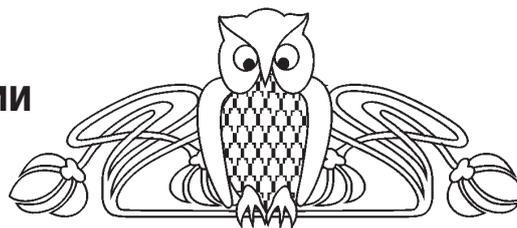

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 181–184
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 181–184
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-2-181-184>

Научная статья
УДК 316.43

Концепция социальной стратификации в современной социологии

Е. Е. Немерюк , Т. С. Власов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Немерюк Евгения Евгеньевна, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии молодежи, evgeniya_nemeryuk@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0866-2661>

Власов Тимофей Сергеевич, аспирант кафедры социологии молодежи, Timoha.Vlasov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3858-9538>

Аннотация. В статье рассматривается основная идея концепции, которая состоит в том, чтобы раскрыть ряд проблем, порожаемых социальной стратификацией в современной социологии. Используя методологический потенциал социологии, авторы пытаются продемонстрировать сущность и логику социальной стратификации как метафоры развития современного общества. В то время как в классической социологии внимание обращалось в основном на отношения «господин – зависимый», в «современной» социологии больше внимания уделяется среднему классу, который способствует обеспечению баланса между двумя полюсами социальной иерархии. Если до XX в. главным атрибутом правящего класса были экономические возможности, то сегодня маркеры социальной стратификации изменились, и наиболее важными являются культура и культурные ценности.

Ключевые слова: современная социология, средний класс, социальная иерархия, социальная стратификация, культура, культурные ценности

Для цитирования: Немерюк Е. Е., Власов Т. С. Концепция социальной стратификации в современной социологии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 181–184. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-2-181-184>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4,0 International (CC-BY 4.0)

Article

The concept of social stratification in modern sociology

Е. Е. Nemeryuk , Т. S. Vlasov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Evgeniya E. Nemeryuk, evgeniya_nemeryuk@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0866-2661>

Timofey S. Vlasov, Timoha.Vlasov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3858-9538>

Abstract. The article discusses the main idea of the concept, which is to reveal a number of problems generated by social stratification in modern sociology. Using the methodological potential of sociology, the author tries to demonstrate the essence and logic of social stratification as a metaphor for the development of modern society. While classical sociology pays more attention to the «master-dependent» relationship, in «modern» sociology, more attention is paid to the middle class, which contributes to ensuring a balance between the two poles of the social hierarchy. If until the 20th century the main attribute of the ruling class was economic opportunity, today the markers of social stratification have changed, and the most important are culture and cultural values.

Keywords: modern sociology, middle class, social hierarchy, social stratification, culture, cultural values

For citation: Nemeryuk E. E., Vlasov T. S. The concept of social stratification in modern sociology. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 181–184 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-2-181-184>

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4,0 International License (CC-BY 4.0)

Проблема исследований социальной стратификации в современном обществе по-прежнему остается одной из самых актуальных. Длительный процесс трансформации систем социальной стратификации способствует сохранению на-

учного интереса к этой проблеме. Изменялись формы и соотношение собственности, системы политической власти и управления, формы социального неравенства. Многие ученые начали активно изучать вопросы влияния множествен-

ных сложных трансформационных процессов в экономической, политической и социальной сферах на трансформацию социальной стратификации.

Социальная стратификация функционально представляет собой многоуровневое пространство взаимозависимых социальных процессов, социальных отношений, социальных практик, установок и социальных позиций.

Социальная стратификация – это краткосрочное группирование людей, а не организованное явление. В этнонациях уже формируется организация последних, что может быть использовано как в краткосрочных, так и в долгосрочных планах. В краткосрочной перспективе формирование этнических групп направлено на изменение распределения благ по определенным спонтанным «статусам»: дружба, язык, религия, гражданство и т.д.¹.

Одной из важнейших проблем социальной стратификации является классовая борьба, которая изначально развивалась в развитых странах, затем распространилась по всему миру, откуда и появилось понятие «третий мир», которое существует с начала 1950-х гг.

В настоящее время мир и наука имеют дело с мировыми империями, возникшими благодаря купцам, которые, будучи вовлеченными в определенные рыночные отношения, сформировали текущий социальный порядок и социальную структуру².

С начала двадцатого века крах западных традиций, которые поставили под угрозу существование всех европейских наций, существование небольшого числа капиталистических классов, собственность которых потеряла все остальные преимущества, – являются основными предпосылками для социальной стратификации³.

Класс – это единица агентов, занимающих схожее положение, которые, находясь в одинаковых условиях и обладающих схожими правами, имеют все возможности управлять схожими диспозициями и интересами, создавая схожие практики и позиции⁴.

Чтобы понять природу социальной стратификации, необходимо взглянуть на структуру последней с точки зрения формаций, так как времена меняются, а соответственно, претерпевают изменения и сами формации вместе с социальными классами⁵. Социальное расслоение существовало всегда, проблема только в среднем классе, который существует сегодня. Представители этого класса, с одной стороны, не кажутся предвзятыми в отношении своего статуса, с другой стороны, они составляют

большинство всех обществ, поскольку во всех отношениях отличаются как от бедных, так и от богатых, от элиты⁶.

Понятие «социальный класс» было создано в рамках капиталистической микроэкономики. Следует отметить, что наука должна относиться к нему как к уникальному мировому порядку в истории. Здесь социальная стратификация не рассматривается как формальная система, потому что она теряет способность интерпретировать реальность, лишая ее мобильности. Социальную стратификацию следует рассматривать как развивающуюся, изменяющуюся структуру, покрытую постоянно меняющейся идеологической пеленой, поскольку ее можно определить в конкретном пространственном контексте как социальную структуру общества. Принадлежность индивида к определенному социальному классу полностью зависит от восприятия социальной реальности, убеждений, преследования собственных интересов и поиска компромиссов между целью и средствами⁷.

Каждый социальный класс проходит три стадии развития: созидание, стабильность и упадок. Более того, постепенный процесс социального расслоения носит циклический характер: каждый социальный слой постоянно меняется и создается заново после разрушения предыдущего.

Со временем общество породило не столько столкновение социальных классов, сколько стратификацию, характеризующую ее логику господства, установленную в рамках определенной идеологии⁸. Особенность социальной стратификации более очевидна в современном обществе, если принять во внимание различия в культурных ценностях⁹.

В любом обществе, независимо от контекста, одни ставят себя выше других, обладают большей властью, авторитетом и возможностями¹⁰. Некоторые люди всегда более успешны или живут лучше, потому что достигают того, чего хотят. В современных обществах социальный статус определяется привилегиями людей над социальным пространством и физическим пространством.

Разделение на классы сегодня не зависит от того, каким капиталом человек владеет, работает или не работает и как он проводит свое свободное время. Сегодня классы, вероятно, являются символами, которые использует индивид, потому что в современном мире работа – это образ жизни. Ни в каком обществе нет классовой борьбы, потому что работа стала образом жизни. «Борьба со всем существующим капиталом, рост цен и рабочая сила ассоциируются

с последним как с «боевым конем»¹¹. Сегодня рабочий только воображает, что борется с классовым неравенством, потому что в современном обществе бороться невозможно, сегодня нет систематического сознания классов, сегодня воображение решает, к какому классу принадлежит индивид¹².

Изменения в концепциях и критериях рассмотрения членов общества породило в недавнее время также и изменение определения высшего или правящего класса. Правящий класс включает тех, кто обеспечивает и контролирует частные инвестиции. Этим людям можно идентифицировать только по их коллективному вкладу. Они находятся в конфликте с участниками, которым необходимо изменить свою конфиденциальность, что требует увеличения социального потребления общества¹³. Один из выходов из этой ситуации видится в утверждении принципа «равенство в современном обществе». Однако это равенство нельзя рассматривать как всеобщее социально-политическое равенство.

Подходы к классовым разделениям Р. Коулмана и Л. Рейнбоу учитывают отношения между работающими людьми, которые имеют равный статус или находятся на более высокой или более низкой ступени социальной иерархии¹⁴. Проблема несоответствия социального статуса связана с тем, что некоторые люди обладают одновременно статусными показателями очень низкими и очень высокими. Например, профессор высшего учебного заведения может иметь низкий доход, но высокий уровень научного и культурного образования. Эти люди не попадают ни в одну социальную категорию¹⁵.

Социальный статус – это позиция, которую занимает человек или семья по отношению к преобладающим стандартам культурно приемлемых благ, реальных доходов, материальных благ и участия группы в данной деятельности¹⁶.

Сложность обществ ведет к появлению новых стандартов социальной стратификации. Определение социального статуса человека становится сложным многоуровневым процессом. Позиционирование личности в социальном пространстве в иерархии социальной стратификации происходит через социальную интеграцию, которая в современных обществах достигается не только через трудовую деятельность, но также через образование и потребление¹⁷.

На протяжении многих лет социологи считали, что социальная стратификация имеет два уровня: низкий и высокий. Но в последнее время человечество имело дело с рыночными обществами, где сотрудничество между членами общества происходит на трех уровнях: низком,

среднем и высоком, что проявляется во время осуществления трудовой деятельности.

Средний уровень – уникальное звено между низшим и правящим классами, так как человек получает излишки продуктов, работая в низшем классе, но его постигает та же участь, что и работа в высшем классе. Чтобы закрепить свои привилегии и возможности, высший класс пытается поддерживать трехуровневое общество, в то время как низший класс пытается устранить средний класс с целью легко изменить социальный порядок¹⁸.

Классическая социология пыталась объединить культуру, социальные структуры и эволюцию, чтобы сформировать огромные культурные, социальные и исторические ансамбли, которые называются обществами, но современное общество не может рассматриваться как таковое. Чтобы понять современный мир, необходимо демонтировать эти ассоциации и отдать приоритет культуре. Соответственно, культурные нормы и ценности, контролируемые их собственными создателями, становятся важнейшими функциями социальной структуры, за которой следуют конкретные действия.

В настоящее время общество разделено на бесконечные социальные слои, в которых участвует общество журналистов. Они провоцируют правила поведения, они делят общество на социальные слои, которые, по мнению телевидения, невозможно представить без другого слоя. Журналист – это оружие между правящими политическими и экономическими силами для выражения их собственных взглядов. Именно благодаря последнему создаются социальные слои, типичные для разных социальных классов¹⁹. Когда вещи, знаки и действия освобождаются от своих идей, концепций, существования, ценностей, происхождения и значений, они становятся препятствием для непрерывного воспроизводства. Другими словами, идея прогресса исчезла сама по себе, но прогресс продолжается. Идея богатства, подразумевающая производство, утрачена, но производство развивается более быстрыми темпами. И когда первоначальное представление о его конечных целях исчезает, процесс производства ускоряется.

Таким образом, концепция социальной стратификации в современной социологии – это динамичный, постоянно изменяющийся, развивающийся, вновь формирующийся, непрерывно реконструируемый процесс, в результате которого индивиды в определенной степени позиционируются в социальном пространстве во времени, что обусловлено социальными и экономическими факторами.

Примечания

- ¹ См.: Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М. : Научный мир, 2010. С. 58.
- ² Там же. С. 19.
- ³ Там же. С. 28.
- ⁴ См.: Бурдые П. Социология социального пространства. СПб. : Алетейя, 2017. С. 120.
- ⁵ См.: Wright E. Classes. London : Verso, 1985. URL: <https://www.academica.org/erik.olin.wright/54.pdf> (дата обращения: 18.03.2021).
- ⁶ См.: Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М. : Центр-Ком, 2015. С. 186.
- ⁷ См.: Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб. : Университетская книга, 2016. С. 67.
- ⁸ Там же. С. 61.
- ⁹ Там же. С. 14.
- ¹⁰ См.: Блэкуэлл Р., Минард П., Энджел Дж. Поведение потребителей. 10-е изд. СПб. : Питер, 2015. С. 382. (Классический зарубежный учебник).
- ¹¹ Цит. по: Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М. : Добросвет, 2015. С. 35.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же. С. 47.
- ¹⁴ См.: Gilbert D., Kahl J. The American class structure: A new synthesis. Belmont, Calif. : Wadsworth Publ. Co., 1987. 360 p.
- ¹⁵ Ibid. P. 349.
- ¹⁶ См.: Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. М. : Библион-Русская книга, 2017. С. 210.
- ¹⁷ См.: Touraine A. The Post Industrial Society Tomorrow's Social History: Classes, Conflicts and Culture in the Programmed Society. New York : Rundo House, 1971. 244 p.
- ¹⁸ Ibid. P. 59.
- ¹⁹ См.: О телевидении и журналистике / пер. с фр. Т. В. Анисимовой, Ю. В. Марковой. М. : Прагматика культуры : Ин-т эксперимент. социологии, 2002. С. 106. (Малая серия).

Поступила в редакцию 03.12.2021; одобрена после рецензирования 20.02.2022; принята к публикации 22.02.2022
The article was submitted 03.12.2021; approved after reviewing 20.02.2022; accepted for publication 22.02.2022

СЛОВО МОЛОДЫМ СОЦИОЛОГАМ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 185–188

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 185–188

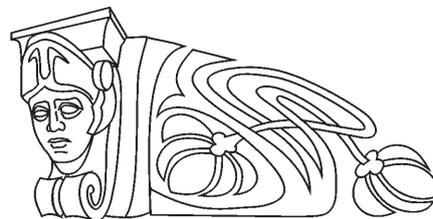
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-2-185-188>

Научная статья

УДК 316.4

Социологическая концептуализация патриотизма в ракурсе изучения эффективности молодежной политики

Г. Я. Никифоров

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Никифоров Глеб Ярославович, аспирант кафедры социальной информатики, timofeich70@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5163-6170>

Аннотация. В статье анализируется концепт «патриотизм» как общественный и нравственный принцип, определяющий отношение граждан к своей стране. Рассматривается данное отношение в сложном комплексе чувств, знаний, ценностных ориентаций, установок, действий, обычно артикулируемых как любовь к Родине. Изучается процедура выявления в ходе социологического исследования эффективности молодежной политики индикаторов, свидетельствующих о наличии/отсутствии патриотизма. В качестве таковых предлагаются: забота об интересах и исторической судьбе своей страны; гордость ее достижениями и критика недостатков; сочувствие к страданиям и социальным нуждам народа; уважение к историческому прошлому и традициям своей Родины; привязанность к месту рождения, жительства; готовность к самопожертвованию, борьбе с врагами отечества, защите интересов России.

Ключевые слова: молодежь, патриотизм, концептуализация, социологическое исследование, государственная политика, эффективность

Для цитирования: Никифоров Г. Я. Социологическая концептуализация патриотизма в ракурсе изучения эффективности молодежной политики // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 185–188. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-2-185-188>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4,0 International (CC-BY 4.0)

Article

Sociological conceptualization of patriotism from the perspective of studying the effectiveness of youth policy

G. Ya. Nikiforov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Gleb Ya. Nikiforov, timofeich70@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5163-6170>

Abstract. The article analyzes the concept of “patriotism” as a social and moral principle that determines the attitude of citizens towards their country. This attitude is considered within a complex set of feelings, knowledge, value orientations, attitudes, actions, usually articulated as love for the motherland. The procedure for identifying the effectiveness of youth policy indicators showing the presence / absence of patriotism is studied. The concern for the interests and historical fate of their country, pride of its achievements and criticism of shortcomings, sympathy for the suffering and social needs of the people, respect for the historical past and traditions of their homeland, attachment to the place of birth, residence; readiness for self-sacrifice, the fight against the enemies of the fatherland, the protection of the interests of Russia are proposed as these indicators.

Keywords: youth, patriotism, conceptualization, sociological research, public policy, efficiency

For citation: Nikiforov G. Ya. Sociological conceptualization of patriotism from the perspective of studying the effectiveness of youth policy. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 185–188 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-2-185-188>

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4,0 International License (CC-BY 4.0)

Проблемы гражданско-патриотического воспитания подрастающего поколения в последние годы привлекают к себе особое внимание. Нужно отметить тот факт, что позна-

вательный интерес к вопросам, связанным с социальной идентичностью, гражданственностью и патриотизмом, присутствовал в научной среде практически всегда. Однако в последнее

время условия, мотивирующие когнитивный аспект исследователей, значительно трансформировались. Эскалация космополитических настроений на фоне стремительной глобализации современного информационного социума и кризисного разлома ценностей (особенно в сознании молодежи) заставили по-новому взглянуть на гражданско-патриотическую проблематику.

Кроме того, на уровне руководства страны курс на патриотизм был задекларирован в качестве основы национальной интеграции и консолидации полиэтнического российского общества. А непосредственно социологические исследования, проведенные одновременно во многих регионах, зафиксировали положительное восприятие гражданами патриотизма как базовой структуры ментальных программ социального поведения. Таким образом, патриотизм стал восприниматься как нравственный базис жизнеспособности общества, а патриотическое воспитание подростков и молодежи – как важный мобилизационный ресурс развития государства.

К сожалению, доля молодежи (в возрасте 16–30 лет) в структуре населения страны снижается. Сегодня это лишь 20% от общей численности населения страны, и в ближайшей перспективе она будет только падать до 10% в составе экономически активного населения страны в 2028 г.¹. Следует также помнить о том, что молодежь только формирует свои жизненные цели и без мощных факторов быстрого взросления (война, революция и т.д.) она слабо осознает значимость инноваций и вектор существующих тенденций. В силу собственного социально-демографического статуса молодежи патриотизм получает специфическое преломление в ее сознании.

Данное обстоятельство, в свою очередь, требует разработки и внедрения целенаправленной государственной молодежной политики, в том числе и в направлении патриотического воспитания с учетом воспитательного потенциала последнего. Это актуализирует научный анализ уже существующих форм, методов, инструментов и механизмов патриотического воспитания, реализуемых государственными и социальными институтами; оценку эффективности государственной молодежной политики как фактора гражданско-патриотического становления.

Необходимость научного анализа сущности и эффективности государственной молодежной политики Российской Федерации как фактора патриотического воспитания подростков и молодежи требует конкретизации содержания понятий «патриотизм» и «патриотическое воспитание».

Э. Дюркгейм содержание понятия «патриотизм» трактовал через призму определенных коллективных идеалов, которые фиксируются в вещах, которые можно всем увидеть, понять, представить (например, во всякого рода эмблемах, писанных или произносимых формулах, одушевленных или неодушевленных существах)².

М. Вебер относил патриотизм к ценностно-рациональному типу социального действия³, базирующемуся на установках, предписывающих специфический характер поведения, подчиненного правилам, в соблюдении которых видит свой долг каждый гражданин.

По мнению Т. Парсонса, патриотизм дифференцируется на четыре составных элемента: патриотические ценности, патриотические нормы, патриотические коллективы, транслирующие патриотические образцы поведения, и патриотические роли. Причем патриотические ценности занимают, по его мнению, ведущее место в деле сохранения и воспроизводства патриотического образца, регулируют процессы принятия социальными субъектами определенных обязательств действия⁴.

В российской отечественной мысли в понятии патриотизма выделяется служение Отечеству. Н. М. Карамзин трактует его как «любовь ко благу и славе отечества и желание способствовать им во всех отношениях»⁵. Похожий подход и у В. С. Соловьева: «Патриотизм есть желание блага целому народу, государству, отечеству... Сверх силы непосредственного чувства нужно еще патриотическое сознание, различающее истинное благо отечества от кажущегося и ложного»⁶.

Подлинный патриотизм, по взглядам русских мыслителей XIX в., связан не только с любовью к своему отечеству, но и с реальной оценкой состояния жизни народа в нем, истинным отражением положения дел в государстве, степенью его демократизации. В. В. Розанов, обращая внимание на социально-политическую ценность патриотизма в общественном сознании народа, заметил: «Любить, верить и служить России – вот программа. Пусть это будет ломоносовский путь»⁷.

Близкие взгляды на сущность и связь патриотизма с конкретными делами человека, служением Родине развивал И. А. Ильин. Он обращал внимание на то, что подлинный патриотизм человека проявляется тогда, когда его высшая цель жизни не отличается от цели его родного государства: «Мое дело есть дело моей родины и моего государства, так что, с одной стороны, все вредное моей родине и государству не может стать моим делом; с дру-

гой стороны, дело моего народа и моего государства мне настолько близко и важно, как если бы оно касалось меня самого и моей судьбы – вот формула истинного патриотизма, гражданства»⁸.

Оригинальные положения по вопросу патриотизма и его социальной роли высказал Н. А. Бердяев⁹. Он обратил внимание на особенности российского патриотизма, вытекающие из пройденного страной исторического пути; его роль в созидательной (мирной) жизни и в условиях ведения войн; воздействие гражданского патриотизма россиян на культуру других народов и взаимоотношений с ними. Он, как и другие отечественные ученые, подчеркивал активно-деятельностную сторону реализации патриотизма в обществе, в его развитии. В своей трактовке этой стороны патриотизма как феномена Бердяев отмечал его проявление в политической жизни российского общества.

Проследив представления российских мыслителей о Родине и патриотизме, можно сделать вывод, что для них Россия – это не только бескрайние просторы, родная природа, климат, но и целая совокупность идей, особый дух народа, традиции, это родная история. Патриотизм трактовался как общероссийский (а не патриотизм малой родины), а подчас и общеславянский.

В советский период произошло жесткое ограничение понимания феномена патриотизма лишь одним из компонентов отечества, который отождествлялся с основами социалистической системы, общественного и государственного строя. Советские деятели педагогики (И. П. Иванов, В. А. Караковский, Н. К. Крупская, А. С. Макаренко, В. А. Сухомлинский) посвятили значительную часть трудов изучению патриотического воспитания. Впервые в указанных исследованиях были представлены теоретико-методологические и прикладные аспекты воспитания патриотизма у подрастающего поколения.

С начала 1990-х гг. под влиянием коренной перестройки всего общества начинается этап переосмысления и переинтерпретации патриотизма. Г. Лавин, Э. Стауб, Р. Шатц дифференцируют патриотизм на «слепой» и «конструктивный»¹⁰. В первом случае патриотизм представлен безусловной привязанностью к государству и предполагает нетерпимость к критике своей страны. Во втором случае он зиждется на любви к Родине и стремлении изменить ее к лучшему.

В настоящий момент, в условиях глобализации, патриотизм чаще всего категоризирует-

ся как антитеза космополитизма. М. Нуссбаум усматривает в патриотизме аффективные формы, которые могут навредить национальному единству, идеалам справедливости и равенства. А. Макинтайр трактует категорию «патриотизм» через проявления лояльности к конкретной стране, нации, традициям. Ю. Хабермас предлагает понятие «конституционный патриотизм» в основе которого – равноправие различных социальных групп в едином сообществе.

Краткий обзор современной европейской мысли, постигающей суть и содержание патриотизма, демонстрирует присутствие большого количества его моделей: «конституционный патриотизм», «республиканский патриотизм», «умеренный патриотизм», «договорной патриотизм». Тип патриотизма предопределяется спецификой социально-политических условий.

В современной России проблематике патриотизма посвящены работы многих авторов. Так, И. А. Халий дифференцирует разновидности патриотизма¹¹, А. В. Попов и О. М. Шевченко изучают социокультурную специфику транслирования патриотизма как явления¹², В. С. Безрукова трактует патриотизм как духовно-нравственное личностное качество¹³. Исследование патриотизма молодежи, проведенное В. Р. Цылевым и Т. В. Мулиной¹⁴, дало детальную характеристику современному молодежному патриотизму с позиций факторного подхода. Они выделили в проявлениях патриотизма четыре составляющих, которые были обозначены как эмоционально-чувственная, деятельностная, когнитивная и гражданская позиции.

Резюмируя все вышеизложенное, представляется возможным охарактеризовать патриотизм как общественный и нравственный принцип, определяющий отношение граждан к своей стране. В жизни данное отношение будет проявляться в сложном комплексе чувств, знаний, ценностных ориентаций, установок, действий, обычно артикулируемым как любовь к Родине. Это позволяет при проведении социологического исследования в качестве индикаторов, свидетельствующих о наличии/отсутствии патриотизма, выделять: заботу об интересах и исторической судьбе своей страны; гордость ее достижениями и критику недостатков; сочувствие к страданиям и социальным нуждам народа; уважение к историческому прошлому и традициям своей родины; привязанность к месту рождения, жительства – «любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам»; готовность к самопожертвованию, борьбе с врагами отечества, защите интересов Родины.

Примечания

- ¹ См.: *Узунова О. Ю.* Теоретические аспекты изучения патриотизма в его связи с формированием гражданской идентичности молодежи в современном российском обществе // *Гуманитарий юга России*. 2017. Т. 6, № 5. С. 220–231.
- ² См.: *Дюркгейм Э.* Ценностные и «реальные» суждения / пер. с фр. А. Б. Гофмана // *Социологические исследования*. 1991. № 2. С. 106–114.
- ³ См.: *Вебер М.* Избранные произведения / пер. с нем. М. : Прогресс, 1990. С. 628–629.
- ⁴ См.: *Парсонс Т.* Система современных обществ / пер. с англ. Л. А. Седова, А. Д. Ковалева ; под ред. М. С. Ковалевой. М. : Аспект Пресс, 1998. С. 19.
- ⁵ *Карамзин Н. М.* Избранные сочинения : в 2 т. М. ; Л. : Художественная литература (Ленингр. отд-ние), 1964. Т. 1. С. 58.
- ⁶ *Соловьев В. С.* Литературная критика. М. : Современник, 1990. С. 136.
- ⁷ *Розанов В. В.* Народная душа и сила национальности / сост., предисл., указ. имен и примеч. А. В. Белова ; отв. ред. О. А. Платонов. М. : Ин-т русской цивилизации, 2012. С. 59.
- ⁸ *Ильин И. А.* Путь к очевидности. М. : Республика, 1993. С. 265.
- ⁹ См.: *Бердяев Н. А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М. : Наука, 1990. 179 с.
- ¹⁰ См.: *Schatz R. T., Staub E., Lavine H.* On the varieties of national attachment: Blind versus constructive patriotism // *Political Psychology*. 1999. Vol. 20, № 1. P. 151–174. <https://doi.org/10.1111/0162-895X.00140>
- ¹¹ См.: *Халий И. А.* Патриотизм в России : опыт типологизации // *Социологические исследования*. 2017. № 2. С. 67–74.
- ¹² См.: *Попов А. В., Шевченко О. М., Бинева Н. К., Печкуров И. В.* Социокультурные особенности патриотизма и формирования государственно-гражданской идентичности в современной России // *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС*. 2017. № 4. С. 221–225. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2017-1-4-221-225>
- ¹³ См.: *Безрукова В. С.* Основы духовной культуры (энциклопедический словарь педагога). Екатеринбург : [Б.и.], 2000. 937 с.
- ¹⁴ См.: *Цылев В. Р., Мулина Т. В.* Многообразие феномена патриотизма молодых мурманчан // *Социологические исследования*. 2009. № 6. С. 100–107.

Поступила в редакцию 15.08.2021; одобрена после рецензирования 02.09.2021; принята к публикации 10.09.2021
The article was submitted 15.08.2021; approved after reviewing 02.09.2021; accepted for publication 10.09.2021

ПОЛИТОЛОГИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 189–198
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 189–198
<https://soziopolit.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-2-189-198>

Научная статья
УДК 32+303

«Левое» будущее России: рефлексии партийных теоретиков и электората

Н. И. Шестов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Шестов Николай Игоревич, доктор политических наук, профессор кафедры политических наук, nikshestov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2220-7582>

Аннотация. Субъекты демократической политики в своем сознании постоянно формируют и оптимизируют образы будущих изменений в функционировании государства и общества, используют их в качестве инструмента борьбы за политическое влияние и лидерство. В публикации дан сравнительный анализ того, как этот творческий процесс сегодня идет в российском гражданском обществе, в сознании рядовых граждан и партийных элит, приверженных левым политическим ценностям. Акцент сделан на выявлении различий в результатах, к которым партийные элиты и рядовых граждан приводит работа их сознания над конкретными контурами нелиберального (социалистического) будущего России. В статье присутствует прогноз рисков для дальнейшего развития демократического процесса в нашей стране, вытекающих из этих различий.

Ключевые слова: политические партии, политические идеологии, будущее российской политики

Для цитирования: Шестов Н. И. «Левое» будущее России: рефлексии партийных теоретиков и электората // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 189–198. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-2-189-198>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

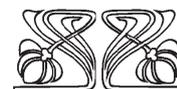
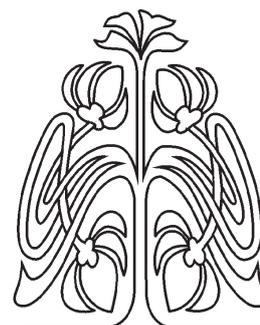
The “left” future of Russia: Reflections of party theorists and the electorate

N. I. Shestov

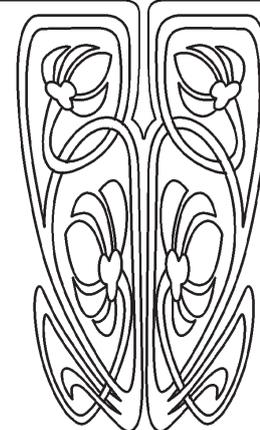
Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Nikolay I. Shestov, nikshestov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2220-7582>

Abstract. In their minds, subjects of democratic politics constantly form and optimize images of future changes in functioning of the state and society, use them as a tool in the struggle for political influence and leadership. The article provides a comparative analysis of how this creative process is going on within Russian civil society today, in the minds of ordinary citizens and party elites committed to left-wing political values. The author focuses on identifying differences in the results to which the work of party elites and ordinary citizens’

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

consciousness on the specific contours of the non-liberal (socialist) future of Russia leads. The article contains a forecast of risks for the further development of the democratic process in our country, arising from these differences.

Keywords: political parties, political ideologies, the future of Russian politics

For citation: Shestov N. I. The "left" future of Russia: Reflections of party theorists and the electorate. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 189–198 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-2-189-198>

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

С давних пор и до наших дней одной из причин симпатии людей к демократической политике (в либеральных и нелиберальных ее проявлениях) была их уверенность в том, что она, в отличие от политики авторитарной, предоставляет им больше возможностей проявить свою политическую субъектность. То есть участвовать не только в решении текущих задач, связанных с организацией общественной и государственной жизни, но и, что особенно важно, в планировании условий, при которых в дальнейшем такого рода задачи либо будут решаться значительно легче, либо вообще сойдут на нет. В роли главных помощников граждан в таком планировании в последние два столетия выступали чаще всего политические партии, их вожди и теоретики. Программные документы партий максимально доходчиво объясняли электорату, какими его и партии интересами, какими общими для них великими и разумными целями, какими доводами науки и политической практики оправданы нынешние и будущие затраты сил граждан, их времени и прочих жизненных ресурсов на участие в разнообразных демократических процедурах, в выборах в первую очередь. Какова, иначе говоря, должна быть та стратегия участия партии и ее электората в демократическом процессе, которая даст в руки партии власть, а рядовым гражданам обеспечит комфортные условия взаимодействия с этой властью.

Сегодня повсеместно в мире демократической политики партийные стратегии, в первую очередь, классические либеральные, социалистические и консервативные, перестали быть тем ее идейным стержнем, вокруг которого выстраиваются долгосрочные повестки коммуникаций элит и граждан. Важность наличия у той или иной партии стратегии формально никто сегодня не отрицает. Только по факту в роли партийных «стратегий» сегодня все чаще выступают те требования и задачи, которые прежде у специалистов принято было обозначать понятием «партийная тактика». Способность добиться равного с конкурентами доступа к общественным и государственным ресурсам и технологиям, успехи и просчеты в информационной обработке своего электората, обладание организационными возможностями для мобилизации его на поддержку партийных инициатив, готовность к публичной полемике по актуальным вопросам текущей по-

литики и к договоренностям с институтами государственной власти – вот то, что определяет сегодня смысл существования политической партии и на основании чего партия предлагает своему электорату судить о ее политической дееспособности.

Там, где демократия давно стала национально-государственной традицией, партии за счет этой концентрации своей активности в области тактики борьбы за власть стали ближе к повседневным нуждам своих избирателей. Одновременно они утратили возможность конструктивного диалога с электоратом на тему будущего демократической политики в том мире, который придет на смену нынешнему через пять, десять, двадцать лет и неизбежно будет другим по сути. Другим он неизбежно станет даже в том случае, если нынешними участниками демократической политики будут сознательно предприняты меры по предотвращению перемен. Он станет другим, в первую очередь, именно по следам таких мер.

В том, что тактики политических партий стали играть роль их стратегий, есть своя логика. Утрату смысла классических идеологий и утрату доверия к ним электората подготовила очередная философская (постмодернистская) «революция» в Старом и Новом свете. А именно широко распространившееся по современному цивилизованному миру и во многих случаях транслируемое в гражданское сознание посредством образовательных технологий убеждение участников политических процессов, что свою политическую жизнь они могут сделать такой, какой захотят и придумают. Всего-то субъектам политики надо, для минимизации риска конфликтов разных частных интересов и ожиданий, определиться с солидарным пониманием политических ценностей как ориентиров такой свободной творческой работы. Например, договориться считать такие ценности «общечеловеческими», т. е. не подлежащими рациональной критике и не тратить попусту силы и время на научные и публичные дискуссии по поводу объективных «законов истории», «законов политики», по поводу «природных» свойств человеческого сознания и поведения. На все то, иначе говоря, что прежде было обязательным фундаментом научного и идеологического проектирования политического будущего государств и обществ, а сегодня выглядит главным препятствием на пути чело-

века к его свободному политическому выбору в пользу необходимости либо ненужности каких-то существенных перемен в жизни государства и общества, органичной частью которых этот человек является. Особенно бесполезен, как полагают творцы и приверженцы философии постмодерна, поиск нашими современниками какой-то сквозной логики в настоящих и будущих политических процессах по той причине, что поиском этим занят сегодня «постчеловек», руководствующийся в своей поисковой активности представлениями о «постправде», о «постполитике» и ее «постценностях»¹.

Российское гражданское общество, его партийные и интеллектуальные элиты не могли остаться и не остались в стороне от этого «мирового тренда», подразумевающего подмену вопроса о будущем демократической политики вопросом ее благоустройства здесь и сейчас. Прежде всего, по причине стремления стать частью этого мира либерально-демократической политики, жить по его правилам, даже если, по здравом размышлении, эти правила в чем-то абсурдны, и тем добиться признания своей «демократической полноценности» с его стороны. Сегодня политическая ситуация и в России, и в мире поменялась. Не оправдали себя надежды многих представителей российской элиты и значительной части граждан на то, что когда-то они станут «своими» в сообществе «западных» политий. Тем не менее инерция политического мышления и поведения людей имеет место. Она побуждает российские политические партии и их электорат в политическом взаимодействии продолжать руководствоваться ранее усвоенными представлениями о «правильном» поведении субъекта демократической политики (будь то отдельно взятый гражданин или политическая партия), «правильном» порядке его работы над своим имиджем и расширением своего влияния. «Правильность» подразумевает, в полном согласии с известным афоризмом Э. Бернштейна, что «движение – все, конечная цель – ничто!»

Сегодня контекстом и главным информационным ресурсом для построения массовым сознанием образа будущего России является публичное обсуждение разнообразных и постоянно обновляющихся внешних и внутренних вызовов и угроз национально-государственным интересам нашей страны, ее политическому, правовому и экономическому суверенитету. Ключевыми предметами дискуссий являются способы повышения обороноспособности страны и технологии патриотического воспитания молодых российских граждан, а также способность отечественных гражданского общества и властной элиты оперативно и адекватно реагировать на

эти обновленные вызовы и угрозы. Останется ли политическая, экономическая и правовая система России такой же, как ныне, после того как все эти внутренние и внешние угрозы будут устранены либо купированы, – этот вопрос стоит где-то на втором и даже третьем плане таких информационных коммуникаций.

Не случайно такую большую роль в организации российского политического процесса приобрели сегодня разнообразные «концепции развития», «государственные программы», «национальные проекты». Большинство из них демонстративно дистанцированы от какой-либо долгосрочной стратегии развития, апеллирующей к той или иной классической либо не классической идеологической доктрине, и содержат перечень задач, решение которых призвано обеспечить более устойчивое развитие политических, правовых, экономических и культурных процессов в том же самом русле, в котором они уже развиваются сегодня. Поэтому естественно, что конкретные сроки, отведенные составителями таких «концепций» и «программ» на реализацию плановых тактических мероприятий, раз за разом проходят. Ответственные исполнители периодически публично и складно отчитываются о достигнутых положительных результатах. В то же время чего-либо принципиально нового и прорывного в российском демократическом процессе по следам реализации таких «концепций» и «программ» ни политические аналитики, ни рядовые граждане не обнаруживают. Реальны бывают, как правило, отдельные улучшения в уже не первое десятилетие функционирующих в нашей стране институтах и практиках.

Рядовым гражданам, далеко не всегда владеющим нужной для этого информацией и аналитическими навыками, предоставлена, таким образом, возможность самим решать, в какой стране им хотелось бы жить, а в какой жить придется. Симптоматично, что большое число молодых людей в России, пытающихся ответить себе на этот вопрос, сегодня не уверены, что развитие страны идет в правильном направлении. В то же время они не могут четко представить себе и то, какое направление развития явилось бы оптимальным для России².

При оценке «левой» перспективы отечественного политического процесса важно принимать во внимание весь этот его нынешний мировой и российский контекст. Особенно отчетливо эта зависимость «левого» будущего российского демократического процесса (как, впрочем, и будущего центристского/либерального, и правого/консервативного) от упомянутого контекста обнаруживает себя в электоральных кампаниях, в публичных дискурсах их участников.

В нашей стране благоприятную ситуацию для рефлексии политической элиты и электората на тему настоящего и будущего России очередной раз создала избирательная кампания осени 2021 г. От политических партий она потребовала, как это обычно бывает в процессе подготовки к голосованию, проявить творческий подход к изображению того светлого и справедливого будущего, в которое партии уже завтра приведут своих избирателей в том случае, если последние поддержат их своими головами сегодня. У электората же появился мотив более детально, чем в периоды между выборами, вникнуть в идеологические позиции партий, сопоставить их и публично высказать свои мнения по их поводу.

В очередной раз в ходе подготовки к выборам предметом партийно-электоральной коммуникации на выборах стала, в частности, «левая» политическая перспектива России. В российской политике сегодня ее олицетворяют КПРФ и КПКР. Каждая из партий вынесла на суд электората и закрепила в своей предвыборной платформе тот образ будущего России, который должен, по мнению ее лидеров и теоретиков, стать ориентиром для сплочения левоориентированного электората сегодня, а также для будущих практических действий сторонников партии в случае ее победы на выборах. И в том, как партийные теоретики и лидеры это сделали, отчетливо прослеживаются те общие для современного мира демократической политики изменения в представлениях о ее задачах и о главном смысле участия в ней политических партий, о которых упоминалось выше.

Первый шаг к подмене стратегии тактикой обнаруживается уже в самом заголовке текста предвыборной программы КПРФ 2021 г.: «К СССР – Сильной, Справедливой, Социалистической Родине!»³. На первый взгляд, стратегические приоритеты в этом лозунге расставлены конкретно и четко. Они, подобно рискам на сетке оптического прицела, позволяют четко зафиксировать цель в поле зрения наблюдателя. Но четкость в данном случае мнимая.

«Сила» в политике – это ценность на все времена и для всех ее участников. Не только для борцов за социализм и коммунизм, но и для их традиционных идейных оппонентов – либералов и консерваторов. Что в современном мире, в условиях глобализации многих экономических, культурных и политических процессов, общество и государство должны быть сильными, т. е. способными отстоять свой суверенитет, с этим сегодня не согласится разве что закоренелый противник самой идеи национально-государственных интересов и соответствующей нацио-

нально-государственной политики. Никакой специфической цели в политическом процессе, ради достижения которой российский избиратель смог бы осознанно сделать выбор в пользу поддержки на выборах именно коммунистов, а не других партий, понятие «сильная Родина» не обозначает. Оно больше ориентирует избирателя на ностальгическую рефлексию по временам СССР, занимавшего шестую часть суши и семь десятилетий успешно противостоявшего своим внешним врагам, чем разъясняет ему принципиальный смысл того, во что в будущем коммунисты намерены превратить российскую внешнюю и внутреннюю политику.

То же самое относится и к программной заявке на будущее торжество «справедливости» в нашей стране. В прежние времена, в XIX и XX столетиях, в обществах, разделенных на имущих и неимущих по классовым и сословным основаниям, это требование действительно было важным атрибутом именно «левой политики». Либералы больше настаивали на важности для отношений государства с обществом и внутри самого общества «законности», а консерваторы – «легитимности». Настойчивость в требовании «справедливого» распределения между гражданами собственности на материальные и духовные блага, наряду с требованием «равенства» в доступе к ним, была в эти века визитной карточкой социал-демократов, анархистов, а потом и коммунистов. Хотя уже в то время популярность социалистических идей побуждала время от времени заговаривать на тему «справедливости» и либералов, и консерваторов.

В XXI в. ситуация изменилась. Что стало причиной изменений – вопрос отдельный. Фактом же является то, что по всему миру «справедливости» всегда и во всем сегодня требуют друг от друга властные элиты великих держав, глобалисты и антиглобалисты, консерваторы и либералы, и даже религиозные радикалы не отстают от них в этом. Обстоятельства таковы, что готовность требовать справедливости и бороться за нее (пусть даже только на словах) стала ключевым атрибутом субъектности любого участника современной демократической политики, своего рода пропуском в нее.

Не все просто и с «социализмом» как заявкой на цель участия коммунистов в борьбе за власть с другими партиями. Он, социализм, и во времена СССР был разным: «советским», «демократическим», «китайским», «ориентационным» (в так называемых странах социалистической ориентации). Он и остался таким же разным в коллективной исторической памяти разных постсоветских обществ, разных групп в структуре нынешнего российского граждан-

ского общества, разных поколений российских граждан. Для одних людей, ностальгирующих по советскому прошлому, это понятие ассоциируется с социальной защищенностью, для других, напротив, с незащищенностью личности перед машиной государственного управления и коллективистской общественной моралью. Граждане с разным личным и социальным опытом сегодня не способны, в принципе, идентифицировать «социализм» в качестве однозначно понятной им и приемлемой цели участия в демократической политике и консолидации вокруг КПРФ.

Упоминание в предвыборной программе про СССР рождает не меньше вопросов к стратегии КПРФ. Призыв «К СССР ...» – это что? Это в чистом виде метафора, главная задача которой – вызвать эмоциональную реакцию у граждан, настроенных протестно? Или же это заявка на обладание какой-то уникальной технологией обращения истории вспять? Избирателю остается только гадать.

Подспорьем в этом гадании для него является российская социально-политическая мифология, в которой сегодня активированы очень разные образы «СССР». Есть «сталинский», «хрущевский», «брежневский», «андроповский» и «горбачевский» СССР. Есть «СССР в годы Великой Отечественной войны» и «СССР, потерпевший поражение в холодной войне». Есть «СССР как страна, показавшая путь в светлое будущее всему человечеству. Страна трудовых подвигов и покорителей космоса» и есть «СССР как страна депортированных народов, тотального дефицита и преследования инакомыслия». На какой из этих образов Страны Советов нынешние коммунистические теоретики и активисты рекомендуют ориентироваться своему разнообразному по этничности, жизненному опыту, образованию и культурным предпочтениям электорату, когда зовут его «назад в будущее»?

С той же долей вероятности гражданин, прочитавший предвыборную программу коммунистов, может предположить, что ему предложено в дальнейшем, в случае победы коммунистов на выборах, поучаствовать в строительстве на постсоветском пространстве, на основе нынешних интеграционных процессов и конфликтов в нем, какого-то совершенно нового политического здания, отличного от исторически известного СССР? И в этом случае получается, название «СССР» авторы предвыборной программы КПРФ использовали для его обозначения с той лишь целью, чтобы продемонстрировать друзьям и недругам серьезность своих намерений в борьбе за власть и в грядущих

преобразованиях в социальной и государственной жизни. Тогда что это будет за новое политическое образование, каковы будут его основные системные характеристики и режимные свойства властно-общественных коммуникаций в нем? Ответа на эти вопросы документ читателю не дает.

По тому же пути загадывания идеологических загадок своему электорату пошли авторы предвыборной программы КПРФ⁴. Они тоже предоставили избирателю самому, сообразно своему уму и жизненному опыту, решать, что конкретно стоит за их предвыборными лозунгами типа: «Долой капитализм – даешь социализм! За новую жизнь, без угнетения и принудиловки!». Понятие «угнетение» отсылает память избирателя к традиционным для коммунистов критическим выпадам против капиталистической системы. Тогда как «принудиловка» для постсоветских поколений граждан является как раз одним из атрибутов того «социализма», бороться за торжество которого партия призывает свой электорат.

Другой лозунг способен еще более озадачить избирателя, осведомленного о нарастающей конфронтации России с восточноевропейскими постсоветскими государствами, а также о непростом отношении элит и обществ в среднеазиатском регионе к идее расширения политического сотрудничества с Россией: «Сегодня наша главная цель – восстановление союзного государства с социалистической и советской перспективой»⁵.

Избиратель, прочитавший этот лозунг, должен сам догадаться, о каком, собственно, «союзном государстве» толкуют ему составители предвыборной программы. Если о союзном государстве России и Беларуси, то оно и так давно существует. Если же ему предлагают поддержать своим голосом идею включения в новый СССР нынешних суверенных постсоветских государств в Восточной Европе и Средней Азии, то без применения силы такое включение при нынешних геополитических условиях невозможно в принципе. Требование «восстановления союзного государства» можно понять как попытку коммунистов подогреть в протестном электорате веру в то, что для него далеко не все потеряно, что его политическое участие необходимо. А можно трактовать как свидетельство наличия у российской властной элиты (частью которой, при посредстве институтов законодательной власти, являются коммунистические теоретики и партийные лидеры) явных реваншистских настроений. Сегодня, заметим, в условиях обострения конфликта России с «коллективным Западом» эта вторая трактовка име-

ет все шансы быть востребованной в качестве аргумента в пользу необходимости усиления антироссийских санкций⁶.

Разработчики этой программы сделали свои стратегические расчеты относительно «социалистической и советской перспективы», а также своего понимания «справедливости» и «безопасности» как главных ценностных основ гражданского общежития, окончательно непонятными для рядового российского избирателя, минимально знакомого с основными вехами в истории своей страны, когда сообщили ему, что «из числа действующих российских партий мы стоим ближе всего к идеям Ленина, к победам сурового сталинского времени, к лучшим страницам стабильной и благополучной брежневской эпохи, к революционным идеалам Че Гевары, к традициям многолетней борьбы против ельцинщины и олигархической семибанкирщины»⁷.

Возможно, авторы этой декларации были движимы намерением собрать под своим партийным знаменем как можно больше социалистов и коммунистов разных мастей. Но знаменем, обозначающим «место сбора», стал очередной парадокс. Выходит, что чем дальше по смыслу и технологическим характеристикам стоят друг от друга исторические трактовки стратегии «строительства социализма» и «торжества советской демократии», упомянутые в документе, тем «ближе» к ним идейная позиция теоретиков и лидеров КПКР!

При иных условиях такая парадоксальность высказываний коммунистических теоретиков могла бы, возможно, произвести впечатление на избирателя и заставить его симпатизировать их намерению быть большими коммунистами, чем все коммунисты былых времен вместе взятые. Проблема в том, что оригинальности в таком технологическом приеме нет. Российские либералы и консерваторы в своем программном творчестве точно так же, как и коммунисты, делают ставку на идейную эклектику. Они точно так же стремятся предстать в глазах избирателя наследниками всего того лучшего, что только было в прошлом и есть в настоящем у наших государства и общества, а также у других стран. Избиратель, сочувствующий коммунистам, тем ценностям и решениям, за которые они ратуют, не может при этом не посочувствовать и политическим планам их политических оппонентов. Тем более что неопределенность формулирования стратегических целей участия в российском демократическом процессе у тех и других вполне сопоставима. А заявления, например, что КПКР «...последовательно противостоит

всем парламентским партиям...»⁸, способны внести в сознание избирателя лишь дополнительную сумятицу.

У «Единой России», например, стратегия сформулирована так: «За благополучие и достойную жизнь людей, за сильную и успешную Россию»⁹. ЛДПР, в свою очередь, делает в предвыборной борьбе ставку на «бедных» и «честных», готовых поддержать ее будущие внешнеполитические усилия и «Вернуть все бывшие территории СССР»¹⁰. Одна из формулировок стратегии, использованных межпартийным объединением «Справедливая Россия – Патриоты – За правду» для донесения до электората позиции партии по вопросу о будущем страны, гласит: «Справедливая Россия будущего – это общество, существующее на принципах солидарности, справедливости и свободы»¹¹.

Сходство публичных дискурсов политических партий, в которых перемешаны альтернативные стратегии борьбы за светлое будущее России, создает неблагоприятное основание для этой борьбы, для сплоченного и осознанного участия в ней российского общества. Избирателям становится практически невозможно построить понятную им и их социальному окружению связь между собственной политической идентичностью как социалиста либо коммуниста (а также либерала либо консерватора) и выбором в пользу голосования за конкретную партию. Им становится проще занять позицию политического абсентеиста, уверенного в том, что выбирать ему не из кого и не из чего, а потому и само его участие в электоральных процедурах лишено смысла. А от этого абсентеизма гражданину один шаг до умозаключения, что демократическая политика себя изжила как таковая, особенно в нашей стране, и что пора «сильной рукой» наводить в ней «порядок».

Отсутствие оригинальной политической стратегии левые партии (как, впрочем, и их политические оппоненты) компенсируют актуализацией в своих программных документах многочисленных политических, экономических и правовых проблем тактического уровня. В большинстве своем это как раз те проблемы, которые можно и нужно решать, как говорится, «по мере поступления», здесь и сейчас. Большинство проблем и решений, предложенных вниманию потенциального избирателя, находятся, важно заметить, в рамках уже сложившихся на данный момент условий жизни и коммуникаций властной элиты и граждан.

У КПРФ это «десять шагов» (по определению Г. А. Зюганова). «Шаги» эти должны быть сделаны, что важно, не в направлении созда-

ния какого-либо нового порядка коммуникации властной элиты с гражданским обществом. «Шаги» нацелены на то, чтобы еще раз напомнить власти ее обязательства в сфере государственного управления, внутренней и внешней политики, экономики, культуры и правовых отношений, которые она уже давно взяла на себя и даже закрепила их в Конституции РФ. Получается, что в программе этой партии весь смысл борьбы трудящихся за свое и страны «светлое будущее» свелся к тому, чтобы заставить нынешнюю властную элиту вспомнить о своих обязательствах по отношению к рядовым гражданам и добросовестно исполнить то, что она им обещает уже три десятка лет¹².

У КПКР систематизация тактических требований и предлагаемых решений осуществлена по направлениям внутренней и внешней политики нынешнего Российского государства, и требования эти еще более многочисленны и гораздо более радикальны, чем у КПРФ¹³. Они точно так же не выходят за рамки той конфликтной повестки коммуникаций граждан с институтами государственного управления, которая существует в настоящее время. Обе коммунистические партии подводят, таким образом, своего избирателя к мысли, что левая перспектива у России есть. Но состоится ли эта перспектива и какой она будет – зависит от усилий самих трудящихся, в лучшем случае – наполовину. Главное здесь – позиция либералов и консерваторов, определяющих сегодня ход внутренней и внешней политики в нашей стране, их согласие услышать «воплé народный» и самим поработать на эту перспективу.

Конечно, акцент на тактических требованиях обеспечивает требованиям коммунистов ту конкретику, которая, в принципе, необходима для партийных предвыборных программ. Избирателю четко указаны проблемы российской внутренней и внешней политики, которые могут быть ускоренным порядком решены в случае получения коммунистами более широкого, чем в настоящий момент, доступа к рычагам власти. Пафос, с которым в программах перечислены недостатки российской внутренней и внешней политики, экономики, права и культуры, призваны возбудить в избирателе желание разрушить нынешний порядок вещей «до основания, а затем ...».

Однако фактическая зависимость левой перспективы России от готовности противников этой перспективы из числа либералов и консерваторов тоже поработать на нее, как она представлена в программах коммунистов, создает большую проблему с этим «затем». Если представить, что вдруг с вынужденного

согласия нынешних российских властей будут реализованы все те конкретные политические и экономические требования, которые коммунисты сделали содержанием своей партийной стратегии и которые должны гарантировать возвращение политики и экономики, а также права в социалистическое русло развития, то ни в каком «затем» надобности уже не будет. Политика, экономика, право, культура придут в то оптимальное состояние, которое соответствует интересам и ценностям нынешнего и будущих поколений трудящихся.

Таким образом, тактика, назначенная играть в глазах протестно настроенного российского избирателя роль политической стратегии коммунистов, действительно становится стратегией. Только это стратегия «конца истории, политики и этики», мало чем отличающаяся, по сути, от ее современных либеральных и консервативных вариантов. По крайней мере, в тех их интерпретациях, которые получили известность в нашей стране благодаря возможности, предоставленной массовому читателю новыми информационными технологиями, легко познакомиться с политико-философскими эссе Ф. Фукуямы¹⁴, с апологией либеральной этики в исследованиях Дж. Ролза¹⁵, а также с политико-эзотерической публицистикой отечественных теоретиков консерватизма, А. Дугина¹⁶ и аналитиков Изборского клуба¹⁷, например.

Рационально мыслящему российскому гражданину (независимо от его уровня знаний о политике и уровня политической активности) трудно в таких условиях понять, объяснить себе и другим людям, чем намерение коммунистов бороться «против всего плохого за все хорошее» лучше либо хуже точно такого же намерения консерваторов и либералов. Ему приходится больше полагаться в своем политическом выборе и в идейной конкуренции с другими гражданами не на разум, не на конкретные теоретические и фактические аргументы, а на эмоции.

Эту нынешнюю особенность рефлексии массового сознания российских граждан на тему будущего левой политики и будущего России наиболее наглядно представляют массовые сетевые коммуникации. Их участники сами, в меру своих аналитических способностей и информированности по поводу проблем внутренней и внешней политики, конструируют образы будущего своей страны и тут же делятся друг с другом своими переживаниями на этот счет. Делятся в большей степени именно переживаниями, а не конструктивными мыслями насчет того, как «обустроить» Россию.

Показательна, в частности, история появления и широкого обсуждения в ТикТоке (платформе, изначально позиционирующей себя в качестве инструмента общения именно молодых людей) видеоролика с названием «Россия после победы КПРФ»¹⁸. Ролик появился на указанной платформе 9 сентября 2021 г., т. е. за десять дней до официальной даты выборов в Государственную Думу РФ и региональные структуры законодательной власти. В периоды до выборов и после выборов, до момента его просмотра автором статьи, он набрал более 4 тысяч комментариев. По содержанию и оформлению ролик представляет собой довольно стандартный по российским меркам последнего десятилетия предвыборный агитационный материал. Куда интереснее дискуссия в стиле «верю/не верю», которую он спровоцировал в сети.

Приведем наиболее показательные комментарии (с сохранением стилистики и орфографии авторов комментариев) к ролику в стиле «верю»: «Китай живет при социализме живет лучше всех они любят свою родину и гордятся этим»; «Только при коммунизме народы смогут жить достойно. А при капитализме как на рынке, будет те кому все нравится, кто побирается, кто ищет что украсть...»; «Зато раньше не были кредиты да ипотеки устроился на завод и получаешь квартиру»; «Если бы СССР не развалили, то жили бы в таком государстве»; «Вернись СССР скорей»; «Хуже не будет»; «Честно говоря я бы хотел чтобы СССР возродилось»; «Мне нравится»; «Хоть помечтать»; «Я голосовала за КПРФ»; «Типа КПРФ хотят СССР вернуть? Если да то я подтверждаю»; «В одном регионе в 16 году победил депутат от КПРФ, и люди живут намного лучше чем в других регионах. Где правит Единая Россия»; «Коммунизм конечно это утопия, но вот развитой социализм – смешанная экономика наподобии НЭПа очень здравая была идея».

Аргументы в стиле «не верю» по своему эмоциональному характеру и стилю мало чем отличаются от предыдущих высказываний: «Когда это КПРФ была коммунистической партией? Она всегда была с уклоном на коммунизм...»; «Коммунисты ничем не лучше, была бы у нас демократия, жили бы как другие нормальные страны, а сейчас я вижу только фашизм и коммунизм»; «эх, если бы ... на самом деле они не лучше ядра (Единой России. – Н. Ш.)»; «Опять сказки для народа»; «Лучше так как сейчас»; «В этой партии нет коммунистов, ролик – издевательский»; «Будет как 1999»; «Смешанные чувства»; «... это просто иллюзия»; «К сожалению такого не случилось»; «Да и не случится»; «Только шутка не в том форма-

те тк КПРФ уже побеждала на выборах в парламенте в 1990 е приватизация и бедность, вот вам и результат»; «Сейчас никто не даст победу КПРФ»; «Мы еще не знаем может вообще будет дыра потому что от партии коммунизма не знаешь что ожидать»; «Они уже были у власти почти 10 лет»; «Только во влажных мечтах коммуниак»; «Ну обещают опять светлое будущее»; «Именно так будет 2,5 машины на дорогах, так как дефицит»; «Щас уже поздно)); «Ага ну или уже будет так как уже было про развале союза пустые лавки и билетки на 300 грам колбасы»; «Не чтоб такое было нужны настоящие коммунисты. Среди КПРФ они есть но мало. Это нам самим надо строить»; «Так думают люди, но реальность другая»; «Так и не поймут что Слава Труд и Роботы на заводах 2 несовместимых факта будущего»; «КПРФ вообще не коммунисты, ибо основная идея коммунизма это атеизм, а они пропагандируют церкви и веру»; «Угу КПРФ сильнее угробит своим коммунизмом»; «Дак люди голосуют за них от безысходности, не думаю, что они выполнят хоть треть обещания»; «Неправильный ролик, нужно Украину показывать, вот так будет, если КПРФ победит»; «Россия после того как [С]талин воскрес».

Это те комментарии, в которых эмоциональная реакция подкреплена более или менее рациональными аргументами и облечена в более или менее развернутые суждения. В колонке для отзывов зрителей над суждениями заметно преобладают лайки и дизлайки. Значит, многим участникам коммуникации так и не удалось связать свои эмоции с какими-то разумными аргументами «за» либо «против» коммунистического будущего своей страны. Возможно, что они не смогли либо не захотели расшифровать политический смысл тех картин светлого будущего, которые нарисовали авторы ролика, и в отношении к ним положились на свою интуицию и свою веру в то, что так должно быть и будет, либо так не должно быть и не будет никогда. Они просто промаркировали эту свою эмоциональную реакцию, не привнеся в публичную дискуссию о будущем страны никакой, пусть даже не новой информации к размышлению. Они только, образно выражаясь, «нагрели» пространство дискуссии маркированием своих позитивных и негативных эмоций.

Понятно стремление партийных элит больше говорить со своим электоратом о его текущих проблемах и таким путем стать ему понятней и ближе. Понятно, что большей части российского электората трудно подняться над своими повседневными проблемами и самостоятельно включить в повестку своих коммуникаций с партийной элитой вопрос о том, какой,

например, может и должна быть левая политика в нашей стране после того, как у ее руля встанут коммунисты и будут решены все те конкретные тактические задачи, которые сегодня замещают собой партийную стратегию в их борьбе за власть. На этой почве сегодня сложился элитарно-гражданский идейный консенсус по поводу будущего России: не думать и не говорить о том, какие новые проблемы и задачи с большей или меньшей вероятностью могут прийти на место нынешних, как к их приходу могут и должны подготовиться институты государства и общества.

С одной стороны, консенсус этот обеспечивает сегодня относительную стабильность в текущем российском политическом процессе. С другой стороны, он оставляет то информационное пространство демократической политики, в котором должны были бы состояться коммуникации партийных элит с сознательными рядовыми гражданами на тему определения будущего страны, открытым для притока туда политических маргиналов – тех граждан, кому рациональные аргументы мало интересны, потому как малопонятны, и кто больше полагается в своем политическом участии на эмоции и «коммунистические», «либеральные», «консервативные» инстинкты. В недалеком прошлом настрой их предшественников «все взять и поделить» уже сыграл свою роль в судьбе левой, советской и социалистической перспективы, превратил ее в достояние истории. Сегодня участие в протестных акциях либералов «по духу», людей с «инстинктом свободы», борцов за все хорошее против всего плохого, тем же порядком все более дискредитирует либеральную перспективу России, дезактуализирует ее конструктивное содержание.

Этот опыт наводит на пессимистическую мысль, что не будет у России ни левой, ни правой, никакой другой позитивной политической перспективы, если по воле гражданского общества и политической элиты общую тональность в работе по его проектированию будут задавать не конкретные знания о прошлом и настоящем политики, о ее возможностях и ограничениях в качестве базовой человеческой практики, а эмоции людей, от этих знаний далеких. А также тон будут задавать партийные предвыборные лозунги, назначенные эти эмоции все более возбуждать и превращать в ресурс политической конкуренции. Прогнозируемо, что в этом случае государство и общество будут все чаще сталкиваться со сложными политическими и экономическими ситуациями, в поиске способов реагирования на которые эмоции и призывы элит к гражданам сплотиться вокруг

них мало способны помочь. Скорее, наоборот, прирост эмоциональных мотиваций в политике будет весомым аргументом для тех теоретиков и тех субъектов нынешней политики, которым по тем или иным причинам интересно и удобно видеть в ней хаос и на этом основании принципиально отказывать ей в какой-либо осмысленной перспективе.

Примечания

- ¹ См.: Воронина Е. Ю. «Оранжевая революция» как проекция постмодерна в мире политики // *Власть*. 2011. № 7. С. 52–54 ; Аласания К. Ю. Власть и политика в философии постмодерна // *Университетские лекции по истории философии политики и права / под общ. ред. Е. Н. Моцелкова*. М. : Проспект, 2021. С. 426–440.
- ² См.: Лушкарева Г. В., Кузнецов И. И., Батоврина Е. В. Особенности включения российского студенчества в общественные солидарные связи // *Социологические исследования*. 2021. № 10. С. 125–131. <https://doi.org/10.31857/S013216250012813-7>
- ³ Десять шагов к власти народа. URL: <https://gazeta-pravda.ru/issue/68-31128-1-iyulya-2021-goda/desyatshagov-k-vlasti-naroda/> (дата обращения: 18.11.2021).
- ⁴ См.: Предвыборная программа КПКР: Долой капитализм – даешь социализм! За новую жизнь, без угнетения и принудиловки! Программа Коммунистической партии Коммунисты России на выборах Государственной Думы Федерального Собрания РФ восьмого созыва. URL: <https://komros.info/predvybornaya-programma-kpkr/> (дата обращения: 25.11.2021).
- ⁵ Там же.
- ⁶ См.: США подготовили 18 сценариев действий на случай вторжения России на Украину. URL: https://lenta.ru/news/2022/01/15/18_scenarios/ (дата обращения: 18.01.2021) ; Представитель Белого дома Псаки заявила, что Россия может в любой момент атаковать Украину. URL: https://yandex.ru/news/story/Predstavitel_Belogo_doma_Psaki_zayavila_chno_Rossiya_mozhet_vlyuboj_moment_atakovat_Ukrainu--885b5e737fa9e8b14bd8dd389ff760db?lang=ru&rubic=personal_feed&fan=1&stid=_6Eyw8KF0wzoPIXf6QaH&t=1642599166&persistent_id=177381696 (дата обращения: 19.01.2021) ; В ЕС отреагировали на ввод войск ОДКБ в Казахстан и высказали предостережения. URL: <https://news.obozrevatel.com/politics/v-es-otreagirovali-na-vvod-vojsk-odkb-v-kazahstan-i-vyiskazali-predosterezeniya.htm> (дата обращения: 19.01.2021).
- ⁷ Предвыборная программа КПКР... .
- ⁸ Там же.
- ⁹ Народная программа партии «Единая Россия» «За благополучие и достойную жизнь людей, за сильную и успешную Россию». URL: <https://er.ru/media/documents/August2021/L4Sk4t74UXKF1MG1oFjh.pdf> (дата обращения: 12.01.2021).

- ¹⁰ ЛДПР утвердила предвыборную программу «за бедных и честных». URL: <https://vz.ru/news/2021/6/25/1105877.html> (дата обращения: 12.01.2021).
- ¹¹ Предвыборная программа Социалистической политической партии «Справедливая Россия – Патриоты – За правду». URL: <https://obj.spravedlivo.ru/sr73/113269b.pdf> (дата обращения: 12.01.2021).
- ¹² См.: Коротко – не ясно : эксперты оценили содержательность программ партий. Какую оценку получил предвыборный документ КПРФ и почему с 1990-х он уменьшился вчетверо. URL: <https://iz.ru/1218455/iuliia-romanova/korotko-ne-iasno-eksperty-otcenili-soderzhatelnost-programm-partii> (дата обращения: 15.10.2021).
- ¹³ См.: Предвыборная программа КПРФ... .
- ¹⁴ См.: Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / пер. с англ. М. Б. Левина. М. : АСТ, 2015. 260 с.
- ¹⁵ См.: Ролз Д. Теория справедливости / пер. с англ. В. Целищев, В. Карпович, А. Шевченко ; науч. ред. В. Целищев. Новосибирск : Изд-во НГУ, 1995. 532 с.
- ¹⁶ См.: Александр Дугин : Манифест великого пробуждения. URL: <https://izborsk-club.ru/20749> (дата обращения: 10.01.2022).
- ¹⁷ См.: Трансгуманизм, цифровой левиафан и голем-цивилизация. URL: <https://fenzin.org/online/634225> (дата обращения: 10.01.2022).
- ¹⁸ См.: Россия после победы КПРФ. URL: https://www.tiktok.com/@rashitov/video/7005980153738218753?is_from_webapp=v1&lang=ru-RU&q=&is_copy_url=1 (дата обращения: 12.10.2021).

Поступила в редакцию 30.01.2022; одобрена после рецензирования 10.02.2022; принята к публикации 15.02.2022
The article was submitted 30.01.2022; approved after reviewing 10.02.2022; accepted for publication 15.02.2022

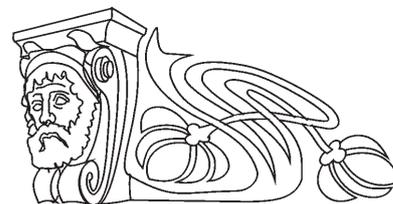

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 199–205
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 199–205
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-2-199-205>

Научная статья
УДК 329

Идеологии или технологии: к вопросу о трактовках функциональности политических партий в современной России

В. И. Головченко

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Головченко Владимир Иванович, доктор политических наук, профессор кафедры теории государства и права, golovchenkosgu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8856-1723>

Аннотация. В статье рассмотрены основные трактовки роли идеологий в научном дискурсе современной России. На основе анализа оценок основных партийных технологий и специфики выборов в Государственную Думу 2021 г., представленных в работах отечественных политологов, сделаны обобщения о причинах гибридности идеологических позиций большинства российских партий и недостаточной функциональности системного использования ими идеологических ценностей в своей предвыборной деятельности.

Ключевые слова: политические идеологии, партийные идеологии, политическая функциональность идеологий

Для цитирования: Головченко В. И. Идеологии или технологии: к вопросу о трактовках функциональности политических партий в современной России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 199–205. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-2-199-205>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Ideologies or technologies: On the issue of interpretations of political parties' functionality in modern Russia

V. I. Golovchenko

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Vladimir I. Golovchenko, golovchenkosgu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8856-1723>

Abstract. The article considers main interpretations of the role of ideologies in the scholarly discourse of modern Russia. Based on the analysis of assessments of the main party technologies and specifics of the State Duma elections in 2021 presented in the research of domestic political scientists, generalizations are made about the reasons why ideological positions of most Russian parties are hybridized and functionality of systemic use of ideological values in parties' pre-election activities is insufficient.

Keywords: political ideologies, party ideologies, political functionality of ideologies

For citation: Golovchenko V. I. Ideologies or technologies: On the issue of interpretations of political parties' functionality in modern Russia. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 199–205 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-2-199-205>

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Проблема места и роли идеологий в функциональности политических партий является одной из ключевых в современной политологии. Обусловлено это общемировыми тенденциями развития политических партий, в результате которых существенно изменились не только их институциональные характеристики, но и методы воздействия на избирателей в качестве ведущих субъектов формирования представительных и исполнительных органов власти.

Идеологии были одной из важнейших институциональных характеристик политических

партий в момент их формирования в качестве классических организаций, представляющих интересы крупных социальных групп. Соответственно, и политическая функциональность партий в предвыборных кампаниях и в период между выборами в значительной степени определялась достаточно стабильным идеологическим ядром. В соответствии с ним лидеры партии позиционировали свое отношение к историческому наследию страны, свое восприятие и оценку современных проблем общественного развития, представления о необходимых изменениях для

продвижения к идеологически выверенному образу будущего. Однако во второй половине XX столетия идеологическая основа политических партий в западноевропейских странах стала размываться, что поставило дискуссионный вопрос о кризисе и конце идеологий. Еще более данная проблематика была актуализирована в XXI в. в связи с массовым и повсеместным распространением интернет-коммуникаций, которые существенно изменили и усложнили социальную стратификацию в большинстве стран мира.

По мнению белорусских исследователей, в современном мире классические политические партии «как хорошо организованные, сплоченные, мобилизованные в социально-психологическом и идейно-политическом смысле социальные общности, обладающие повышенной по сравнению с другими группами способностью к самоорганизации, самоуправлению, самоконтролю, осуществлению высокоинтеллектуальной социально-политической деятельности пытаются заменить узкие псевдоэлитные группы, вытесненные на обочину политической жизни и периферию общественного сознания, действующие в социальной среде с разрушенными политическими связями, с низким уровнем гражданской активности и самосознания»¹.

Возникает резонный вопрос: насколько данные тенденции в институциональной и функциональной эволюции партий отвечают тем демократическим принципам, которые лежали в обосновании их политической субъектности в XIX–XX столетиях? Партии формировались и функционировали в качестве главных представителей интересов крупных социальных групп. Эти интересы получали оформление в виде партийных программ, идеологическое ядро которых было относительно стабильным и выступало позиционным и мотивационным ориентиром для большинства избирателей. Для нашей страны этот вопрос особенно актуален в связи с тем, что генезис многопартийности в постсоветской России по историческим меркам был скоротечным и специфичным. Эта специфика определялась, с одной стороны, ориентацией на западноевропейские партийные образцы и их идеологическое оформление, а с другой, на принципиально изменившиеся в конце XX столетия информационно-коммуникативные (в том числе манипуляционные) методы работы партий с населением. Еще одним ключевым фактором стало использование административного ресурса в целенаправленном формировании провластных партий и в их поддержке на выборах различного уровня.

Главным аргументом в пользу того, что классические партии перестали быть инструментом агрегирования и политического представитель-

ства интересов крупных социальных групп, служит то обстоятельство, что во всем мире значительно усложнилась общественная стратификация. Соответственно, существенно изменилась личностная и групповая идентификация, когда каждый индивид позиционирует себя не только по принадлежности к определенному классу, но и по многим другим основаниям (религиозным, этническим, мировоззренческим, спортивным, культурным, гендерным, информационным и многим другим интересам). Это действительно так, особенно с учетом повсеместного виртуального участия граждан в различных сегментах интернет-пространства. Однако, на наш взгляд, это не означает, что партийные идеологии, дающие избирателям системное представление о стратегии политического и социально-экономического развития общества, утратили свою актуальность.

Еще одна белорусская исследовательница В. Н. Семенова, анализируя особенности идеологического поля позднего модерна, выделяет три его основные характеристики: 1) гибридный характер политических идеологий; 2) радикализация и синиризм; 3) формирование динамичных идейно-политических консенсусов². По ее мнению, гибридность политических идеологий начала проявляться в политических партиях еще в XX столетии. В качестве наглядного примера она приводит немецкий национал-социализм, в который, по ее мнению, «прочно вошли и левые принципы»³. Как представляется, сведение «левых принципов» к социальной государственной политике не вполне правомерно, так как в 1930-е гг. данный инструмент был актуализирован в самых разных государствах, в том числе в США для выхода из ситуации мирового кризиса. Ключевой же левый идеологический принцип того периода – это замена частной собственности общественной, который для национал-социалистов был неприемлем. Синиризм В. Н. Семенова, вслед за М. Дюверже, понимает как «последовательное, постепенное и неуклонное левение всего спектра политических партий»⁴. Наконец, консенсусность идеологического поля позднего модерна является, по ее мнению, «закономерным следствием гибридации политических идеологий»⁵. Тем не менее, общий авторский вывод, с которым мы солидарны: «...время идейно-политических консенсусов прошло. Первая треть нового столетия характеризуется новым витком идейно-политических противоречий и конфликтов»⁶.

Чешский политолог В. Пророк, с одной стороны, констатирует наличие в западноевропейских странах противоречий идеологических подходов, которые проявляются в том, что «современный либерализм и патерналистский кон-

серватизм выбирают модель социального государства, с другой стороны, неолиберализм и неоконсерватизм в виде новых правых от него отказываются. Первые – под девизом, что каждый должен заботиться прежде о себе, а другие – что роль государства – поддерживать порядок и не помогать людям. Более того, в рамках движения “новых правых”, с целью удержать гегемонию Запада, либералы отказываются от продвижения мирными средствами демократических ценностей, а консерваторы готовы менять неуютные политические режимы ради сохранения традиционного международного порядка⁷. Однако данные противоречия, по мнению В. Пророка, на практике оптимизируются на уровне научных подходов, которые зависят от идеологических предпочтений отдельных субъектов: «Консерваторы оперируют в рамках нормативно-онтологического подхода. Его сторонники исходят из того, что существуют нормы, закрепленные в бытии. Эти нормы вечны, неизменны, универсальны и, как правило, связаны с религиозными ценностями или историческим положительным опытом предков. Для успешной практики достаточно эти нормы и опыт понять и применить. Либералы предпочитают эмпирически-аналитический подход. Его сторонники исходят из анализа существующего опыта, но в связи с тем, что человек воспринимается ими абстрактно, могут механически переносить опыт конкретного субъекта, возникший в конкретных условиях, в любую другую ситуацию»⁸.

В условиях нарастания конфронтации даже западноевропейские теоретико-методологические подходы к анализу политики становятся средством информационной войны против России. Одним из примеров может служить обоснование французским философом Жан-Пьером Фе «теории подковы». Суть ее сводится к тому, что обосновывается близость национал-социалистских и коммунистических партий, которые, по мнению философа, «не являются антагонистами и не находятся на противоположных концах линейного политического спектра, а во многом подобны друг другу, напоминая “концы подковы”»⁹. Очевидно, что такой подход является одним из теоретико-методологических оснований широкомасштабной дезинформационной кампании США и их союзников по пересмотру итогов Второй мировой войны для возложения равновеликой ответственности за ее развязывание не только на фашистскую Германию, но и на СССР¹⁰. Поэтому изучение идеологических основ политических партий в современной России актуально не только с точки зрения внутривнутриполитической проблематики, но и в рамках их значимости в условиях обострения международных отношений.

На примере выборов в Государственную Думу 2021 г. рассмотрим, каким образом отечественные исследователи оценивают идеологическое позиционирование ведущих российских политических партий.

Н. А. Баранов на основе анализа программ российских политических партий накануне выборов 2021 г. дает идеологические характеристики основным из них. По его мнению, «Единая Россия» по данным параметрам относится «к правопоцентристским, основные ценности которой соотносятся с идеологией социального консерватизма, “русского консерватизма”, экономического либерализма»¹¹. Такая комбинация обусловлена тем, что в свое время «Единая Россия» в основу своей партийной конструкции в качестве «общенародной» закладывала три элемента – левый, центристский и правый. Попытка такого институционального симбиоза не была реализована в полной мере, но на идеологическом уровне эти элементы нашли свое эклектическое воплощение. Еще более сложную характеристику Н. А. Баранов отводит идеологической направленности ЛДПР: «...можно говорить о социально-консервативных ценностях со значительной долей национализма»¹². Обе левые партии – КПРФ и «Справедливая Россия», по его мнению, «борются за электорат, ориентированный на социалистические ценности. Причем каждая из партий по-своему представляет социализм XXI века, пытаясь убедить в своей истинности избирателей: первая, основываясь на накопленном опыте коммунистического прошлого, вторая – в большей степени ориентируясь на европейские социалистические ценности, связанные с сочетанием справедливости, свободы и солидарности»¹³.

Как видится, именно левые партии гораздо больший акцент делают на политической функциональности идеологических основ своей деятельности¹⁴. Обусловлено это тем, что левые партии по своему идеологическому определению должны представлять системно оформленную альтернативу политического и особенно социально-экономического развития страны. Однако «Справедливая Россия», конкурируя с КПРФ на одном и том же электоральном пространстве, акцент делает не столько на необходимости учета европейских социалистических ценностей, сколько на исторической и ментальной специфической их обусловленности для российского общества.

В целом, значительная фрагментация левого сегмента партийно-политического пространства современной России отражает плюрализм массовых настроений российских граждан и их представлений о социалистических перспекти-

вах развития страны (от анархистов, сталинистов и до сторонников инкорпорации китайской модели социализма).

По мнению А. А. Вилкова, проблема заключается в том, «что ориентация отдельных “левых” партий на конкретный фрагмент общественных настроений и представлений не просто эксплуатирует их в своих конъюнктурных интересах, но консервирует их и позволяет воспроизводить в массовом сознании в той или иной динамике. В результате эти образные представления об идеально-типических моделях остаются либо ностальгией по историческому прошлому, либо завистью к другим странам, не способствуя формированию в массовом сознании россиян образа собственной современной модели социал-демократического развития страны»¹⁵.

Характеристика четырех новых политических партий, участвовавших в выборах 2020 г., представлена в статье Д. А. Ежова¹⁶. Для нас представляет интерес, каким образом автор оценивает идеологическую составляющую их предвыборной деятельности. Рассматривая результативное участие партии «Новые люди» в выборах в региональные парламенты в единый день голосования 2020 г., автор констатирует, что успех партии «объясняется грамотно разработанным текстом политической программы партии, адресованным различным категориям граждан, внешним видом кандидатов, близким облику рядовых граждан, рядом других факторов»¹⁷. Фактически это свидетельствует о том, что идеологический элемент предвыборной стратегии у данной партии фактически отсутствовал. Акцент был сделан на наличие в массовом сознании запроса на обновление партийного представительства в Государственной Думе. В сочетании с эффективным использованием сетевых маркетинговых технологий данная стратегия была относительно успешно реализована партией и на выборах депутатов Государственной Думы 2021 г. партия «За Правду» З. Прилепина в избирательной кампании 2020 г. имела успех только на выборах в Рязанскую областную думу, но идеологический фактор в данной партии, по мнению Д. А. Ежова, более выражен и построен «на критике либерализма, в целом, отличается наличием консервативной основы и апелляцией к патриотическим ценностям»¹⁸. В 2021 г. партия объединилась со «Справедливой Россией», еще более усилив идеологическую компилятивность последней. Примечательно, что политические перспективы «Зеленой альтернативы» и Партии прямой демократии автор оценил близкими к нулевым «по причине узости электоральной базы»¹⁹.

Низкая востребованность экологической проблематики в политической культуре современной России, по мнению исследователей, при-

вела к тому, что в программах и предвыборных платформах политических партий современной России предложения партий «носят либо прикладной управленческий (как у “Единой России”), либо общий декларативный характер, а вот на системном идеологическом уровне экологическая повестка проработана недостаточно. Ряд партий (прежде всего, “Яблоко”) открыто копирует программные лозунги европейских “зеленых” и левого крыла Демократической партии США и выступает проводником глобальной “зеленой” повестки. Другие партии (“Единая Россия”, РЭП “Зеленые”) используют ключевые концепты и идеи глобальной “зеленой” повестки (водородное топливо, развитие электротранспорта, возобновляемая энергетика, учет углеродных единиц и сокращение выбросов и т.д.), но не стремятся солидаризироваться с радикальной “зеленой” идеологией, отдавая приоритет внутренним, национальным задачам защиты экологии и борьбы с изменениями климата. Большинство партий в целом находится вне “зеленой” идеологии и использует экологические лозунги инструментально, с учетом основных запросов своих электоральных групп»²⁰.

Оценивая институциональные, идеологические и функциональные характеристики рассмотренных партий, можно констатировать, что значительная часть новых политических субъектов в современной России стремится найти слабо представленную партийно-электоральную нишу. Этот поиск осуществляется, прежде всего, в интернет-пространстве, в котором сегментация пользователей находится в постоянной динамике. Однако появление новых интернет-сообществ чаще всего связано с ориентацией на какой-либо ограниченный интерес или небольшую группу интересов и поэтому не может получить полноценное партийно-идеологическое оформление.

Примечательна оценка итогов выборов 2021 г. в Государственную Думу для «Единой России», представленная в статье известных экономистов В. А. Ильина и М. В. Морева²¹. По их мнению, «противоречивые итоги поддержки партии власти объективно отражают характер существующих на сегодняшний день общественных настроений, заключающихся, с одной стороны, в неудовлетворенности динамикой уровня и качества жизни, в пробуксовывании национальных проектов и обещаний, озвученных главой государства в Послании Федеральному собранию 2018 г.; с другой стороны, в стремлении общества решать имеющиеся проблемы в рамках сложившегося на сегодняшний день общественно-политического консенсуса; принципиальной поддержке лично Президента РФ и созданной им системы государственного управления»²².

По утверждению Н. В. Карповой, прошедшие выборы подтвердили низкие показатели институционального доверия со стороны граждан политическим партиям в современной России. Поэтому «преломление абсентеизма и формирование политической поддержки, согласно основаниям матрицы российской электоральной культуры, может происходить через процессы идентификации с яркими политическими фигурами и лидерами»²³. Фактически это подтверждает, что в политической культуре россиян продолжает играть существенную роль мотивация голосования на основе ориентации на личностные характеристики кандидатов, а не на их идеологическое позиционирование. Именно данный фактор был использован единосроссами на выборах в Государственную Думу 2021 г. по одномандатным округам. Используя свои преимущества в организационных, информационных, финансовых и административных ресурсах, они смогли провести своих представителей в рамках избирательной мажоритарной системы относительного большинства, когда для победы кандидату достаточно получить хотя бы на один голос больше, чем любому другому конкуренту.

Несколько иной подход к политико-идеологическому позиционированию российских партий предлагают в своей статье В. С. Комаровский и Р. В. Савенков. По их мнению, критериями размежевания политических партий должны стать следующие: лояльность – нелояльность к курсу Президента РФ; «государственники», возлагающие свои надежды на качественное государственное регулирование и перераспределение, и «частники», требующие максимально сократить государственное вмешательство в экономику»²⁴. На основе таких критериев, применяемых к оценкам партийных программ, ориентированных на развитие различных сфер общественной жизни, авторы статьи объединяют партии в соответствующие группы. Например, по отношению к налоговой сфере в одну группу «государственников» авторы объединяют КПРФ, РППСС и ЛДПР, которые «требуют введения прогрессивной шкалы налога на доходы физических лиц, отмены НДС, освобождения от уплаты НДФЛ малообеспеченных граждан, введения прогрессивной шкалы НДФЛ»²⁵. Как представляется, такой подход интересен с точки зрения науки, но он не дает ответа на резонный вопрос: как должны ориентироваться рядовые избиратели в этом фактическом дублировании программных предложений по решению важнейших общественных проблем со стороны лидеров таких разных политических партий? В этой связи авторы вводят понятие «идеологической семьи», к которым относят основные

парламентские партии, сформировавшие корпус твердых избирателей: «КПРФ выступает за левый поворот и строительство социализма; СРПЗП – за переход к социализму и объединение настоящих патриотов; ЛДПР отказывается от идентификации себя только с одной политической идеологией ... мы считаем себя и либералами, и консерваторами, и патриотами»²⁶.

Не случайно, что некоторые исследователи акцент делают на политической функциональности использования социальных сетей. По мнению И. А. Лаврова, успех партии «Новые люди» во многом обусловлен тем, что одним из главных элементов их кампании стал «проект на их YouTube канале под названием “Дебаты-кандидаты”». В своей сущности этот проект является еженедельным реалити-шоу, где в каждом выпуске люди соревнуются за возможность стать кандидатом в депутаты от партии “Новые люди”, им предлагаются различные состязания, по итогам которых в конце выпуска один из участников выбывает. Подобный формат политической коммуникации стал уникальным для российской политики, благодаря которому партии удалось привлечь к своим идеям миллионеров и зумеров, донести до них свои политические убеждения и сформировать свое лояльное сообщество»²⁷. Тем самым выявляется тенденция, когда партии ориентируются не на мировоззрение, не на политические запросы представителей молодежи, а на технологию привлечения их внимания: «Молодым людям не так принципиально, выбирают ли в течение программы лучшего танцора, фигуриста, экстрасенса или депутата. Молодежь привлекает сам формат – простой и увлекательный. Таким образом, партия “Новые Люди” пошла на эксперимент, избрав стратегию политейнмента для привлечения молодой аудитории, и она оказалась успешной»²⁸.

Тенденция усиления востребованности левых ценностей отмечается как отечественными²⁹, так и зарубежными политологами. В. Пророк, оценивая результаты выборов в Государственную Думу 2021 г., акцент сделал на том, что «Единая Россия» на выборах не только использовала кандидатов с уже имеющимся высоким рейтингом (Мишустин, Шойгу, Лавров), но и «активно пропагандировала социальные программы в пользу широких слоев населения. Результаты выборов подтвердили как правильность подхода “Единой России”, которая победила на выборах, так и рост значения для населения принципа социальной справедливости – политические партии, декларирующие поддержку социального государства, укрепили свои позиции – КПРФ получила 18,93% голосов, “Справедливая Россия” – 7,46%»³⁰.

Подводя итог проведенному анализу позиций отечественных исследователей в отношении роли идеологий в политической жизни современной России, можно констатировать, что большинство из них отмечает преобладание гибридного характера идеологического позиционирования ведущих российских партий. На наш взгляд, обусловлено это совокупностью различных факторов.

Прошедшие выборы подтвердили устойчиво низкий уровень доверия со стороны населения к самому институту политических партий и, соответственно, к его идеологической составляющей. Поэтому общим для большинства российских партий является доминирование тактических информационно-коммуникативных способов воздействия на избирателей. Они опираются, прежде всего, на особое значение и восприятие персональных ресурсов политических лидеров в постсоветской России. «Единая Россия» продолжала позиционировать свою партию в качестве главного инструмента реализации внутренней и особенно внешней политики Президента Российской Федерации. Более того, свою поддержку внешнеполитического курса действующей власти однозначно подтвердили все российские парламентские партии, невзирая на свои идеологические расхождения в оценке внутренней политики. Ориентация на лидерскую мотивацию в политической культуре россиян приводит к тому, что ключевая роль в предвыборных технологиях отводится, прежде всего, обоснованию личностных преимуществ лидеров политических партий и партийных кандидатов, а не идеологически выверенным программам преобразований.

Второй фактор гибридности идеологических основ политических партий в современной России, на наш взгляд, обусловлен характером действующей Конституции РФ. В ней представлены базовые ценности либеральной, консервативной и (отчасти) социал-демократической идеологии. Поэтому системные партии считают возможным и целесообразным соответствующую ценностную компиляцию в своих предвыборных программах, для того чтобы расширить круг своих сторонников среди избирателей.

Еще один фактор обусловлен значительной конкуренцией политических партий на одних и тех же электоральных сегментах. Поэтому для «отстройки» друг от друга они также используют компиляцию различных политических ценностей, размывая тем самым свое идеологическое позиционирование.

Выборы 2021 г. подтвердили, что общим трендом является повышение востребованности левых ценностей у российских избирателей.

Поэтому тематика социальной справедливости и усиления регулирующей роли государства в той или иной мере имела место в предвыборном дискурсе всех ведущих политических партий современной России, включая и «Единую Россию». Такое тактическое «растаскивание» левых ценностей и лозунгов по предвыборным программам различных политических партий свидетельствует об объективной стратегической потребности объединения в единую организацию всех сторонников коммунистической и социал-демократической идеологий.

Примечания

- 1 Котляров И. В., Гавриков А. В. Теория подковы, диаграмма Нолана и другие партийные идеологии современности // Веснік Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. А. Куляшова. Серыя Д. Эканоміка, сацыялогія, права. 2021. № 2 (58). С. 37.
- 2 См.: Семенова В. Н. Особенности идеологического поля позднего модерна // Философско-гуманитарные науки : сб. науч. ст. Минск : РИВШ, 2021. С. 167–174. (Научные труды Республиканского института высшей школы; Вып. 20, ч. 1 : Политические науки).
- 3 Там же. С. 169.
- 4 Там же. С. 171.
- 5 Там же. С. 172.
- 6 Там же. С. 174.
- 7 Пророк В. Социально-политический выбор России в контексте идеологий // Наука. Культура. Общество. 2021. Т. 27, № 4. С. 108. <https://doi.org/10.19181/nko.2021.27.4.9>
- 8 Там же. С. 108–109.
- 9 Цит. по: Котляров И. В., Гавриков А. В. Указ. соч. С. 39.
- 10 См.: Вилков А. А. Информационные сражения на полях исторической памяти о Второй мировой и Великой Отечественной войнах // Вестник Поволжского института управления. 2020. Т. 20, № 2. С. 19–26. <https://doi.org/10.22394/1682-2358-2020-2-19-26>
- 11 Баранов Н. А. Идеологические установки ведущих российских политических партий в преддверии выборов 2021 года // Социально-политические исследования. 2021. № 1 (10). С. 14. <https://doi.org/10.20323/2658-428X-2021-1-10-5-21>
- 12 Там же. С. 15.
- 13 Там же. С. 16.
- 14 См.: Вилков А. А. «Левый» сегмент партийной системы современной России : проблемы и перспективы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Социология. Политология. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 196–202. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-2-196-202>
- 15 Вилков А. А. Ведущие «левые» партии России в канун выборов в Государственную Думу 2021 года // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 208. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-2-203-210>

- ¹⁶ См.: Ежов Д. А. Выборы-2021 : к оценке электоральных перспектив новых политических партий // Азимут научных исследований : экономика и управление. 2021. Т. 10, № 1 (34). С. 32–34. <https://doi.org/10.26140/anie-2021-1001-0006>
- ¹⁷ Там же. С. 33.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Ляховенко О. И., Бакина М. А., Панченко Н. О. Экологическая повестка в программах политических партий на выборах в Государственную Думу Российской Федерации в 2021 году // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2021. № 3 (52). С. 24. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2021-3-52-16-26>
- ²¹ См.: Ильин В. А., Морев М. В. Избиратели поддержали Президента : к итогам выборов в Государственную Думу VIII созыва // Экономические и социальные перемены : факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14, № 5. С. 9–33. <https://doi.org/10.15838/esc.2021.5.77.1>
- ²² Там же. С. 16.
- ²³ Карпова Н. В. Электоральная культура российского общества в фокусе парламентских выборов 2021 г. // Теория и практика общественного развития. 2021. № 12 (166). С. 39. <https://doi.org/10.24158/tipor.2021.12.4>
- ²⁴ Комаровский В. С., Савенков Р. В. Политическая повестка и образ будущего в предвыборных документах политических партий на выборах депутатов Государственной Думы 2021 г. // Южно-российский журнал социальных наук. 2021. Т. 22, № 2. С. 25.
- ²⁵ Там же. С. 26.
- ²⁶ Там же. С. 29.
- ²⁷ Лавров И. А. Партии в цифровых джунглях // Вестник университета. 2021. № 12. С. 176. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2021-12-168-178>
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ См.: Вилков А. А. Ценностно-идеологический фактор формирования у современной молодежи образа будущего России (региональный кейс) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 101–107. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-1-101-107>
- ³⁰ Пророк В. Указ. соч. С. 119.

Поступила в редакцию 30.01.2022; одобрена после рецензирования 10.02.2022; принята к публикации 15.02.2022

The article was submitted 30.01.2022; approved after reviewing 10.02.2022; accepted for publication 15.02.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 206–214

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politics, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 206–214

<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-2-206-214>

Научная статья

УДК 32.019.51

Цифровые каналы коммуникации протестующих: национальная специфика и возможности межстранового функционирования

М. В. Горбачев , И. А. Бронников, И. И. Гераскин

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Россия, 119991, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1

Горбачев Михаил Валерьевич, доктор политических наук, доцент кафедры российской политики, ussr-86@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0006-3875>

Бронников Иван Алексеевич, кандидат политических наук, доцент кафедры российской политики, ivbronn@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8277-0839>

Гераскин Илья Игоревич, студент 4-го курса факультета политологии, geraskin.ilia2016@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8983-8090>

Аннотация. В статье проведен анализ механизмов влияния медиакорпораций на процесс конструирования и координации политических протестов в США, Франции, Китае, Белоруссии и России в условиях цифровой глобализации. Методологической основой исследования стали методы case study и компаративного анализа. Были изучены пять кейсов, отражающих специфику каналов коммуникации, посредством которых реализуются национальные сценарии цифровизации политического протеста, а также проведен их компаративный анализ на основании предложенных критериев. Результатом анализа стало выявление особенностей и закономерностей функционирования каналов коммуникации протестующих в социальных медиа. Прогнозируются возможности межстранового функционирования данных каналов при информационно-технологической поддержке современных медиакорпораций.

Ключевые слова: политический протест, социальные сети, мессенджеры, онлайн-коммуникация, механизмы конструирования и координации политического протеста, медиакорпорации

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Экспертного института социальных исследований (проект «Цифровизация политического протеста в условиях становления новых медиакорпораций: причины, механизмы, тенденции» № 21-011-31160).

Для цитирования: Горбачев М. В., Бронников И. А., Гераскин И. И. Цифровые каналы коммуникации протестующих: национальная специфика и возможности межстранового функционирования // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 206–214. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-2-206-214>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Communication channels of protesters in the context of digital globalization: National specifics and opportunities for cross-country functioning

M. V. Gorbachev , I. A. Bronnikov, I. I. Geraskin

Lomonosov Moscow State University, GSP-1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russian

Mikhail V. Gorbachev, ussr-86@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0006-3875>

Ivan A. Bronnikov, ivbronn@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8277-0839>

Ilya I. Geraskin, geraskin.ilia2016@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8983-8090>

Abstract. The article considers the mechanisms of media corporations' influence on the process of designing and coordinating political protests in the USA, France, China, Belarus, and the Russian Federation in the context of digital globalization. Methodological basis of the research consists of the methods of case study and comparative analysis. The authors study five cases reflecting the specifics of communication channels through which national digitalization scenarios of political protest are implemented and carry out comparative analysis based on the authors' criteria. Features and patterns of the functioning of the protesters' communication channels within social media are identified. Possibilities of cross-country functioning of these channels with information and technological support of modern media corporations are predicted.

Keywords: political protest, social networks, instant messengers, online communication, mechanisms for constructing and coordinating political protest, media corporations

Acknowledgements: This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research and Expert Institute for Social Research (project "Digitalization of political protest in the context of the formation of new media corporations: causes, mechanisms, trends" No. 21-011-31160).

For citation: Gorbachev M. V., Bronnikov I. A., Geraskin I. I. Communication channels of protesters in the context of digital globalization: National specifics and opportunities for cross-country functioning. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 206–214 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-2-206-214>

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

За последнее десятилетие политический протест качественно трансформировался. Его «пересборка» стала возможной благодаря расширению технологических возможностей для масштабирования протестной активности в сети¹. Кроме того, развитие политических интернет-технологий способствует формированию виртуальных наций, новых способов мобилизации масс и канализации интересов индивидов².

Ускорение темпов жизни и необходимость «бросить якорь» для идентификации и трансцендирования определенного образа жизни формируют новый тип коннективных ценностей³. Их политизация обуславливает природу современного протеста, в организации которого ключевую роль играют информационные платформы, что приводит к большей динамичности и меньшей предсказуемости политических акций⁴. Принципиально иной характер носят освещение и координация протестов, формы надзора и контроля за ними. Возросло значение социальных сетей и мессенджеров, определяющих мотив участия за счет распространения инфоповодов-триггеров и отражающих спектр вовлечения протестующих.

С одной стороны, сетевые коммуникации открывают потенциальные векторы внедрения онлайн-сообществ в политический процесс, объединяют и активизируют гиперлокальные протесты в обход легко контролируемой горизонтальной мобилизации⁵. С другой стороны, упрощенная протестная мобилизация недостаточно эффективна в долгосрочной перспективе: протесты подобного рода намного сложнее перевести в плоскость существенных политических реформ⁶. Применение новых технологий конструирования протеста замещает в массовом сознании рациональную рефлексию излишней эмоциональностью и фактически лишает государство позитивного политического будущего⁷.

Специфика национальных законодательств непосредственно влияет на форму и эффективность сетевой протестной активности граждан. В данной статье мы рассмотрим пять кейсов, раскрывающих особенности каналов коммуникации политического протеста в Гонконге, Белоруссии, Франции, США и России, с целью выявления общих и специфических характеристик национальных моделей. Они демонстриру-

ют протестные тенденции последнего времени и указывают на новые возможности самоорганизации граждан. При этом у каждого сценария были политические предпосылки, детерминированные отсутствием согласования интересов различных групп в условиях ограниченного публичного диалога государства и общества.

Анализ современного состояния изучаемой проблемы позволяет выделить несколько тематических блоков, которые включают в себя ряд научных работ отечественных и зарубежных специалистов. В состав первого блока входят исследования, посвященные теории политических сетей (А. С. Ахременко, Т. Берцель, М. Грановеттер, М. Кастельс и др.). Изучение механизмов формирования горизонтальных и вертикальных связей протестного движения, сквозь призму теории политических сетей, открывает возможности для исследования этих процессов в условиях цифровизации политической реальности.

Второй тематический блок состоит из трудов, посвященных изучению роли современных медиакорпораций в политической жизни социума. Авторы исследуют характер и направленность цифровой деятельности медиакорпораций, их влияние на общественно-политическую реальность, оценивают возможные риски и угрозы от тотальной власти новых медиа. Здесь стоит отметить работы таких специалистов, как К. Вольтмер, Дж. Кин, Н. Срничек, Ш. Зубофф и др.

Третий блок – когнитивные исследования. Обращение к нему обусловлено необходимостью анализа социально-психологических механизмов формирования субъективного мира участников политических протестов, организуемых и поддерживаемых посредством применения электронных инструментов. Также данный подход важен для идентификации и объяснения цифровых маркеров политической мобилизации граждан. Кроме того, он был задействован для анализа трансформаций информационного влияния, манипулятивного воздействия, убеждающей коммуникации в процессе перехода политического протеста в цифровое измерение⁸.

В научной литературе сложились две полярные точки зрения на предмет коммуникационных возможностей социальных сетей и интернет-ресурсов в контексте протестного по-

литического участия граждан. Первая группа авторов полагает, что интернет на сегодняшний день выступает в роли главного агрегатора протеста⁹; вторая отрицает протестный потенциал Сети из-за непрочности связей, обусловленной массовостью и доступностью интернета¹⁰.

Поскольку политический протест представляет собой чрезвычайно сложное общественное явление, мы использовали междисциплинарный подход: структурно-функциональный подход позволил проанализировать механизмы и принципы управления политическим протестом, выявить связи между акторами протеста и их функции; неинституциональный метод использовался при раскрытии условий и порядка взаимодействия акторов политического протеста, а также при определении их фактического места в протестной институционализации; компаративистский подход был полезен при изучении практик управления протестом на федеральном и региональном уровнях.

Благодаря статистическому методу мы определили наиболее активных участников политического протеста, а также его интенсивность, спектр затронутых тематик и количественный уровень их поддержки со стороны населения. Дискурс-анализ протестной деятельности был применен в ходе работы по исследованию оппозиционной активности в социальных сетях. Для изучения мотивационной части практик управления политическим протестом использовался контент-анализ публикаций в прессе. Интент-анализ нормативно-правовой базы был актуален для изучения правовых рамок, в которых возможен протест в различных странах.

В рамках реализации задачи по изучению специфики каналов коммуникации, посредством которых реализуются национальные сценарии цифровизации политического протеста в рассматриваемых государствах, мы вывели шесть универсальных критериев: канал коммуникации (Telegram, Instagram, Facebook, YouTube, ВКонтакте – количество подписчиков), хештег протеста в соцсетях (Twitter, Facebook и Instagram – количество упоминаний), количество протестующих офлайн, блокировка каналов коммуникации онлайн, индекс свободы интернета – исследование Freedom House «Рейтинг стран мира по уровню свободы интернета» (2021)¹¹, продолжительность и перспективы протеста. Сочетание количественных и качественных показателей, анализ динамики протеста на основе вышеупомянутой методологии позволили спрогнозировать возможности межстранового функционирования данных каналов при информационно-технологической поддержке современных медиакорпораций.

Китай. Протесты против законопроекта об экстрадиции (2019–2020 гг.)

Каналы коммуникации. Telegram – канал «dad finds boy» – 250 000 подписчиков (на пике протестов). Внутренняя координация протеста с применением технологии доксинговых атак. К моменту закрытия канала было размещено более 4200 фотографий и видеозаписей сотрудников полиции и членов их семьи.

RTHK (YouTube) – 1.11 млн подписчиков. Radio Television Hong Kong, государственная радиовещательная служба, столкнулась с политическим давлением со стороны полиции напрямую: в ответ на около 200 жалоб, полученных Управлением по коммуникациям, RTHK извинилась «перед всеми полицейскими или иными, кто был оскорблен» и приостановила съемки сатирического шоу Headliner в мае 2020 г.

Хештег протеста. Facebook и Instagram – #StandWithHongKong – 279 000 упоминаний – самый популярный (после #HongKong) хештег, напрямую связанный с протестами в Гонконге. Наряду с цветком-символом специального административного района Китая – баухинией – является опознавательным знаком протестного движения в соцсетях.

Количество протестующих офлайн – главный показатель успешности мобилизации протестующих в социальных сетях и мессенджерах. Согласно данным правозащитных организаций, самые многочисленные митинги прошли 18 августа 2019 г. На улицах собрались 1,7-2,2 млн человек. При отсутствии единого протестного канала можно утверждать, что количество вышедших на уличные протесты относительно количества подписчиков профильных пабликов и упоминаний в виде хештегов демонстрирует качественное преимущество (более чем в шесть раз по максимальным показателям) и, как следствие, пример правильной мобилизации протестующих в интернете.

Блокировка каналов коммуникации онлайн. Сотрудники Twitter выявили примерно 200 тыс. аккаунтов, которые в том или ином ключе могли высказывать точку зрения официального Пекина на события в Гонконге. Из них 936 были удалены в связи с тем, что они «специально пытались посеять политическую вражду в Гонконге». Twitter также принял решение отключить возможность рекламного продвижения для аккаунтов официальных китайских СМИ. Вслед за Twitter похожую работу провел и Facebook, удаливший семь страниц, три группы и пять аккаунтов пользователей прокитайской направленности. В свою очередь, Google заблокировал 210 YouTube-каналов,

которые, по словам представителей компании, распространяли ложную информацию о ситуации в Гонконге.

Индекс свободы интернета. В 2021 г. Китай занял последнее, 65-е место с индексом «10». Это свидетельствует о том, что в Китае существуют: а) значительные препятствия в доступе к интернет-источникам; б) ограничения на содержание: практика фильтрации и блокирования веб-сайтов, формы цензуры, самоцензуры и манипуляции информацией; в) нарушения прав пользователей. Данные международных организаций и национальных институтов, правительственные отчеты подтверждают серьезные проблемы со свободой интернета и печатной прессы в материковой части Китая. Государственная пропаганда препятствует распространению влияния медиакорпораций. Гонконг не исключение. После протестов и там усилились меры контроля за политической активностью граждан в сети.

Продолжительность и перспективы протеста. Формально протесты на улицах прекратились. Но соцсети (за исключением заблокированных каналов) до сих пор активно используют хештеги и символику протестов двухлетней давности. Причем теперь они представляют собой коллективную реакцию гонконгской оппозиции на любые острые политические вопросы. Так как требования были удовлетворены частично, мы полагаем, что оппозиционный потенциал социальных сетей не исчерпан. Систематическая работа с аудиторией и удержание ее ядра в протестном фокусе предположительно могут спровоцировать начало новой волны акций протеста (при наличии серьезного инфоповода).

Франция. Движение «желтых жилетов» (2018 г. – н.в.)

Каналы коммуникации. Facebook – 1,6 млн участников в официальной группе движения – самая популярная социальная сеть Франции, причем востребованная среди разных возрастных групп населения¹². Facebook является идеальным местом для появления подобных движений. Они обычно не имеют четкой структуры и представителей, что отвечает культуре самого Facebook: там нет центра, все основано на сообществах. Всего за пару месяцев несколько сотен региональных и общенациональных групп «желтых жилетов» распространились во французском FB. Их отличают друг от друга степень радикализма и разнообразие требований.

RT France на YouTube – 946 000 подписчиков. Нами были проанализированы два набора данных. Первый – 500 самых релевантных видеороликов по запросу «Gilets Jaunes» после ноября 2018 г. Второй набор данных был получен

путем запроса канала RT France и других основных медиа-каналов – Le Monde, L’Obs, FRANCE 24 – с использованием API YouTube и фильтрации данных. Это позволяет гораздо точнее сравнить их просмотры. Результаты обоих наборов предельно ясны: RT France является наиболее просматриваемым каналом по видео, связанным с «желтыми жилетами» во Франции, и набрал в два с лишним раза больше просмотров (25,4 млн), чем остальные вместе взятые (11,9 млн).

Хештег протеста. #giletsjaunes в Instagram и Facebook – 231 000 упоминаний – ключевой хештег французских протестов, им пользуются представители «желтых жилетов» по всему миру, тем самым выражая солидарность с «борцами за социальную справедливость».

Количество участников акций протеста варьировалось от 10 до 800 тысяч человек в зависимости от уровня митинга. Благодаря интерактивному характеру протеста сейчас он имеет последователей в Европе, Северной Америке и на Ближнем Востоке. По сравнению с цифрами в соцсетях, готовность выйти на улицу в данном случае выражают не все. Тем не менее, анализируя феномен «желтых жилетов», необходимо отметить не количество, а систематичность и повсеместность их движения: в каждой провинции свой отряд, у которого есть собственное FB-сообщество.

Блокировка каналов коммуникации. Исследование гражданской группы «Авааз» указывает на беспрецедентные масштабы воздействия дезинформации на движение «желтых жилетов» в социальных сетях¹³. Согласно его результатам, фейковые новости о протестах достигли примерно 105 млн просмотров только на Facebook. Это ясно показывает, что реакция Facebook и других платформ на дезинформацию в Европе неэффективна и представляет серьезную угрозу для здорового общественного дискурса и демократической стабильности. На данный момент все фейки удалены. Более того, Facebook заблокировал аккаунт лидера британских «желтых жилетов» и клип бельгийского рэпера об акциях протеста. Также французское правительство обязало платформы удалять «негативный» и «фейковый» контент в течение 24 часов после получения соответствующего обращения.

Индекс свободы интернета. По состоянию на 2021 г. Франция занимает девятую строчку и имеет очень высокий индекс – «78». Экспертное сообщество отмечает эффективную работу по содействию соблюдению прав интеллектуальной собственности, созданию безопасного цифрового пространства, развитию уважения к частной жизни пользователей в стране. По параметрам «препятствие доступа к сети» и «ограничение

контента» Франция входит в первую пятерку государств со статусом интернета «свободный», по «нарушению прав пользователей» – в десятку лучших.

Продолжительность и перспективы протеста. Движение «желтых жилетов» началось 17 ноября 2018 г. и продолжается до сих пор. Оно приобрело локальный и ситуативный характер. На протяжении последних трех лет активисты участвовали в акциях протеста против законопроекта о правоохранителях во Франции, против решений властей, касающихся нефтяной отрасли Канады, а также в «социальном марше за права молодежи» в России (Самара). Эти кейсы подтверждают высокий мобилизационный потенциал и разноплановость движения «желтых жилетов». В данном случае мы имеем дело с быстрым и перманентным переходом протестного импульса из Facebook в офлайн.

США. Протесты после убийства Дж. Флойда (2020 г. – н.в.)

Каналы коммуникации. Официальный аккаунт движения BLM в Инстаграм – 4,4 млн подписчиков. Именно Инстаграм, будучи второй по популярности социальной сетью в США, стал информационным катализатором протестов. Онлайн-флешмобы против расизма поддержали мировые бренды и селебрити с многомиллионной аудиторией. Инстаграм, при отсутствии координационного элемента, выступил в качестве платформы для популяризации BLM на международном уровне.

BLM в Twitter – 1,1 млн читателей. В 2020 г. #blacklivesmatter вошел в топ наиболее популярных хештегов в Twitter. Джордж Флойд занял третье место в рейтинге самых обсуждаемых персон года в Twitter. Интересный подход использует Э. Б. Тиллери. Он исследует 18 078 твиттов, созданных шестью аккаунтами BLM¹⁴. В результате проведенного исследования автор приходит к следующим выводам:

– модальный твит, созданный в период с 1 декабря 2015 г. по 31 октября 2016 г., был эмоциональным ответом-выражением печали, возмущения или отчаяния на жестокость полиции и убийства афроамериканцев;

– организация BLM создала больше твитов, в которых движение описывается как борьба за права личности, чем тех, которые использовали фреймы о гендерной, расовой и ЛГБТ-идентичности;

– активизм BLM можно рассматривать как через мобилизацию ресурсов, так и через новые парадигмы в рамках исследований социальных движений.

Хештег протеста. #BlackLivesMatter в Инстаграм и Facebook – 34,5 млн упоминаний – самый часто используемый хештег среди всех протестных движений в социальных сетях. За исследуемый период 67% публикаций с #BlackLivesMatter содержали поддержку или положительные ссылки на протестное движение. Чуть более половины из них, что составляет 48% всех публикаций с использованием хештега, предложили широкую поддержку в борьбе с расовой дискриминацией и противодействии жестокости полиции.

Количество протестующих офлайн. Протесты прошли в 40% округов США и собрали от 15 до 26 млн протестующих, что делает протестное движение крупнейшим в истории США¹⁵. Акции также состоялись во Франции, собрав около 23,3 тыс. участников; в Германии – 15 тыс.; в Великобритании – 13,1 тыс. Странники BLM по всему миру выходили на улицы не только из чувства солидарности с афроамериканцами, но и вследствие возникающих инфоповодов местного значения.

Блокировка каналов коммуникации. Сеть групп в Facebook, которая выступает против акций протеста, начала атаковать движение Black Lives Matter и участников демонстраций против расовой дискриминации. Эти 40 групп имеют коллективную аудиторию, насчитывающую более одного миллиона человек. На пике протестов BLM Facebook часто критиковали в СМИ за недостаточную борьбу с потоками «ненавистнической и расистской информации». Дело дошло до того, что отношения с сетью прекратила треть ее рекламодателей, включая крупнейшие мировые бренды. Осенью 2020 г. Facebook и Twitter развернули кампанию по блокировке пользователей за «распространение дезинформации», в результате которой были удалены консервативные группы противников BLM и аккаунт 45-го президента США Д.Трампа.

Индекс свободы интернета. США занимают 13-е место в рейтинге Freedom House 2021, индекс «75». С 2018 г. уровень свободы интернета в Соединенных Штатах демонстрирует негативную тенденцию из-за отмены правил сетевого нейтралитета, а также в связи с опасениями по поводу распространения дезинформации на платформах социальных сетей. Гипер-партизанский контент продолжает преследовать онлайн-сферу, особенно в Facebook, Instagram и Twitter. Однако на фоне снижения свободы Глобальной сети позиции США довольно прочны: на протяжении шести лет интернет в США признается экспертами «свободным».

Продолжительность и перспективы протеста. Начавшись в конце мая 2020 г., отдельные протесты продолжают. Активная фаза

завершена в августе 2020 г. Протесты привели к многочисленным законодательным инициативам на уровне государства, штатов и муниципалитетов, направленным против полицейского насилия и систематического расизма. В то же время администрация президента Дональда Трампа была раскритикована за жесткую риторику по отношению к протестующим. BLM – это не просто временный бунт в социальных сетях, это глобальное протестное движение в интернете, по охвату и влиянию не имеющее аналогов на данный момент.

Белоруссия. Протесты несогласных с результатами президентских выборов (2020–2021 гг.)

Каналы коммуникации. Telegram-канал Nexta Live – больше двух млн подписчиков. В отличие от других социальных сетей и мессенджеров Telegram оказался, по крайней мере, частично устойчивым к отключениям интернета, наложенным правительством. С августа 2020 г. на канале передавали информацию, размещали фильмы и рассказы о протестах и координировали демонстрации по всей Белоруссии.

Хештег протеста. #жывебеларусь – 266 000 упоминаний (Instagram и Facebook). На пике протестов этот лозунг-хештег входил в топ русскоязычного Twitter. Таким образом пользователи социальных сетей выражали свою солидарность с протестующими. Обычно хештег размещался с бело-красно-белым флагом и сопровождался текстом с призывом остановить насилие. Онлайн-флешмоб поддержали публичные персоны с многомиллионной аудиторией – телеведущий Иван Ургант, актер Данила Козловский, музыкант Макс Корж и др.

Количество протестующих офлайн. Самые массовые акции протеста в стране состоялись 16 августа 2020 г., когда в центре Минска собралось, по оценкам некоторых СМИ, от 200 до 400 тыс. человек, а по всей Белоруссии — больше миллиона человек. Демонстрации и марши проходили в разных городах с разным масштабом – от десятков до сотен тысяч человек в зависимости от населенного пункта. В современной истории Белоруссии это самые массовые акции протеста – каждый девятый белорус вышел на улицы. Учитывая популярность телеграм-канала Nexta в странах СНГ, невозможно точно установить, какой процент подписчиков принимал участие в протестах офлайн. Тем не менее как канал координации протестующих он оказался крайне эффективен. Протесты прошли повсеместно в Европе, а также в США и Австралии.

Блокировка каналов коммуникации. В 2018 г. создатель Nexta принял решение уйти из YouTube

из-за того, что платформа блокировала материал с нарезками государственных белорусских ТВ-каналов. Telegram стал самой удобной и открытой площадкой для ведения новостного блога. В октябре 2020 г. Nexta и еще несколько белорусских Telegram-каналов опубликовали обращение к Apple, призвав не блокировать каналы с данными силовиков. Они заявили, что действия компании «создают опасный прецедент» по цензуре в Telegram. В июле 2021 г. Twitter заблокировал аккаунт бывшего главреда Nexta Р. Протасевича. Официальная причина – нарушение правил социальной сети.

Индекс свободы интернета в Белоруссии – «31». По этому показателю она занимает 56-е место в рейтинге (статус «несвободный»). Исследователи отмечают, что к середине 2020 г. власти пытались подавить голоса недовольных в сети в преддверии выборов. Помимо этого, авторы отчета пишут о росте активности блогеров, Telegram-каналов и других платформ, которые помогали продвигать независимые новости в Белоруссии, а также об увеличении поддержки госСМИ властями и попытках манипулировать информацией в интернете.

Продолжительность и перспективы протеста. Массовые протесты продолжались с августа 2020 г. по февраль 2021 г. Далее они приобрели рассредоточенный и малочисленный характер. Лидеры оппозиции в соцсетях уже не так активно призывали людей выходить на улицы. Задержания, ставшие когда-то триггером протеста, сейчас являются его главным сдерживающим фактором. Необходим период адаптации и поиск сил для нового противостояния.

Россия. Протесты в поддержку А. Навального (2021 г.)

Каналы коммуникации. Главный триггер протестов в России – задержание оппозиционного политика-блогера Навального. На своем YouTube-канале с командой ФБК (деятельность организации запрещена в РФ) он выпускает фильмы-расследования о коррупции российских чиновников. Аудитория всех его каналов составляет более 9 млн человек. Самое популярное видео – «Дворец для Путина. История самой большой взятки» – набрало 118 млн просмотров и 4,5 млн лайков. В самом начале видеоролика размещен призыв к участию в митингах в поддержку А. Навального. Аналогичные видео с критикой действующего режима выходили на «Навальный Live» и «Штаб», также были организованы прямые трансляции акций протеста 23 и 31 января.

Хештег протеста. #свободунавальному – 85 100 упоминаний – протестная кампания в соц-

сетях по поддержке Алексея Навального. Данным хештегом пользователи Instagram и Facebook выражают поддержку оппозиционеру и выступают с критикой властей. В TikTok по хештегу #свободунавальному уже 1,2 млрд просмотров. Навального считают политзаключенным и лидеры общественного мнения с многомиллионной аудиторией – Юрий Дудь, Илья Варламов и Ксения Собчак, на арест блогера-политика они также отреагировали в социальных сетях.

Количество протестующих офлайн – 200–300 тыс. человек. На сайте «Свободу Навальному», где предлагали зарегистрироваться потенциальным участникам акций протеста, на момент митингов было 466 475 чел. Следует отметить, что мобилизация в сети прошла недостаточно эффективно – количество подписчиков, лайков и одобрительных комментариев кратко не соответствует количеству протестующих офлайн. Это говорит об ограниченном протестном потенциале социальных сетей в России. Переход протеста из виртуального мира в реальный осложнен по целому ряду причин и зависит от трансформации существенных характеристик политической системы и эволюции форм политического участия граждан.

Блокировка каналов коммуникации. Январь. Сразу после первой волны митингов Роскомнадзор вызвал представителей TikTok, Facebook, Telegram и ВКонтакте для беседы по поводу размещения публикаций, которые содержали «призывы к участию» в протестах. *Март.* Роскомнадзор принял меры по первичному замедлению скорости работы социальной сети Twitter на 100% мобильных и 50% стационарных устройств в связи с нарушением российского законодательства. *Май.* К Facebook и YouTube планировалось применять меры аналогичные санкциям к Twitter в случае неудаления противоправной информации. *Июль.* Роскомнадзор направил соцсетям Twitter и YouTube требование о блокировке аккаунтов признанных в РФ экстремистскими организаций «Фонда борьбы с коррупцией», «Фонда защиты прав граждан» (ФЗПГ) и общественного движения «Штабы Навального» (деятельность всех трех запрещена в РФ), их отделений и организаторов. Ранее соратники Навального сообщили о блокировке в РФ более 40 связанных с Навальным ресурсов. Также в это время было заблокировано расследование ФБК о главе Ростуризма Зарине Догузовой на YouTube. *Август.* Роскомнадзор потребовал от Google и Apple удалить из своих сервисов Google Play и App Store приложение политика Алексея Навального. Доступ к приложению уже закрыл провайдер WiFire и оператор «Билайн». У пользователей других операторов при этом приложение

пока работает. В сентябре перед выборами в ГД РФ Telegram удалил бот «Умного голосования».

Индекс свободы интернета. Россия занимает 58-е место. Составители рейтинга отметили, что власти России наравне с Китаем участвовали в кибератаках и информационной войне, связанной с выборами в демократических странах.

С 2018 г. уровень свободы в Рунете демонстрирует негативную динамику по нескольким причинам. Во-первых, число уголовных дел за деятельность в социальных сетях в России увеличилось в пять раз. Во-вторых, Госдума приняла закон Яровой, по которому организаторы распространения информации в интернете должны хранить переписку и разговоры пользователей в течение шести месяцев. По требованию правоохранительных органов компании будут передавать их¹⁶. Весной 2019 г. в России был принят закон, позволяющий изолировать Рунет. Согласно документу, российские власти будут контролировать все точки передачи данных за границу и маршрутизацию трафика, в том числе с помощью специального оборудования у провайдеров¹⁷. В 2020 г. вступил в силу закон о санкциях против Facebook, YouTube и других интернет-платформ за цензуру российских СМИ. Сайтам, попавшим в реестр Роскомнадзора, грозят блокировки, замедление трафика и штрафы. И финальным аккордом стали поправки 2021 г. к Закону «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», которые обязывают социальные сети с ежедневной аудиторией 500 тыс. пользователей из России мониторить и блокировать противоправную информацию¹⁸.

Продолжительность и перспективы протеста. Протесты в поддержку А. Навального проходили с января по апрель 2021 г. Широкая поддержка оппозиционера в социальных сетях не дала необходимого эффекта в условиях уличного протеста. Требования протестующих не были удовлетворены. На данный момент протестное движение парализовано и не представляет угрозу для власти. Законодательное регулирование интернета и меры против экстремистских организаций и иноагентов деморализуют сторонников Навального. Акты блокировки каналов и сайтов создают видимые препятствия с точки зрения создания новых инфоповодов для протеста. Из-за подобных рисков и организационной разобщенности перспективы протеста могут расцениваться как крайне низкие.

Итак, в результате изучения специфики каналов коммуникации, посредством которых реализуются национальные сценарии цифровизации политического протеста в США, Франции, Китае, Белоруссии и России, нам удалось установить следующие закономерности.

1. Социальные сети в равной степени могут рассматриваться как источник информации, площадка для солидарности, арена для политических заявлений и поставщик фейков. При этом не всегда самая популярная социальная сеть в стране является агрегатором виртуального протеста. Особое значение приобретают мессенджеры.

2. Каналы коммуникации в виде социальных сетей обеспечивают перманентность политического протеста. В контексте цифровизации протеста все каналы коммуникации одновременно выполняют три функции: выразительную, информационную и мобилизационную.

3. Виртуализация протеста происходит одновременно на нескольких сетевых платформах – для цифрового протеста характерны децентрализация и «рассредоточенность».

4. Важную роль в популяризации политических протестов играют лидеры общественного мнения с многомиллионной аудиторией в социальных сетях.

5. Символизация протеста за счет использования инструментов новой социальной реальности – хештегов как формы выражения солидарности с протестующими в социальных сетях.

6. Протесты онлайн находятся под давлением двух бенефициаров – государства и медиакорпораций. Их взаимодействие обуславливает перспективы протестного движения в интернет-пространстве.

Рассмотренные кейсы можно разделить на три группы по форме функционирования каналов коммуникации в рамках реализации национальных сценариев цифровизации протеста:

– в странах первой десятки рейтинга свободы интернета (США, Франция) наблюдается высокая эффективность открытого протеста в социальных сетях Facebook, Instagram, Twitter и YouTube. Государство в данном случае не борется с медиакорпорациями за влияние, а пытается сотрудничать с ними, чтобы обезопасить себя от внутренних или внешних политических оппонентов;

– для Китая и Белоруссии – стран с низким индексом свободы интернета – характерно широкое использование мессенджера Telegram среди протестующих, так как это представляется единственным способом избежать давления государства. Страны проводят государственную информационную политику по ограничению влияния медиакорпораций. Именно в них они видят реальную угрозу для режима. Цифровой суверенитет – приоритетное направление государственной политики;

– в России технология конструирования инфоповодов для протеста осуществляется на

платформе YouTube, чем и обусловлена ее популярность среди пользователей Рунета – в условиях слабой координации протестующих социальные сети носят скорее информационно-агитационный характер. РФ, по аналогии с Китаем и Белоруссией, идет по пути маргинализации протестного движения в соцсетях. Законодательное регулирование цифровой среды подтверждает намерение российских властей оказывать серьезное давление на медиакорпорации с целью ограничения их влияния на пользователей российского политического сегмента Facebook, YouTube и Twitter.

Проведенное исследование позволяет оценить потенциал социальных сетей как наиболее эффективных каналов коммуникации протестующих в рассмотренных странах. Социальные сети агрегируют протест, выступают в роли его катализатора и обладают выразительной, информационной и мобилизационной функциями. Анонимность, скорость передачи информации и технологичность сетевых платформ обуславливают их высокую популярность среди активистов¹⁹.

Социальные сети как площадка для солидарности и арена для политических заявлений представляют системную угрозу государству. Фундаментальная проблема заключается в разработке механизмов регулирования цифрового пространства с целью противодействия оппозиционной политической активности в сети. Следует выделить две модели взаимодействия государства и медиакорпораций – «компромиссная» и «ультимативная». Первая свойственна США и западноевропейским демократиям, вторая – странам СНГ и КНР. Одним из ключевых критериев данной классификации выступает форма реагирования на онлайн-протесты: с одной стороны, договоренности против третьих лиц, с другой – меры ограничительного характера. Это можно объяснить открытостью политических режимов и прозападным курсом медиакорпораций.

Однако, несмотря на законодательные барьеры и блокировки контента самими платформами, протест приобретает альтернативные формы. Растущая востребованность мессенджеров (особенно Telegram) отвечает запросу пользователей на анонимность и указывает на неэффективность выбранной государством стратегии по купированию рисков протестной активности граждан в цифровой среде. Более того, появление нового онлайн-игрока обостряет конкуренцию с социальными сетями компаний Facebook и Google.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что в условиях цифровой глобализации медиакорпорации выступают не просто в роли

платформ по формированию и консолидации протестных настроений граждан, а в качестве самостоятельного политического актора с неподконтрольным государству ресурсом влияния на широкие слои населения²⁰. Конфигурация ролей организатора и координатора цифрового протеста в лице медиакорпораций объективно ставит государство перед необходимостью разрабатывать действенные механизмы внешнего управления общественными процессами, заключающиеся в технологии управления-подавления протеста²¹.

Примечания

- ¹ См.: Архипова А. С., Радченко Д. А., Козлова И. В., Югай Е. Ф., Белянин С. В., Гаврилова М. В., Тутков А. С. «Пересборка митинга»: интернет в протесте и протест в интернете // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 1. С. 12–35. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.1.02>
- ² См.: Бронников И. А. Самоорганизация граждан в эпоху цифровых коммуникаций // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13, № 2. С. 269–285. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2020-13-2-14>
- ³ См.: Артамонова Ю. Д., Демчук А. Л. «Коннективная идентичность» в современном мире // Вопросы философии. 2020. № 4. С. 69–79. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-4-69-79>
- ⁴ См.: Bennett L., Segerberg A. The Logic of Connective Action. Digital Media and the Personalization of Contentious Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. 256 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139198752>
- ⁵ См.: Бронников И. А., Горбачев М. В. Протестный потенциал самоорганизации российских граждан в условиях становления новых информационных институтов и медиаструктур // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2020. № 5. С. 23–35.
- ⁶ См.: Tufekci Z. Social Movements and Governments in the Digital Age: Evaluating a Complex Landscape // Journal of International Affairs. 2014. Vol. 68, № 1. P. 1–18.
- ⁷ См.: Вилков А. А., Шестов Н. И., Абрамов А. В. Социальный запрос на будущее России в политических проектах и массовом сознании граждан // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. Т. 26, № 3. С. 108–122. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.3.10>
- ⁸ См.: Сафронов Э. Е. Трансформации капитализма в XXI веке: концепция «надзорного капитализма» Шошаны Зубофф // Социологические исследования. 2021. № 4. С. 165–172. <https://doi.org/10.31857/S013216250010848-5>
- ⁹ См.: Shirky C. Here Comes Everybody: The Power of Organizing Without Organizations. New York: Penguin Press, 2008. 327 p.
- ¹⁰ См.: Morozov E. The Net Delusion: The Dark Side of Internet Freedom. New York: Public Affairs, 2011. 409 p.
- ¹¹ См.: Freedom House. Freedom on the Net 2021: The Global Drive to Control Big Tech. URL: <https://freedomhouse.org/report/freedom-net/2021/global-drive-control-big-tech> (дата обращения: 21.09.2021).
- ¹² См.: Statista Research Department. URL: <https://www.statista.com/topics/751/facebook/#topicHeader-wrapper> (дата обращения: 05.02.2021).
- ¹³ См.: Avaaz Report. Yellow Vests Flooded by Fake News. URL: https://www.politico.eu/wp-content/uploads/2019/03/AVAAZ_YellowVests_100miofake.pdf (дата обращения: 12.03.2019).
- ¹⁴ См.: Tillery A. B., Jr. What Kind of Movement is Black Lives Matter? The View from Twitter // Journal of Race, Ethnicity, and Politics. 2019. Vol. 4, iss. 2. P. 297–323. <https://doi.org/10.1017/rep.2019.17>
- ¹⁵ См.: BLM and policing survey identifies broad support for common-sense reform // Civis Analytics. URL: <https://www.civisanalytics.com/blog/blm-policing-pulse-survey-analysis/> (дата обращения: 22.07.2020).
- ¹⁶ См.: Законопроект № 1050812-7. О внесении изменений в статью 354-1 Уголовного кодекса Российской Федерации (в части усиления ответственности за реабилитацию нацизма) // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1050812-7> (дата обращения: 05.04.2021).
- ¹⁷ См.: Законопроект № 608767-7. О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (в части обеспечения безопасного и устойчивого функционирования сети «Интернет» на территории Российской Федерации) // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/608767-7> (дата обращения: 01.05.2019).
- ¹⁸ См.: Законопроект № 1113081-7. О внесении изменения в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (в части ограничения доступа к недостоверной информации) // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1113081-7> (дата обращения: 01.07.2021).
- ¹⁹ См.: Ахременко А. С., Стукал Д. К., Петров А. П. Сеть или текст? Факторы распространения протеста в социальных медиа: теория и анализ данных // Полис. Политические исследования. 2020. № 2. С. 73–91. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.02.06>
- ²⁰ См.: Сулов И. В., Кныжова З. З. Потенциал и перспективы политической мобилизации в интернет-пространстве: обзор эмпирических исследований в мировом и российском контексте // Власть. 2019. Т. 27, № 5. С. 59–66. <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i5.6720>
- ²¹ См.: Бронников И. А., Горбачев М. В. Указ. соч.

Поступила в редакцию 15.01.2022; одобрена после рецензирования 25.01.2022; принята к публикации 05.02.2022
The article was submitted 15.01.2022; approved after reviewing 25.01.2022; accepted for publication 05.02.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 215–220
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 215–220
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-2-215-220>

Научная статья
УДК 329.7(571.1)

Общественно-политическая активность молодежи Кемеровской области в 2000–2010-е гг.

А. В. Шарапов

Алтайский государственный университет, Россия, 656049, г. Барнаул, просп. Ленина, д. 61

Шарапов Алексей Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений, asharapov1981@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9869-3068>

Аннотация. Кемеровская область в политической сфере значительно отличается от соседних регионов. На протяжении почти двух десятилетий она демонстрирует высокий процент поддержки партии «Единая Россия». Остальные партии, как парламентские, так и непарламентские, имеют рейтинг поддержки ниже, чем в целом по стране. Целью статьи является изучить динамику активности молодежи в качестве кандидатов в депутаты Совета народных депутатов Кемеровской области. Данные получены с помощью мониторинга итогов выборов за 2008, 2013 и 2018 гг. с официального сайта Избирательной комиссии Кемеровской области – Кузбасс. За три электро-ральных цикла отмечается рост количества молодых депутатов в региональном парламенте.

Ключевые слова: избирательная кампания, молодой кандидат, политические партии, одномандатные округа, Кемеровская область

Для цитирования: Шарапов А. В. Общественно-политическая активность молодежи Кемеровской области в 2000–2010-е гг. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 215–220. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-2-215-220>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Social and political activity of Kemerovo region youth in 2000–2010

A. V. Sharapov

Altai State University, 61 pr. Lenina, Barnaul 656049, Russia

Aleksey V. Sharapov, asharapov1981@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9869-3068>

Abstract. Kemerovo region significantly differs from the neighboring regions in the political sphere. For nearly two decades, the region has demonstrated a high degree of support for the United Russia party. Other political parties, both parliamentary and non-parliamentary, enjoy less support than in the rest of the country. The purpose of this article is to study the dynamics of youth activity as candidates for deputies of the Council of People's Deputies of Kemerovo Region. The data were obtained from the official website of the Election Commission of Kemerovo region – Kuzbass by monitoring the election results of 2008, 2013 and 2018 campaigns. During the three electoral cycles, there has been an increase in the number of young deputies in the regional parliament.

Keywords: electoral campaign, young candidate, political parties, single-mandate constituencies, Kemerovo region

For citation: Sharapov A. V. Social and political activity of Kemerovo region youth in 2000–2010. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 215–220 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-2-215-220>

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Кемеровская область занимает особое место в социально-экономическом развитии юго-западной части Сибири. Регион граничит с Алтайским краем, Красноярским краем, Республикой Хакасия, Новосибирской областью, Республикой Алтай, Томской областью. Он является старопромышленным регионом России, сформировавшимся в советскую эпоху. Добывающая промышленность, черная и цветная металлургия являются доминирующими отраслями экономи-

ки. Несмотря на мощную сырьевую и промышленную базы, в результате экономических кризисов 2008 и 2014 гг. произошло падение спроса на уголь и продукцию цветной и черной металлургии, как следствие, произошел отток населения из региона. Кемеровская область утратила статус драйвера экономики Западной Сибири¹. Так, за последние десять лет среднегодовая численность населения региона значительно уменьшилась (2010 г. – 2 767 109 чел., 2020 г. – 2 645 650 чел.)².

В сложившихся условиях важным вопросом для региона является реформативное переформатирование экономики, создание и придание импульса ее новым отраслям. Для осуществления такого проекта необходимы не только разработка правильной стратегии и реализация качественного менеджмента со стороны органов государственной власти, но и носители этих изменений. Мировая практика показывает, что старопромышленные регионы могут встать на путь креативной экономики, в основе которой лежит использование интеллектуального и творческого потенциала людей в создании конечного продукта. Носителями инноваций являются инженеры-конструкторы, ученые, режиссеры, художники, дизайнеры, артисты и др. Р. Флорида приводит успешные кейсы по переформатированию экономик старопромышленных регионов США. Особое место в этом процессе занимает молодежь. По его мнению, молодежь генерирует новые идеи, склонна к риску, может много работать, что позволяет ей добиваться высоких результатов в выбранном профессиональном пути³.

Для привлечения молодежи к реализации масштабного проекта по переустройству экономики региона необходимы примеры, демонстрирующие важную роль молодых в этом процессе. Во-первых, значительное вовлечение молодежи в политику в качестве кандидатов в депутаты представительных органов разного уровня и становление их депутатами демонстрирует важную роль, которую играет в жизни Кузбасса данная демографическая группа. Во-вторых, благодаря нестандартному гибкому мышлению молодые депутаты, пользуясь своим статусом, могут инициировать новые, возможно, рискованные проекты в различных отраслях экономики. В-третьих, они могут создать имидж Кемеровской области как благоприятного для проживания и реализации потенциала молодежи региона.

Значительное количество работ отечественных авторов посвящено изучению политической активности молодежи на региональном уровне. Я. Ю. Шашкова и Т. А. Асеева изучают политическое сознание и особенности молодежного лидерства в регионах Юго-Западной Сибири⁴. В рамках социологического исследования политического сознания молодежи необходимо выделить работу О. В. Лагутина и Е. О. Негрова⁵. Особенности электорального поведения томской и бурятской молодежи изучены А. П. Воробьевым. Выявлены региональные особенности политического поведения молодежи. Различия проявляются в восприятии выборов, конформистском/нонконформистском поведении, уровнях протестной активности⁶. Институциональные особенности участия молодежи в рамках

процедуры праймериз исследует Д. А. Ценюк. Автор расценивает данную процедуру как реальный механизм по повышению интереса молодежи к политической сфере⁷. Д. М. Сапарова изучает влияние молодежного парламентаризма на общественно-политическую сферу Томской области. Автор приходит к выводу о слабой роли молодежи и ее зависимости от региональной элиты⁸.

На сегодняшний день отсутствуют специализированные исследования, посвященные общественно-политической активности молодежи Кемеровской области. В основном научный интерес направлен на изучение деятельности политических партий в период избирательных кампаний. Так, В. В. Асуляк выделяет три этапа партийного строительства в регионе. На каждом из этапов доминировали те партии, которые отвечали интересам действующей региональной власти⁹. С помощью проведения социологического исследования научным коллективом (Е. В. Аршинова, М. А. Билан, М. М. Горбатова, И. Ю. Рассохина), объектом которого являлась студенческая молодежь г. Кемерово, были изучены ценностные аспекты ее электорального поведения. По мнению авторов, политический абсентизм молодежи связан со слабым интересом к политике в целом. При этом существенным фактором в преодолении политической пассивности молодежи выступают материальные стимулы, а не духовные¹⁰.

Таким образом, изучение электоральной активности молодежи Кемеровской области является чрезвычайно актуальным.

Цель нашего исследования – проанализировать динамику электоральной активности молодых кандидатов в депутаты Совета народных депутатов Кемеровской области на протяжении трех избирательных кампаний – 2008, 2013 и 2018 гг. Поиск и анализ информации об активности молодых кандидатов осуществляется эмпирическим методом, путем анализа данных, размещенных в Государственной автоматизированной системе (ГАС-выборы) на официальном сайте Избирательной комиссии Кемеровской области – Кузбасса. Молодым кандидатом считается гражданин РФ в возрасте 21–35 лет, обладающий пассивным избирательным правом. Нижний возрастной порог определен наделением гражданина пассивным избирательным правом согласно Уставу Кемеровской области – Кузбасса, верхний порог определен Федеральным законом «О молодежной политике в Российской Федерации». Хронологические рамки исследования определены 2008–2018 гг. Это связано с введением и реализацией в регионе смешанной избирательной системы (мажоритарной и пропорциональной).

Под электоральной активностью молодежи понимается факт выдвижения молодежи в качестве кандидатов в депутаты и их избрание.

Политическая система Кемеровской области сильно отличается от соседних регионов. Во главе региона на протяжении долгого времени находился Аман Тулеев, харизматичный лидер, для которого характерен жесткий стиль управления. Поэтому процессы партогенеза развивались специфическим образом. Во всех созывах регионального парламента абсолютное большинство депутатских мест занимала партия «Единая Россия». Результаты партии «Единая Россия» были следующие: 84,79% в 2008 г., 86,21% в 2013 г. и 64,40% в 2018 г.¹¹. У оппозиционных партий не было возможности полноценно осуществлять свою деятельность.

В 2008 г. состоялись выборы в Совет народных депутатов Кемеровской области¹². Впервые выборы проходили по смешанной системе (18 де-

путатов избирались по одномандатным округам и 18 по партийным спискам). Всего вакантными были 36 депутатских мест. По партийным спискам молодых кандидатов выдвинули несколько политических партий (Союз правых сил, КПРФ, «Единая Россия», ЛДПР, Партия Мира и Единства). Наибольшее количество молодых кандидатов выдвинула партия «Единая Россия» – 5 чел., Партия Мира и Единства – 3 чел., ЛДПР – 2 чел., КПРФ и Союз правых сил – по 1 чел. Всего было выдвинуто 79 человек. Только один молодой человек был избран депутатом от партии «Единая Россия». По одномандатным округам большая часть молодых кандидатов выдвинулась путем самовыдвижения – 7 чел. ЛДПР выдвинула двух человек. По одному молодому кандидату выдвинули партии «Единая Россия» и «Справедливая Россия». Всего выдвинулось 68 кандидатов. Ни один молодой кандидат не смог получить депутатского мандата (табл. 1).

Таблица 1

Выдвижение и избрание молодых кандидатов в Совет народных депутатов Кемеровской области 2008 г.

Партии	Молодые кандидаты, выдвинутые и избранные по партийным спискам		Молодые кандидаты, выдвинутые и избранные по одномандатным округам	
	выдвинуты	избраны	выдвинуты	избраны
Союз правых сил	1	–	–	–
КПРФ	1	–	–	–
«Единая Россия»	5	1	1	–
ЛДПР	2	–	2	–
Партия Мира и Единства	3	–	–	–
«Справедливая Россия»	–	–	1	–
Самовыдвижение	–	–	7	–
Итого	12	1	11	–

8 сентября 2013 г. состоялись очередные выборы в Совет народных депутатов Кемеровской области. Главной особенностью стало увеличение количества депутатских мест в Совете с 36 до 46. Кроме того, при формировании партийных списков появилось деление на общую и региональные группы. Количество политических партий в избирательном цикле значительно увеличилось. 18 партий включили молодых кандидатов в партийные списки. Многие из них были малочисленные и имели слабую электоральную поддержку. Среди них: Народная партия России включила 7 молодых людей, «Коммунисты России» – 16 чел., Демократическая партия – 3 чел., Коммунистическая партия социальной справедливости – 4 чел., «Родина» – 9 чел., «Зеленые» – 4 чел., «Родная страна» – 6 чел., Союз горожан – 7 чел., «Патриоты России» – 12 чел., «Граждан-

ская позиция» – 8 чел., Партия налогоплательщиков России – 3 чел., Социал-демократическая партия России – 3 чел., Партия Мира и Единства – 1. Среди известных партий ситуация по привлечению молодых кандидатов следующая: ЛДПР – 9 чел., «Единая Россия» – 5 чел., ЯБЛОКО – 3 чел., «Справедливая Россия» – 2 чел., КПРФ – 4 чел. В итоге от «Единой России» избраны 4 молодых кандидата, от ЛДПР – 1. По одномандатным округам ситуация значительно отличалась от партийных списков. ЛДПР – 13 чел., ЯБЛОКО – 2 чел., КПРФ – 5 чел., «Справедливая Россия» – 1 чел., «Единая Россия» – 3 чел., «Родина» – 2 чел., самовыдвиженцев – 9 чел. Только от партии «Единая Россия» избран 1 представитель молодежи. Всего по партийным спискам выдвинулись 296 чел., а по одномандатным округам 120 чел. (табл. 2).

Таблица 2

Выборы в Совет народных депутатов Кемеровской области 2013 г.

Партия	Молодые кандидаты, выдвинутые и избранные по партийным спискам		Молодые кандидаты, выдвинутые и избранные по одномандатным округам	
	выдвинуты	избраны	выдвинуты	избраны
Народная партия России	7	–	–	–
«Коммунисты России»	16	–	–	–
ЛДПР	9	1	13	–
Демократическая партия	3	–	–	–
«Единая Россия»	5	3	3	1
ЯБЛОКО	3	–	2	–
КПСС	4	–	–	–
«Родина»	9	–	2	–
«Зеленые»	4	–	–	–
«Родная страна»	6	–	–	–
Союз горожан	7	–	–	–
«Патриоты России»	12	–	–	–
«Гражданская позиция»	8	–	–	–
«Справедливая Россия»	2	–	1	–
КПРФ	4	–	5	–
Партия налогоплательщиков	3	–	–	–
Социал-демократическая партия России	3	–	–	–
Партия Мира и Единства	1	–	–	–
Самовыдвижение	–	–	9	–
Итого	106	4	35	1

В 2018 г. произошел очередной электоральный цикл в Кемеровской области. Количество депутатского корпуса не изменилось.

Главной особенностью стало назначение нового руководителя Кемеровской области ВРИО Сергея Евгеньевича Цевелева. Начался процесс изменения политического ландшафта региона.

В этом политическом сезоне только пять партий выдвинули по партийным спискам представителей молодежи: «Патриоты России» – 13 чел., ЛДПР – 38 чел., КПРФ – 7 чел., «Единая Россия» – 13 чел., «Справедливая Россия» – 12 чел. Избраны 3 молодых кандидата от ЛДПР, 1 – от КПРФ, 4 – от партии «Единая Россия». Всего выдвинулись 288 человек. По одномандатным округам сложилась следующая ситуация: ЛДПР выдвинула 12 молодых кандидатов, КПРФ и «Единая Россия» – по 3 чел., «Справедливая Россия» – 2 чел., ЯБЛОКО – 1 чел. Самовыдвиженцев оказалось двое. Были избраны 3 молодых человека от партии

«Единая Россия». Всего выдвинулись по одномандатным округам 120 чел. (табл. 3).

Итак, при анализе трех электоральных циклов выявлена следующая динамика. Доля молодых кандидатов от общего числа выдвинувшихся составила в 2008 г. 16%, в 2013 – 34%, в 2018 г. – 26%. Такая скачкообразная общественно-политическая активность молодежи напрямую связана с участием малых партий, которые в значительной степени привлекают молодых кандидатов в свои ряды. В 2013 г. 13 непарламентских партий предприняли попытку принять участие в выборах. Кроме того, в 2013 г. значительно увеличилось количество молодежи из-за введения общей и региональных групп в партийные списки. Практика показывает значительное привлечение молодежи именно посредством включения их в партийные списки. Общее количество участников в партийных списках составило 416 чел. В целом, необходимо отметить увеличение количества молодых кандидатов на протяжении исследуемого периода.

Таблица 3

Результативность участия молодых кандидатов в выборах в Совет народных депутатов Кемеровской области 2018 г.

Партия	Молодые кандидаты, выдвинутые и избранные по партийным спискам		Молодые кандидаты, выдвинутые и избранные по одномандатным округам	
	выдвинуты	избраны	выдвинуты	избраны
«Патриоты России»	13	–	–	–
ЛДПР	38	3	12	–
КПРФ	7	1	3	–
«Единая Россия»	13	4	3	3
«Справедливая Россия»	12	–	2	–
ЯБЛОКО	–	–	1	–
Самовыдвижение	–	–	2	–
Итого	83	8	23	3

Другая ситуация складывается с молодыми самовыдвиженцами. На протяжении 2008 и 2013 гг. количество самовыдвиженцев существенно не меняется, а в 2018 г. наблюдается падение интереса к такой форме участия в выборах у молодежи. Это связано с невозможностью получить депутатский мандат. Значительная часть из них не регистрируется в качестве кандидатов из-за некачественно собранных подписей в свою поддержку. Ни один молодой кандидат не стал депутатом путем самовыдвижения за представленный период.

Политика всех региональных отделений политических партий по отношению к молодежи имеет общие принципы. Молодые кандидаты приглашаются партиями для формирования партийного списка и одномандатных округов, если на эти позиции не найдены сильные кандидаты. Единственным исключением является ЛДПР, которая демонстрирует системную политику по значительному привлечению молодежи в качестве кандидатов. Там, где у партии есть значительное количество кандидатов, даже не обязательно проходных, то количество молодых кандидатов незначительно (например, Союз правых сил, КПРФ, ЛДПР в 2008 г., «Справедливая Россия», «Единая Россия» в 2013 г., КПРФ в 2018 г.). Часть непарламентских партий не обладает такими людскими ресурсами, как парламентские, и в значительной степени привлекают молодых кандидатов в избирательную гонку (например, «Коммунисты России», «Патриоты России» в 2013 г.).

По итогам каждой избирательной кампании определенное количество молодых людей становятся депутатами Совета народных депутатов Кемеровской области. По итогам трех электоральных циклов 4 молодых человека стали депутатами от ЛДПР, 1 – от КПРФ и

13 – от партии «Единая Россия». Молодые оппозиционные кандидаты стали депутатами только по партийным спискам, а молодые представители правящей партии побеждали по одномандатным округам и по партийным спискам. Это демонстрирует организационную, финансовую, имиджевую слабость молодых оппозиционных кандидатов-одномандатников, которые не могут полноценно конкурировать с представителями «Единой России». Еще одна особенность этого процесса – высокие результаты на выборах партии «Единая Россия» и, как следствие, самая многочисленная фракция в региональном парламенте. Это отражается на результатах остальных парламентских партий. Полученный незначительный результат на выборах автоматически уменьшает шансы молодых оппозиционных политиков получить заветный депутатский мандат. Наиболее перспективной партией для осуществления депутатских амбиций является «Единая Россия».

Доля молодых депутатов в каждом из представленных созывов получилась следующая: 3% в Совете народных депутатов Кемеровской области в 2008 г., 13% в 2013 г., 24% в 2018 г., что показывает динамичный рост от созыва к созыву количества молодых депутатов в региональном парламенте. Это связано с естественными процессами обновления депутатского корпуса и приходом в 2018 г. нового руководителя Кемеровской области, при котором начались изменения в политической системе региона.

Примечания

¹ См.: Фридман Ю. А., Речко Г. Н., Логинова Е. Ю. Современная Кузбасская экономическая модель : вызовы и риски // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2017. № 2. С. 170–180.

- ² См.: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Кемеровской области – Кузбассу. URL: <https://kemerovostat.gks.ru/storage/mediabank/pdf> (дата обращения: 01.09.2021).
- ³ См.: *Флорида Р.* Креативный класс : люди, которые меняют будущее. М. : Классика XXI век, 2007. 421 с.
- ⁴ См.: *Шашкова Я. Ю., Асеева Т. Ю.* Молодежь в региональных электоральных процессах 2010-х годов : тенденции и перспективы (на примере регионов Юго-Западной Сибири) // Политическая наука. 2019. № 1. С. 186–205. <https://doi.org/10.31249/poln/2019.01.10>
- ⁵ См.: *Лагутин О. В., Негров Е. О.* Модели политического поведения молодежного среднего класса современных агломераций : на примере основных регионов Северо-Запада и Южной Сибири // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Политология. 2019. Т. 21, № 2. С. 157–174. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2019-21-2-157-174>
- ⁶ См.: *Воробьев А. П.* Сравнительный анализ электорального поведения студенческой молодежи Томской области и Республики Бурятия // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2012. № 3 (19). С. 152–161.
- ⁷ См.: *Ценюк Д. А.* Праймериз в России – возможность вернуть интерес молодежи к участию в политическом процессе // PolitBook. 2016. № 2. С. 95–106.
- ⁸ См.: *Сапарова Д. М.* Молодежный совет Томска в молодежной политике города // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 5 (25). С. 94–96.
- ⁹ См.: *Асуляк В. В.* Участие региональных отделений политических партий в избирательных кампаниях в Кемеровской области (1990–2008 гг.) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. № 1. С. 107–113.
- ¹⁰ См.: *Аршинова Е. В., Билан М. А., Горбатова М. М., Рассохина И. Ю.* Ценностные аспекты электорального поведения студенческой молодежи // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2019. № 1 (33). С. 119–127.
- ¹¹ См.: Избирательная комиссия Кемеровской области – Кузбасс. URL: <http://www.kemerovo.izbirkom.ru/arkhiv-vyborov-i-referendumov/index.php> (дата обращения: 25.08.2021).
- ¹² В 1998–2019 гг. региональный парламент именовался Советом народных депутатов Кемеровской области.

Поступила в редакцию 17.11.2021; одобрена после рецензирования 27.11.2021; принята к публикации 05.12.2021
The article was submitted 17.11.2021; approved after reviewing 27.11.2021; accepted for publication 05.12.2021

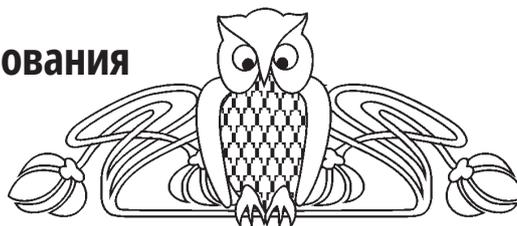

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 221–225
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 221–225
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-2-221-225>

Научная статья
УДК 323+316.752+009

Проблема оценки эффективности игровых технологий в рамках формирования политической культуры молодежи в современной России

А. В. Богданов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Богданов Артем Владимирович, кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук, selectedman@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0761-1168>

Аннотация. В статье анализируется эффективность игровых технологий формирования политической культуры современной российской молодежи, выявляется роль образовательной системы в воспитании гражданской ответственности молодых людей. Обосновывается, что влияние игры на модель политического поведения молодого человека зависит от вида применяемой игровой модели. Выделены классификации игровых практик, анализ которых показывает, что их применение в образовательном процессе способствует формированию соответствующих знаний, умений и навыков политического поведения, а также оказывает непосредственное влияние на ценностные основания выработки моделей политического участия подрастающего поколения. Выявлен способ преодоления проблемы оценки результативности используемых игровых практик за счет набора определенных ценностей, которые обнаруживаются в рамках исследования политической культуры молодежи при помощи соответствующей методологии анализа.

Ключевые слова: игровые технологии в политике, система ценностей, молодежная политическая культура

Для цитирования: Богданов А. В. Проблема оценки эффективности игровых технологий в рамках формирования политической культуры молодежи в современной России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 221–225. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-2-221-225>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

To the issue of evaluating the effectiveness of gaming technologies within the formation of political culture of youth in modern Russia

A. V. Bogdanov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Artem V. Bogdanov, selectedman@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0761-1168>

Abstract. The author analyzes effectiveness of gaming technologies for the formation of political culture of modern Russian youth, reveals the role of the educational system in cultivation of civic responsibility among young people. It is substantiated that the influence of a game on the model of political behavior of a young person depends on the type of game model used. Classifications of gaming practices are highlighted. Analysis shows that these practices' application in the educational process contributes to the formation of relevant knowledge, skills and habits of political behavior, and has a direct impact on the value bases of developing models of political participation of the younger generation. The author identifies a way to overcome the problem of evaluating the effectiveness of the game practices used through a set of certain values that are found in the framework of the study of the political culture of youth using the appropriate methodology of analysis.

Keywords: gaming technologies in politics, value system, youth political culture

For citation: Bogdanov A. V. To the issue of evaluating the effectiveness of gaming technologies within the formation of political culture of youth in modern Russia. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 221–225 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-2-221-225>

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В рамках цикла работ, посвященных анализу игровых технологий формирования политической культуры, мы вплотную подошли к еще

одной проблемной точке – их эффективности. Проблема заключается в том, что, с одной стороны, игровые технологии непосредственно ока-

зывают влияние на формирование соответствующих ценностных оснований поведения акторов социально-политического процесса. С другой стороны, степень такого воздействия необходимо измерить и оценить, а также определить способы и методы, с помощью которых мы можем проследить корреляцию между практикой политической деятельности субъектов и применяемыми игровыми технологиями.

Вопрос эффективности игры в плане оказания соответствующего целенаправленного воздействия на формирование политической культуры молодежи весьма актуален в силу того, что для молодых людей, особенно школьного и студенческого возраста, игровая деятельность является ведущей с точки зрения их обучения. Другими словами – это воспитание образованного, грамотного и обладающего соответствующими знаниями, умениями и навыками молодого человека, имеющего определенную систему морально-нравственных ориентиров, а также использующего конкретный набор ценностей в рамках выстраивания своей жизненной стратегии поведения, в том числе и в сфере политической жизнедеятельности.

Следует отметить, что с этой точки зрения образование выступает прочным фундаментом конструирования политической культуры молодежи, закладывает основы мировоззренческой картины мира, где присутствует осознание своего места в мире, понимание весомой роли своего выбора и значимости последствий апатичного и абсентеистического поведения. Таким образом, происходит процесс воспитания гражданской ответственности молодых людей, закладываются основы их активной и деятельной модели политического поведения.

В этой связи формирование не только социально, но и политически ответственной модели поведения молодежи является важным и насущным процессом образовательной деятельности в современной России, так как демократический транзит предполагает наличие соответствующих ценностных оснований деятельности субъектов социально-политического процесса. В рамках такого понимания образовательной деятельности нам представляется, что потенциал игровых технологий формирования демократической политической культуры, ответственного гражданского поведения весьма недооценен.

В этом смысле значимым является анализ существующих игровых моделей, непосредственно оказывающих влияние на мотивационную составляющую социально-политического поведения субъектов, на их систему ценностных установок и ориентаций, на про-

цесс выбора стратегии развития и совершенствования своих профессиональных характеристик. Поэтому степень возможного влияния игры на модель политического поведения молодого человека будет определяться в том числе и разновидностью применяемой игровой модели, так как каждый из видов игровой деятельности формирует соответствующие знания, умения и навыки, а также закладывает основу мировоззренческой системы участников игрового процесса.

Так, если отталкиваться от классификаций игровых технологий, существующих в рамках педагогического подхода, то можно привести в качестве примера следующую типологию:

- искусственные игры;
- детские игры (подвижные и ролевые);
- результативные игры;
- энергетические (спортивные и народные),
- интеллектуальные (имитационные и символические)¹.

Можно также выделить следующую классификацию игровых практик, которая, на наш взгляд, наиболее точно определяет виды игровой деятельности в зависимости от целей и задач обучения.

Дидактические игры – их основная цель состоит в том, чтобы закрепить определенный материал обучения, объяснить решение конкретной проблемной задачи, показать алгоритм выбора методологии. На наш взгляд, большая часть игровых технологий содержит в себе те или иные дидактические аспекты, и в этом смысле формирование политической культуры молодых людей также обусловлено реализацией данного вида образовательной деятельности. Так, в основе дидактической игры лежит ее способность передавать опыт от старшего поколения младшему, что очень тесно совпадает с процессом социализации, в том числе политической. За счет реализации дидактической задачи игры мы можем оказывать непосредственное влияние на усвоение политического опыта подрастающим поколением, а значит, воздействовать на выбор стратегии политического поведения на практике.

Ролевые игры – в качестве главной цели данного вида игр можно выделить возможность примерить на себя те или иные ролевые функции в зависимости от задачи игры. Так, нередко подростки могут играть и в «игру в школу», «игру в работу», основами которых служит семейный быт, профессии родителей и т.д. Также молодые люди могут сыграть в «игру в политику», где у них появляется высокая вероятность на основе имеющихся знаний о политической сфере выработать конкретную ролевую модель

политического поведения. При этом участники такой игры могут со стороны оценить потенциал своей определенной политической роли и с помощью модератора игры выявить проблемные точки реализации ролевой стратегии поведения в сфере политики с целью реализации своих потребностей и интересов.

Деловые игры – здесь в основе игровой деятельности лежит непосредственная возможность повысить уровень своей профессиональной компетенции или ближе познакомиться с соответствующей профессиональной деятельностью, конкретной специальностью. Данный вид игровой практики особенно часто применяется с целью разбора конкретной проблемной ситуации, которая может возникнуть в деятельности того или иного специалиста. Также одними из самых распространенных типов деловой игры являются:

- анализ конкретной ситуации и решение ситуационных задач (например, каким образом молодому человеку действовать в рамках реализации своих политических прав, куда обращаться и какую процедуру необходимо соблюсти и т.д.);

- анализ деловой документации (например, знакомство с деятельностью политических партий на основе рассмотрения их политических программ, введение в суть работы органов власти в сфере молодежной политики, аналитический разбор закона о государственной молодежной политике и т.д.);

- разбор конфликтов (например, возможная деятельность участника политического процесса в рамках разрешения проблемной ситуации на основе действующего законодательства с целью реализации своих политических прав и интересов);

- имитационные упражнения (например, воссоздание этапов избирательного процесса – политические дебаты участников выборов, создание программы политической партии, встречи с избирателями и т.д.);

- тренинги (например, анализ публичного выступления участника политических дебатов с целью повышения уровня его компетенции, стиля выступления и обучения новым приемам ораторского искусства и т.д.).

Интеллектуальные игры – ведущие цели игры заключаются в использовании логических средств познания участников игры, повышении их эрудиции и расширения интеллектуальных возможностей анализа практики, в том числе, например, и политической. В данном контексте игроки могут проходить тестирование, участвовать в интеллектуальной викторине, которые связаны со спецификой политической дея-

тельности субъектов социально-политического процесса (например, разбор конституционных основ современного Российского государства, рассмотрение структуры органов государственной власти и государства как основного политического института и т.д.). Тем самым в рамках такой игровой деятельности происходит знакомство участников как с базовыми знаниями о политической сфере, так и со спецификой практической реализации своих умений и навыков в политическом процессе.

Подвижные игры – основная цель таких игр заключается в том, чтобы способствовать физической активности участников процесса, но при этом с усвоением соответствующего опыта жизнедеятельности. Так, в рамках изучения политической сферы игроки могут имитировать проведение различных мероприятий в рамках организации избирательной кампании (например, встречи с избирателями, агитация от «двери к двери», работа наблюдателей и членов избирательной комиссии, деятельность волонтеров и помощников кандидата и т.д.). Практическая, буквально физическая реализация такого типа игр позволяет молодым людям непосредственно вырабатывать навыки политического поведения и формировать соответствующие модели участия в политическом процессе².

Таким образом, приведенная типология игровых практик показывает нам, что их применение в образовательном процессе способствует формированию соответствующих знаний, умений и навыков политического поведения, а также оказывает непосредственное влияние на ценностные основания выработки моделей политического участия подрастающего поколения. Поэтому понимание того, какая конкретная игровая технология применяется в образовательном процессе, позволяет выявлять специфику формирования политической культуры молодежи, а также помогает проследить эффективность определенной игровой практики.

Однако этого, на наш взгляд, недостаточно для того, чтобы определить эффективность игровых технологий формирования политической культуры молодого поколения. Одной из возможностей преодолеть проблему оценки результативности используемых игровых практик, по нашему мнению, может являться набор определенных ценностей, которые мы можем обнаружить в рамках исследования политической культуры молодежи при помощи соответствующей методологии анализа.

Причем выявление ценностных оснований политического поведения молодых людей мо-

жет строиться на основе анализа заложенных в нормативно-правовых актах основ конституционного строя, определения политических прав и свобод человека и гражданина в рамках их связи с реальной политической деятельностью субъектов политического процесса. Другими словами, мы также имеем возможность провести исследование, направленное на рассмотрение существующих моделей политического поведения подрастающего поколения в их корреляции с ценностями, присутствующими в политическом сознании молодежи.

С этой точки зрения у нас имеется возможность проанализировать данное соотношение между реальной практикой политического участия и обусловленностью специфики такого участия в рамках исследования ценностных оснований мировоззренческой системы молодых людей по следующим направлениям.

1. Ценности образования – это идеальные представления о наборе соответствующих принципов морально-нравственного воспитания молодых людей, это необходимый уровень осознания своего места и роли в рамках взаимоотношений с другими участниками педагогического процесса, это этические ориентиры в процессе обучения:

– взаимопонимание – умение достигать совместно поставленных целей и решать коллективно проблемные ситуации, при этом стараясь учитывать интересы и потребности участников процесса при уважении их мнения по тому или иному вопросу;

– выбор – способность осуществлять осознанный самостоятельный выбор в рамках определения своей стратегии жизненного развития с аргументацией личной позиции;

– индивидуализм – отталкивается от наивысшей ценности свободы человека и выражается в том, что каждый человек обладает индивидуальным набором качеств и характеристик, которые необходимо учитывать в образовательном процессе;

– активность – участники педагогического процесса должны активно осваивать новые знания, умения и навыки, что в свою очередь является предпосылкой их осознанного усвоения и закрепления;

– творчество – позволяет учащимся осуществлять поиск новых подходов к решению поставленных задач, развивать умения работать со своими чувствами, находить новые способы снимать накопившееся психологическое напряжение, а также учиться работать с идеями, интуицией и воображением;

– толерантность – включает в себя как уважительное отношение к взглядам других лю-

дей, иному образу жизни вне зависимости от пола, возраста, национальности и вероисповедания, так и сознательное принятие собственного внутреннего мира, в том числе переживаний и чувств;

– свобода – выражается в том, что каждый имеет право выбрать уровень образования, профессию и квалификацию, образовательное учреждение и форму образования, а также возможность делать свой выбор, отталкиваясь от внутренних потребностей и интересов, но при соблюдении существующих морально-нравственных правил и правовых норм³;

– динамизм – прежде всего, связан с выработкой способности к самоорганизации и саморегуляции своего поведения, а также с умением выбирать и использовать разнообразные способы и приемы убеждения⁴;

– профессионализм – это соответствующие качества, вырабатываемые участниками педагогического процесса (личностные характеристики), которые помогают им эффективно и систематически выполнять сложные действия в разнообразных условиях согласно взятым на себя обязательствам⁵;

– конкурентоспособность – способность системы образования подготовить специалистов, обладающих высоким уровнем профессиональных навыков и умений, позволяющих повысить свои возможности по трудоустройству на более престижные и высокооплачиваемые места работы⁶.

2. Гуманистические ценности – в их основе лежит процесс гуманизации современного образования, опирающийся на следующие принципы мировоззрения:

– способность участников педагогического процесса к самосовершенствованию и достижению любых поставленных перед собой целей;

– деятельность учащихся определяется необходимой возможностью по защите их чести и достоинства, по уважению к их правам и соблюдению ими обязанностей на основе свободного выбора траектории своего развития;

– работа системы органов государственной власти и государства в целом направлена на удовлетворение интересов и потребностей общества⁷.

Можно выделить следующие ценности гуманизма: уважение семейных традиций, патриотизм, бережное отношение к природным ресурсам, миротворчество, трудолюбие, интеллигентность, любознательность⁸.

3. Ценностные основания функционирующего политического режима – набор конкретных ценностей, на основе которых осуществляется деятельность органов госу-

дарственной власти, основных политических институтов (партии, группы интересов и т.д.), институтов гражданского общества (общественные организации) и субъектов социально-политического процесса (социальные группы, лидеры общественного мнения и т.д.). Эти ценностные установки характеризуются через непосредственную практику реализации своих действий перечисленных выше субъектов социально-политического пространства. В современной России функционирование указанных выше институтов строится на основе закрепленных в Конституции РФ ценностей демократии:

- ответственный политический, социальный и экономический плюрализм;
- защита прав и свобод человека и гражданина;
- политическое и правовое равенство;
- уважение прав меньшинства;
- свободная конкуренция;
- высокий качественный уровень политического участия;
- терпимость к мирной, соблюдающей правила оппозиции;
- власть ограничена законом;
- политические лидеры сменяются периодически в рамках свободных и справедливых выборов;
- представительный характер власти⁹.

Таким образом, перечисленные выше ценности могут выступать в качестве оценки эффективности существующих игровых технологий формирования политической культуры современной российской молодежи. Так, выявляя ценности гуманистические, мы можем обнаружить и ценности негуманистического характера, присутствующие в политической культуре подрастающего поколения, а ценности демократического развития закладывают основу работы системы образования, при этом в политическом сознании молодых людей могут выявиться и традиционные, и противоположные демократическим ценности.

При этом важным, на наш взгляд, является определение верной методологии анализа ценностных оснований политической культуры современной российской молодежи. Подбор соответствующих методов исследования представляется очередной проблемной точкой. Эта ситуация требует своего разрешения в рамках выбора методики рассмотрения ценностной составляющей политической культуры подрастающего поколения.

Примечания

- ¹ См.: Подкасистый П. И., Хайдаров Ж. С. Технология игры в обучении и развитии. М.: Рос. пед. агентство, 1996. С. 24–27.
- ² См.: Емельянова, Т. В., Медяник Г. А. Игровые технологии в образовании: электронное учеб.-метод. пособие. Тольятти: Изд-во ТГУ, 2015. 1 опт. диск.
- ³ См.: Иванов Е. В. Свобода в образовании: суть, реалии и перспективы // Интеграция образования. 2003. № 4. С. 70–75.
- ⁴ См.: Панина Т. С., Дочкин С. А. Динамизм в развитии системы дополнительного профессионального образования как конкурентное преимущество вуза и основа для роста его потенциала // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2020. № 4 (140). С. 76–79.
- ⁵ См.: Логинов С. А. Специфика современного понимания понятия «профессионализм» в педагогике // Вестник науки и образования. 2016. № 2 (14). С. 103–105.
- ⁶ См.: Веселова В. С. Ценности современного общества и образования // Ценности и смыслы. 2010. № 2 (5). С. 64–67.
- ⁷ См.: Зинченко В. В. Модель «нового гуманизма» в ценностной системе и принципах современной социальной философии образования // Перспективы науки и образования. 2014. № 1 (7). С. 9–13.
- ⁸ См.: Дерюга В. Е. Гуманистические ценности как основа и цель образования личности // Проблемы современного образования. 2013. № 6. С. 31–40.
- ⁹ См.: Селезнева А. В. Демократические ценности в современном российском обществе // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2016. № 6. С. 20–33.

Поступила в редакцию 30.01.2022; одобрена после рецензирования 10.02.2022; принята к публикации 15.02.2022
The article was submitted 30.01.2022; approved after reviewing 10.02.2022; accepted for publication 15.02.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 226–231

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 226–231

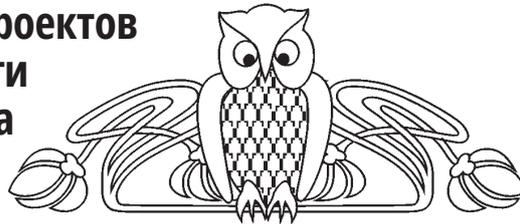
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-2-226-231>

Научная статья

УДК 327.7

Политические аспекты сопряжения проектов Экономического пояса Шелкового пути и Евразийского экономического союза для Российской Федерации

И. Н. Бурганова

Оренбургский государственный педагогический университет, Россия, 460014, г. Оренбург, ул. Советская, д. 19

Бурганова Инна Николаевна, кандидат политических наук, доцент кафедры всеобщей истории и методики преподавания истории и обществознания, burganovain@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3634-1141>

Аннотация. В статье изучается проблема политического сопряжения проектов Экономического пояса Шелкового пути и Евразийского экономического союза для Российской Федерации. Рассматриваются ключевые тенденции конфигурации политического сотрудничества Российской Федерации с Китайской Народной Республикой и ЕАЭС. Проанализирована Концепция внешней политики в 2013 г., 2016 г. в контексте рассмотрения отношений со странами ЕАЭС. Рассмотрен вопрос интересов России и Китая в политическом сопряжении проектов ЭПШП и ЕАЭС в сравнительном ключе, а также показаны проблемные зоны их политического сопряжения.

Ключевые слова: политическое сопряжение, Экономический пояс Шелкового пути и Евразийский экономический союз, участие России в Экономическом поясе Шелкового пути и Евразийском экономическом союзе

Для цитирования: Бурганова И. Н. Политические аспекты сопряжения проектов Экономического пояса Шелкового пути и Евразийского экономического союза для Российской Федерации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 226–231. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-2-226-231>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4,0 International (CC-BY 4.0)

Article

Political aspects of the integration of the Silk Road Economic Belt and the Eurasian Economic Union projects for the Russian Federation

I. N. Burganova

Orenburg State Pedagogical University, 19 Sovetskaya St., Orenburg 460014, Russia

Inna N. Burganova, burganovain@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3634-1141>

Abstract. The article deals with the problem of political conjugation of the projects of the Silk Road Economic Belt and the Eurasian Economic Union for the Russian Federation. The author examines key trends in the configuration of political cooperation of the Russian Federation with China and the EAEU. The article analyzes the Foreign Policy Concept of 2013 and 2016 in the context of considering relations with the EAEU countries. Interests of the Russian Federation and China in the political contingency of the SREB and the EAEU projects are considered in a comparative manner. The problem areas of political contingency of the EAEU and SREB projects are also shown.

Keywords: political association, the Silk Road Economic Belt and the Eurasian Economic Union, Russia's participation in the Silk Road Economic Belt and the Eurasian Economic Union

For citation: Burganova I. N. Political aspects of the integration of the Silk Road Economic Belt and the Eurasian Economic Union projects for the Russian Federation. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 226–231 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-2-226-231>

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4,0 International License (CC-BY 4.0)

Динамика современных международных отношений предполагает углубленный уровень политической коммуникации между игроками мирового сообщества. Логика такого процесса завязана на том, что интенсификация политического диалога государственных акторов

способствует нахождению общих точек соприкосновения в решении сложнейших вопросов международной повестки дня, позволяет увеличить количество союзников в выстраивании собственной системы внешнеполитической деятельности государства на международной арене.

не, а также нивелировать общие угрозы и риски национальной и международной безопасности.

Данная тенденция межгосударственного диалога становится очевидной в рамках организаций, характеризующих процесс экономической и политической интеграции. Государства, участвующие в интеграционном процессе, сначала интенсифицируют взаимовыгодное сотрудничество в экономической сфере, а затем переходят к более качественной ступени политического диалога, нейтрализуя глобальные вызовы.

Анализ проектов Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП) позволяет говорить о важности участия в них Российской Федерации. Заинтересованность российской стороны в евразийской интеграции на уровне ЕАЭС стала особенно заметной в условиях похолодания отношений с западными странами. Присоединение Крыма и Севастополя на фоне введения санкций в отношении России заставляет Москву диверсифицировать векторы внешней политики. Именно в этих обстоятельствах Договор о Евразийском экономическом союзе был подписан Москвой (Россия), Минском (Белоруссия) и Астаной (Казахстан) 29 мая 2014 г. В дальнейшем членами ЕАЭС стали Ереван (Армения) и Бишкек (Киргизия). Поиск союзников на евразийском пространстве позволяет РФ, с одной стороны, иметь коллегиальное видение вопросов международной повестки дня, а другой – нивелировать глобальные вызовы и угрозы совместными усилиями евразийских стран. События января 2022 г. в Казахстане продемонстрировали, что Российская Федерация и другие члены Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) имеют схожую позицию в отношении нейтрализации террористической угрозы. В этих обстоятельствах рассмотрение политических аспектов сопряжения проектов Экономического пояса Шелкового пути и ЕАЭС является актуальным.

Первоочередными задачами ЕАЭС и ЭПШП является экономический аспект коммуникации между их членами. Например, основа создания ЕАЭС подразумевает «создание условий для стабильного развития экономик государств-членов...; стремление к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов...; всесторонняя модернизация, кооперация и повышение конкурентоспособности национальных экономик...»¹. Что касается Экономического пояса Шелкового пути, то данный проект был предложен в 2013 г. председателем КНР Си Цзиньпином. При этом данный проект впоследствии дополнился инициативой «Морской Шелковый путь XXI века».

Таким образом, ЭПШП и Морской Шелковый путь XXI века можно рассматривать как идею «Один пояс и один путь»². Данный проект совместил в себе несколько направлений диалоговой площадки: начиная от экономического взаимодействия, инвестиционной платформы до снижения финансовых рисков, либерализации торговли, политической стабильности региона, образовательных обменов, культурных контактов. Для самого Китая это, прежде всего, проект, завязанный на создании рынка сбыта китайских товаров, увеличении экспорта собственной высокотехнологической продукции, повышении статуса юаня в мировой финансовой системе, а самое главное, в обеспеченности транзитных поставок товаров через сушу, минуя перегруженные морские торговые пути³.

Оба проекта (ЭПШП и ЕАЭС), осуществляемые на евразийском пространстве, рано или поздно оказались бы в спектре центристских или центробежных сил. Сопредельный статус граничащих друг с другом стран делает их или союзниками, или противниками. Прекрасно это осознавая, Российская Федерация предложило КНР озвучить совместное заявление от 8 мая 2015 г., что стороны «будут предпринимать согласованные усилия по взаимному сопряжению процессов строительства ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути»⁴.

В этом документе можно заметить несколько ключевых тенденций, которые фиксируют конфигурацию именно политического сотрудничества РФ с другими евразийскими странами на уровне КНР и ЕАЭС.

Во-первых, инициатива сопряжения двух проектов принадлежит Москве. Кремль прекрасно осознает, что чрезмерная активность Китая работает на его дальнейшее процветание и в экономическом, и в политическом смысле. Выстраивая единое понимание будущего евразийской интеграции, КНР и РФ снимают возможные противоречия между собой. Кроме того, Москве было важно услышать сигнал, что российская и китайская стороны находятся в эгалитарном статусе в коммуитарном видении сопряжения ЭПШП и ЕАЭС. Увязка данных проектов показывает, что именно Россия и Китай наиболее заинтересованы в данном сотрудничестве. Участие двух гигантов демонстрирует реальный потенциал такого диалога. Например, политическими дивидендами усиленной коммуникации КНР и РФ является участие в формировании международной повестки дня (на фоне постоянного членства Пекина и Москвы в СБ ООН). Поэтому сопряжение ЭПШП и ЕАЭС позволит обоим партнерам нарастить свой вес

на международной арене. К тому же нарастание противоречий между, с одной стороны, Вашингтоном, а с другой – Пекином и Москвой способствует еще большей коллаборации КНР и РФ. Это очевидно на фоне проводимой политики Белым Домом в лице как Д. Трампа, так и Дж. Байдена, направленной на нейтрализацию китайского могущества, особенно в экономической сфере (торговые войны). Что касается отношений США и России, то они также находятся в конфронтационном спектре (разное видение спорных вопросов международной повестки дня – «украинский» и «сирийский», вилки санкций и пр.). Поэтому некоторые эксперты (Д. В. Ефременко) предполагают, что это приведет к диверсификации сотрудничества китайской и российской сторон. Например, в рамках «страхования рисков, дедолларизации банковских расчетов, их перевода на независимую от SWIFT телекоммуникационную систему передачи коммерческой информации и электронных платежей, направленных на нейтрализацию давления Вашингтона»⁵.

Во-вторых, это участие только российской стороны от ЕАЭС, а не всех участников данной организационной структуры. Что можно трактовать как признание другими членами Евразийского экономического союза лидирующего положения РФ. При этом остальные акторы ЕАЭС признали факт сопряжения на саммите ШОС в 2015 г.

Во-третьих, в то же время Ереван, Астана, Минск, Бишкек чаще договариваются с Пекином на двухсторонней основе, что ставит под сомнение эффективность сопряжения проектов ЭПШП и ЕАЭС. Например, с 2014 г. взаимодействие между Казахстаном и КНР развивается в рамках сопряжения ЭПШП и казахстанского национального проекта «Нурлы жол»⁶. Однако важно понимать, что для Казахстана сотрудничество с Китаем имеет спорные перспективы. Имеется в виду сырьевая зависимость Астаны (Нур-Султан) от Пекина. Однако количественный рост контактов оставляет надежду для повышения их качества для Казахстана⁷.

Таким образом, политическая увязка проектов ЭПШП и ЕАЭС находится в центре большего внимания для РФ, но меньшего со стороны других участников евразийского пространства по сравнению с экономической составляющей. Дело в том, что спектр политического взаимодействия практически всегда предполагает делегирование государственного суверенитета на субсидиарный уровень интеграционного объединения, ограничение собственных национальных интересов в условиях совместного решения проблемы нейтрализа-

ции глобальных вызовов и угроз. Однако политический вектор коммуникации для Кремля является более предпочтительным на фоне непростых отношений с Белым Домом и остальными странами-участницами НАТО. А экономическая коммуникация для КНР и других государственных акторов более предпочтительна в силу выгоды и экономической целесообразности. Например, создание транспортной системы с помощью высокоскоростных железных и шоссейных дорог, авиационных транспортных узлов позволит трансформировать систему отношений ЭПШП и ЕАЭС с выходом на новый этап развития с многократным увеличением экономической прибыли, созданием новых рабочих мест и пр.⁸.

Что касается нормативной базы, то в п. 44 Концепции внешней политики РФ 2013 г. обозначено: «Россия считает приоритетной задачу формирования Евразийского экономического союза». При этом для РФ является приоритетным сотрудничество с государствами постсоветского пространства по линии «обеспечения взаимной безопасности, включая совместное противодействие общим вызовам и угрозам, прежде всего международному терроризму, экстремизму, незаконному обороту наркотиков, транснациональной преступности, незаконной миграции» и «...недопущение дестабилизации обстановки в Центральной Азии и Закавказье»⁹. Поскольку сотрудничество со странами ЕАЭС указано в Концепции внешней политики 2013 г. в региональных приоритетах, то можно сделать выводы, что угрозы терроризма, экстремизма, транснациональной преступности для России относятся к объектам как международной, так и региональной безопасности, т.е. являются первоочередными с точки зрения их опасности. Это еще раз подчеркивает, что Москва воспринимает диалог с евразийскими странами на постсоветском пространстве как политическую коммуникацию, нежели как экономическое сотрудничество.

В Концепции внешней политики 2016 г. риторика видения ЕАЭС для Российской Федерации меняется. В частности, «Россия считает ключевой задачей углубления и расширения интеграции в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС)...» по линии «повышения конкурентоспособности экономик государств-членов ЕАЭС и повышения жизненного уровня их населения... стать площадкой для реализации совместных инфраструктурных и инвестиционных проектов»¹⁰. Такая параллельность политического и экономического диалога РФ и стран ЕАЭС в условиях глобального мира является необходимой в силу реализации со-

вместных взаимовыгодных проектов. Однако и политическое взаимодействие выступает неотъемлемым элементом отношений Москвы с другими членами ЕАЭС за счет интенсификации глобальных вызовов и угроз. Поскольку проекты ЕАЭС и ЭПШП взяли курс на сопряжение, то логично, что сотрудничество проходит по линии политической и экономической коммуникации.

Анализ сопряжения ЭПШП и ЕАЭС в политическом сегменте будет неполным без рассмотрения инструментальной базы внешней политики России. В качестве ключевого инструмента поддержания безопасности на евразийском пространстве для РФ выступает ОДКБ. Возникновение данной организации было продиктовано наличием «горячих точек», зон нестабильности по периметру границ¹¹. За прошедшие годы работы данной организации к ней накопилось достаточное количество претензий, которые сводились к ее неэффективности (события 2010 г. в Киргизии, когда «репутация ОДКБ был нанесен урон, и в полной мере проявился разрыв между ожиданиями, связываемыми с лидером организации (Россией) и одной из малых стран-участниц»¹²).

Однако события в Казахстане 2022 г. позволяют говорить об изменении принципов работы ОДКБ. В частности, миротворческая операция членами ЕАЭС, в том числе и РФ, была проведена в связи с беспорядками в Казахстане. Однако итоги такой помощи выглядят спорными в связи с назначением на пост министра информации и общественного развития Казахстана ярого русофоба А. Умарова.

Для рассмотрения вопроса об интересах РФ в политической сопряженности проектов ЭПШП и ЕАЭС автором для наглядности были исследованы позиции Пекина и Москвы в сравнительном ключе.

Политический интерес для Китая в координации проектов ЭПШП и ЕАЭС связан с несколькими причинами.

Во-первых, это создание пояса региональной безопасности по периметру границ КНР. Как известно, государства Центральной Азии для КНР играют роль своеобразного буфера «на пути угроз из современных “горячих точек” региона в Китай»¹³. Дело в том, что проект создания ЭПШП должен, по мнению КНР, решить узловую проблему Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР). В СУАР функционирует террористическая организация «Исламское движение Восточного Туркестана». Ее активность продиктована сложным социально-экономическим положением СУАР и сепаратистскими настроениями уйгуров.

Одним из ключевых инструментов борьбы данной организации является совершение терактов (например, в Урумчи (столица Синьцзян-Уйгурского автономного района) в июле 2009 г., в результате которого погибли 197 чел., более 1,6 тыс. ранены). Поэтому сопряжение проектов ЭПШП и ЕАЭС позволит организовать целую сеть различных центров логистических услуг, в том числе и в СУАР, что позволит поднять уровень жизни в этом регионе, а значит, снизить экстремистский, сепаратистский и террористический «потенциал» Синьцзян-Уйгурского автономного района. Таким образом, общая согласованная позиция Китая и стран-участниц ЕАЭС по борьбе с глобальными вызовами и угрозами на Евразийском пространстве позволит им быстрее принимать конкретные меры по нейтрализации террористической опасности, экстремистских настроений и сепаратизма.

Во-вторых, формирование долгосрочного стратегического партнерства КНР с членами ЕАЭС необходимо Пекину, в непростых отношениях с США¹⁴.

Исследуя политические интересы России в сопряжении проектов ЕАЭС и ЭПШП, можно сказать о следующих аспектах:

1) для Кремля участие в них продиктовано, в первую очередь, не экономическими мотивами, а политической составляющей. Долгосрочная перспектива по созданию зоны свободной торговли, общей либерализации торгового режима на Евразийском пространстве находится вне круга стремлений Москвы. Понятно, что в условиях слабого развития собственного рынка готовой продукции ни Россия, ни остальные участники ЕАЭС не готовы к полному открытию торговых границ с Китаем;

2) для РФ первоочередной задачей является создание пояса добрососедства с сопредельными странами. В этих обстоятельствах важно учитывать национальные интересы Китая без «наступления на горло» собственным задачам. После распада Советского Союза зона национальных интересов РФ больше ориентировалась на постсоветское пространство. Именно поэтому в разные годы появляются интеграционные проекты с участием России – СНГ, Таможенный союз, ЕврАзЭС, ЕАЭС. Поэтому для Кремля важно не допустить «усиление присутствия Китая в Центральной Азии», чтобы это «не стало политической заменой СНГ и ЕАЭС»¹⁵;

3) коммуникация Москвы и Пекина выступает своеобразным дуумвиратом в противодействии американским идеям мирового господства. К тому же количественный рост

контактов российской и китайской сторон можно рассматривать как своеобразную реакцию на нарастание противоречий между РФ и западными странами.

Однако важно понимать, что стремления КНР в проекте ЭПШП трактуются остальными участниками международного сообщества не так однозначно. Современное развитие глобальной экономики сопровождается постоянной конкуренцией за рынки сбыта. А проект ЭПШП будет способствовать обострению соперничества между странами, что вряд ли вызовет позитивную реакцию остальных участников международного сообщества. К тому же ЭПШП нацелен на растущее могущество КНР, что вызывает беспокойство многих государственных акторов¹⁶.

Понятно, что в условиях возрастания глобальных вызовов и угроз назрела необходимость оптимизации диалога по их нейтрализации. Поэтому расширение диалоговой площадки по спектру экономического взаимодействия ведет к углублению союзнических отношений в политической сфере. Кроме того, риски террористической опасности также играют на руку оптимизации коммуникации в обеспечении безопасности.

Рассмотрение перспектив политического диалога сопряжения ЭПШП и ЕАЭС предусматривает следующие проблемные зоны.

Во-первых, перспектива дальнейшего расширения участников ЕАЭС и, как следствие, сопряжение с проектом ЭПШП. Проблемное видение количественного роста новых членов ЕАЭС состоит в их целевых задачах. То есть свежеспеченные участники должны быть настроены на долгосрочную перспективу интеграционного взаимодействия со всеми вытекающими последствиями. А узкая направленность получения экономической прибыли вряд ли позволит перейти к более тесному сотрудничеству¹⁷.

Во-вторых, проблемной зоной также будет отсутствие эгалитаризма участников сопряжения проектов ЕАЭС и ЭПШП (КНР). Наличие «государств-гегемонов» (Россия и Китай) и «малых» стран Евразийского экономического союза ведет к дисгармонизации диалога указанных сторон.

В-третьих, выработка схожих подходов в решении нейтрализации глобальных вызовов и угроз также представляется сложной в связи с разнонаправленностью интересов участников сопряжения ЭПШП (КНР) и стран-участников (ЕАЭС).

Перспективы политического сопряжения ЭПШП и ЕАЭС для Российской Федерации можно рассматривать через призму расширения

состава участников, углубления формата взаимодействия участвующих сторон, совместных проектов, а также основных препятствий функционирования этой региональной организации.

Примечания

- 1 Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 01.10.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 28.10.2021). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- 2 См.: Report of the Implementation of the 2014 Plan for National Economic and Social Development and on the 2015 draft Plan for National Economic and Social // npc.gov.cn: [официальный сайт ВСНП]. URL: http://www.npc.gov.cn/englishnpc/Special_12_3/2015-03/19/content_1930758.htm (дата обращения: 26.11.2021).
- 3 См.: У Яньбинь. Геополитические аспекты Экономического пояса Шелкового пути. URL: <https://dspace.spbu.ru/bitstream/11701/11927/1/dissertaciya.pdf> (дата обращения: 22.12.2021).
- 4 Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/4971> (дата обращения: 03.01.2022).
- 5 Ефременко Д. В. Сопряжение китайской инициативы «Экономический пояс Шелкового пути» и интеграционного проекта «Евразийский экономический союз» в контексте трансформаций современного мирового порядка // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2018. Т. 23, № 23. С. 40. <https://doi.org/10.24411/2618-6888-2018-10003>
- 6 О подписании Плана сотрудничества по сопряжению Новой экономической политики «Нұрлы Жол» и строительства «Экономического пояса Шелкового пути» между Правительством Республики Казахстан и Правительством Китайской Народной Республики. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1600000518> (дата обращения: 03.01.2022).
- 7 См.: Выступление председателя КНР Си Цзиньпина в Назарбаев Университете. 7 сентября 2013 г. URL: http://www.fmprc.gov.cn/web/ziliao_674904/zt_674979/dnzt_674981/qtzt/ydy1_675049/zyxw_675051/t1074063.shtml (дата обращения: 03.01.2022).
- 8 См.: Прорыв на Шелковом пути : Россия начинает строить небывалую автомагистраль, которая свяжет Китай и Западную Европу. URL: <https://ukraina.ru/exclusive/20190728/1024400377.html> (дата обращения: 22.01.2022).
- 9 Концепция внешней политики Российской Федерации (12 февраля 2013 г.). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
- 10 Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 30 ноября 2016 г. № 640). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

- ¹¹ См.: Договор о коллективной безопасности (Ташкент, 15 мая 1992 г.) (с изм. и доп.). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
- ¹² Троицкий Е. Ф., Зиновьев В. П. Организация Договора о коллективной безопасности : становление, эволюция и кризис военно-политического союза // Русин. 2018. № 4 (54). С. 343. <https://doi.org/10.17223/18572685/54/20>
- ¹³ Новичков В. С. Основные направления национальной политики в СУАР КНР после 2000 г. // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 424. С. 117. <https://doi.org/10.17223/15617793/424/16>
- ¹⁴ См.: Денисов И. Е. Шелковая безопасность : новая китайская концепция развития и правила игры в Евразии // Индекс безопасности. 2015. Т. 21, № 3 (114). С. 51–60.
- ¹⁵ См.: Скриба А. С. Сопряжение ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути : интересы участников и вызовы реализации // Вестник международных организаций : образование, наука, новая экономика. 2016. Т. 11, № 3. С. 67–81. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2016-03-67>
- ¹⁶ См.: Ларин А. Г. Сопряжение ЕАЭС и Нового Шелкового пути : шансы и вызовы для России // Новый Шелковый путь и его значение для России. М. : ДеЛи плюс, 2016. С. 109–130.
- ¹⁷ См.: Бирюков С. «Новый шелковый путь» и евразийская интеграция. URL: <https://www.geopolitica.ru/node/63981> (дата обращения: 22.12.2021).

Поступила в редакцию 30.01.2022; одобрена после рецензирования 10.02.2022; принята к публикации 15.02.2022
The article was submitted 30.01.2022; approved after reviewing 10.02.2022; accepted for publication 15.02.2022

СЛОВО МОЛОДЫМ ПОЛИТОЛОГАМ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 232–236

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 232–236

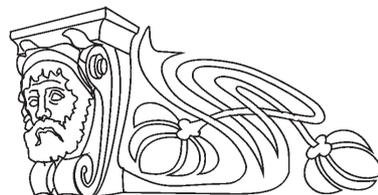
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-2-232-236>

Научная статья

УДК 32.019.5+303.717

Технологические средства анализа имиджформирующих политических медиатекстов: возможности и ограничения

А. А. Хуажев

Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Московская, д. 164

Хуажев Аркадий Аликович, аспирант кафедры политических наук, ooo_zet@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1213-9750>

Аннотация. В статье представлены возможности анализа имиджформирующих текстов с использованием специализированного программного обеспечения. Отдельно артикулированы ограничения, связанные с автоматизированной обработкой информации. Делается вывод о предпочтительности применения смешанного варианта исследования медиасообщений, предполагающего сочетание ручного и машинного анализа их основных параметров.

Ключевые слова: политический имидж, имиджформирующий текст, программное обеспечение, интеллектуальный анализ текстов, автоматизированный анализ

Для цитирования: Хуажев А. А. Технологические средства анализа имиджформирующих политических медиатекстов: возможности и ограничения // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 232–236. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-2-232-236>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Technological means of analyzing image-forming political media texts: Possibilities and limitations

A. A. Khuazhev

Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 164 Moskovskaya St., Saratov 410012, Russia

Arkady A. Khuazhev, ooo_zet@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1213-9750>

Abstract. The article presents possibilities of analyzing image-forming texts by means of specialized software. Restrictions related to automated information processing are separately articulated. The author concludes that it is preferable to use a mixed version of the study of media messages, involving a combination of manual and machine-based analysis of their main parameters.

Keywords: political image, image-forming text, software, text mining, computer-aided analysis

For citation: Khuazhev A. A. Technological means of analyzing image-forming political media texts: Possibilities and limitations. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 232–236 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-2-232-236>

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В современном информационно насыщенном мире политический имидж во многом формируется посредством медийного сопровождения деятельности различных субъектов и акторов или же за счет целенаправленно создаваемых для этого текстов¹. Подобного рода тексты принято называть имиджформирующими. А. Е. Татарова и Л. Е. Ильина определяют их как «законченные, целостные речевые произ-

ведения, содержащие информацию, направленную на формирование имиджа объекта»².

Несмотря на достаточно устойчивый интерес российских ученых к самым различным аспектам формирования имиджа³, вопрос, связанный с технологической стороной анализа имиджформирующих текстов, нам представляется недостаточно изученным. По нашим наблюдениям, в большинстве случаев для этого ис-

пользуются традиционные качественные методы анализа, которые при всей их продуктивности несут в себе элемент субъективизма. В конечном итоге это может привести к снижению валидности и достоверности полученных с их помощью научных результатов. В этом смысле цель данной статьи мы видим в том, чтобы выявить исследовательские возможности автоматизированных средств анализа текстов и обозначить связанные с их применением ограничения.

В той или иной степени все варианты автоматической обработки медиасообщений являются разновидностями так называемого интеллектуального анализа текста. Данный термин является контекстным переводом на русский язык англоязычного понятия «text mining», которое дословно может быть переведено как «разработка (подобно добыче полезных ископаемых) текста».

В самом общем виде интеллектуальный анализ текста определяют как направление в сфере искусственного интеллекта, целью которого является «получение информации из неструктурированных текстовых данных путем их преобразования в пригодный для дальнейшей работы набор структурированных данных, представленных в удобном виде для машинной обработки»⁴. В настоящий момент интеллектуальный анализ текста достаточно часто используется в бизнес-сфере, государственном управлении, деятельности, связанной с разведкой и обеспечением безопасности. Весьма значительным представляется потенциал данной технологии и применительно к анализу имиджформирующих медиасообщений в научных целях.

Мы провели анализ базовых параметров наиболее известных в России систем интеллектуального анализа текста. Ниже будут представлены основные результаты такого мониторинга: функционал конкретной системы, стоимость ее использования и иные особенности, в первую очередь связанные с тем, на какую аудиторию она преимущественно ориентирована.

Так, одной из самых авторитетных и популярных в нашей стране является система мониторинга и анализа СМИ и социальных медиа «Медialogия»⁵. Приоритетным вектором в совершенствовании методов интеллектуального текстового анализа в компании считают оценку тональности сообщений. Созданная для этого модель использует технологии глубокого обучения – нейронные сети, которые могут оценивать не только сами тексты, но и характеристики упоминаемых в них персон, объектов и организаций.

В качестве отдельного параметра анализа может быть использован механизм оценки яркости или заметности публикации в информационном поле. Что же касается стоимости ис-

пользования возможностей «Медialogии», то она рассчитывается индивидуально, по запросу – в зависимости от объема и параметров отдельного исследования. Однако какими бы ни были расценки, компания, к сожалению, в принципе не работает с физическими лицами. Такой ответ был получен нами в ходе электронной переписки с менеджерами «Медialogии». В основном ее клиентами являются пресс-службы и PR-отделы коммерческих структур или органов власти.

Еще одна компания – это система мониторинга и анализа социальных медиа и СМИ «Brand Analytics». Разработанная ее специалистами система позволяет аккумулировать данные «с наилучшей полнотой и качеством со всех источников – соцсетей, видеохостингов, сервисов карт, публичных каналов и чатов мессенджеров, отзовиков, форумов, блогов, маркетплейсов, онлайн-СМИ, газет, журналов и федеральных телеканалов»⁶. «Brand Analytics» дает возможность автоматически определять тональность упоминаний интересующего заказчика объекта с точностью до 85–90%. Используемые в системе алгоритмы машинного обучения категоризируют сообщения, выявляют тренды медиополя, агрессию, распознают тексты на изображениях и др.

Стоимость услуг компании варьируется от 14 000 до 110 000 руб. в месяц. Чем выше цена, тем больше возможностей появляется у пользователя. Прежде всего, это касается количества анализируемых сообщений в месяц (от 5000 до 350 000), тем (от 3 до 15), тегов в теме (от 30 до неограниченного числа), наличия или отсутствия доступа к материалам офлайн-СМИ и закрытым лентам информационных агентств, возможности осуществлять поиск по архиву за год и выстраивать рейтинги персон и компаний по каждой теме.

Технологии искусственного интеллекта использует также платформа для аналитики социальных медиа «YouScan». Ее отличительной чертой является то, что она располагает «лучшими в индустрии возможностями анализа изображений»⁷. Кроме этого, компания в большей мере, чем конкуренты, ориентирована на обслуживание бизнес-структур. Поиск упоминаний организаций, продуктов или даже маркетинговых мероприятий осуществляется по словам, хэштегам, геолокации и даже по фотографиям. Как и большинство аналогичных сервисов, «YouScan» дает возможность определить тональность медиасообщений. На этот раз декларируемая точность подобной операции составляет 95%.

На сайте компании нет точной информации о расценках на оказываемые ею услуги. Общение с сотрудниками службы поддержки клиентов дало возможность выяснить, что стоимость исследования зависит от многих факторов: количе-

ства объектов мониторинга (брендов, продуктов, персон, кампаний), объема данных по каждому из них, глубины ретроспективы и подхода к обработке упоминаний. В ноябре 2021 г. стоимость проекта, направленного на анализ имиджформирующих текстов в отношении одного объекта, начиналась от 35 000 руб.

Преимущественно на бизнес-структуры ориентирован и ряд других технологических систем, например «SemanticForce». Она представляет собой платформу для мониторинга и анализа интернет-СМИ, социальных сетей, видео, форумов, блогов, вакансий и других видов онлайн-медиа⁸. Используемые «SemanticForce» метрики позволяют оценить частоту упоминаний в социальных медиа бренда, фирмы или отдельного человека за интересующий исследователя временной период. При этом упоминания могут встречаться в твитах, постах, обновлениях статусов, обсуждениях или комментариях. Имеются опция автоматической рубрикации найденных упоминаний и возможность добавления новых рубрик.

Как и большинство других подобных сервисов, «Semantic Force» определяет тональность, однако в данном случае она фиксируется не для всего медиасообщения, а применительно к конкретному объекту, что создает техническую возможность формирования выборок с различной тональностью. Кроме того, если в подавляющем большинстве других сервисов используются три разновидности тональности (положительная, нейтральная и отрицательная), то здесь появляется возможность фиксации параметров, отражающих эмоциональные состояния авторов постов в социальных медиа: счастье, любовь, печаль и гнев.

Информации о стоимости услуг «Semantic Force» на сайте нет. Судя по всему, в каждом отдельном случае она рассчитывается индивидуально, и с учетом ярко выраженной ориентации этой компании на бизнес-структуры можно предположить, что доступ к возможностям системы будет никак не дешевле, чем в сервисах, рассмотренных выше.

Анализ и управление репутацией клиента в Интернете считает своей основной задачей система мониторинга соцмедиа «IQBuzz». Позиционируя себя в качестве «идеального инструмента в SMM-маркетинге», компания занимается оптимизацией деятельности структурных подразделений, отвечающих за маркетинг и PR⁹. Среди прочего в режиме реального времени отслеживаются все упоминания о компании в интернет-среде, имеется возможность определения тональности сообщения – позитивной, нейтральной, негативной и смешанной.

Стоимость услуг «IQBuzz» варьируется в зависимости от тарифа: в январе 2022 г. она составляла 9480 руб. в месяц за «Старт», 17 880 – за «Стандарт», 33 480 – за «Профи» и 65 880 руб. – за «Корпоративный». Набор услуг, включенных в конкретный пакет, в целом аналогичен тому, что упоминался нами применительно к «Brand Analytics». Компания также предоставляет семидневный бесплатный демо, однако без доступа к онлайн-СМИ.

На работе с репутацией клиента в интернет-пространстве фокусируется и система мониторинга упоминаний в социальных медиа «Vabkee». Своей приоритетной целевой аудиторией сервис считает тех, «кто постоянно следит за изменениями, происходящими в определенной сфере бизнеса; потребностями аудитории и нуждается в своевременном проведении анализа рынка конкурентов»¹⁰. Система дает возможность осуществлять анализ эффективности рекламных кампаний в Сети и оказывать оперативную поддержку пользователям.

«Vabkee» – это новый продукт молодой и инновационной команды Ingate Development. В его проектировании и создании приняли участие приглашенные консультанты и эксперты крупных digital-компаний. Однако, несмотря на все это, интерфейс сайта «Vabkee» мы нашли, пожалуй, наименее удобным и функциональным из всех, с которыми приходилось знакомиться. Информации по платным тарифам найти не удалось. Предусмотрена возможность бесплатного месячного доступа к возможностям системы с ограниченным количеством сообщений по теме. Решив воспользоваться такой возможностью, мы, во-первых, не обнаружили функции фильтра источников, по которым нужно было осуществлять поиск интересующих нас материалов, и, во-вторых, простейший поисковый запрос по теме «Северный Кавказ» не дал ни одного результата...

По нашим наблюдениям, в последнее время на российском рынке все более востребованными становятся предложения аналогичных сервисов от зарубежных разработчиков. Один из них – это сервис MAXQDA, адаптированный под особенности русского языка. Он представляет собой профессиональное программное обеспечение для качественных и смешанных методов анализа данных¹¹. MAXQDA совместим с операционными системами Windows и Mac, что делает возможным его применение практически в любой части мира. Технология позволяет анализировать скрипты фокус-групп, интервью и докладов, таблицы, онлайн-опросы, видео- и аудиофайлы, тексты и многое другое.

Существенным отличием функционала MAXQDA от рассмотренных выше программ является то, что пользователь вынужден самостоятельно генерировать коды, находить и загружать в систему корпус текстов, а также кодировать каждый документ. По сути, программа лишь немного упрощает обработку результатов – например, выводит все одинаковые коды из всех текстов в один документ и автоматически формирует облака слов, диаграммы, графики и т.д. Стоимость использования полной версии программы начинается с 47 долларов за полгода.

Таковы наиболее часто встречающиеся на отечественном рынке программные продукты, позволяющие проводить интеллектуальный анализ текста. Что их объединяет?

Прежде всего, это возможность автоматического поиска текстового контента по заданным пользователем тематическим параметрам. Такой функционал есть у всех из рассмотренных выше сервисов, кроме MAXQDA. Данная функция, безусловно, серьезно облегчает работу исследователя и позволяет собрать максимально полный массив документов, в которых упоминается конкретный объект, персон или общность. Причем в область поиска в большинстве случаев попадают как онлайн-СМИ, так и социальные сети, блоги, сайты отзывов и т.д.

Кроме того, технологии автоматически обрабатывают найденный материал (нивелируя тем самым влияние субъективного фактора) и представляют его в презентабельной форме – в виде графиков, диаграмм, облаков слов и т.д.

Вместе с тем, наряду с очевидными преимуществами подобных сервисов, нужно отметить и ряд ограничений, с которыми ученому придется сталкиваться при их использовании. Прежде всего, это относительно высокая стоимость таких продуктов. Представляется, что применять их на постоянной основе (или же хотя бы в течение более или менее продолжительного времени, за которое реально провести масштабное исследование) могут себе позволить лишь достаточно крупные государственные или бизнес-структуры. Исследователям-физическим лицам для приобретения соответствующего программного обеспечения, скорее всего, потребуется грантовая поддержка.

Помимо этого, в большинстве случаев технологии ориентированы на потребности коммерческих структур по анализу репутации, сильных и слабых сторон конкретного бренда, мониторингу отзывов потребителей, сравнению характера представленности собственной продукции с предложениями конкурентов и т.д. Что же касается сугубо политического анализа, то в подавляющем большинстве случаев соответствующий

инструментарий развит слабо. Приходится либо довольствоваться тем, что есть, либо просить разработчиков адаптировать имеющийся функционал под нужды конкретного исследования (за отдельную плату, разумеется).

Опыт использования демоверсий подобных систем свидетельствует о том, что иногда у пользователя может не быть доступа к самим исходным данным. Иными словами, ученый получает только финальные отчеты, но при этом не может посмотреть конкретные тексты, на основе которых программа сгенерировала какие-либо выкладки и количественные данные. На наш взгляд, это очень существенно снижает возможности верификации получаемых таким образом результатов.

Плюс ко всему, очевидно, что любые автоматизированные алгоритмы, как правило, очень успешно обрабатывают числовую информацию, но при этом не всегда столь же эффективны при их качественной, смысловой интерпретации. В этом смысле мы склонны согласиться с С. В. Ямщиковым и Э. С. Ивановым, указавшими на необходимость «антропологической коррекции полученных машинным способом данных»¹². С другой стороны, сам факт того, что данные, которые выдает машина, в конечном счете все равно анализирует и оценивает сам ученый, говорит о том, что присущий «ручному» способу обработки текстов человеческий фактор, по большому счету, присутствует и здесь (хотя и в чуть меньшем масштабе).

Наконец, нужно обратить внимание и на еще одну потенциальную уязвимость автоматизированного анализа данных. Имеем в виду возможные ошибки и несовершенства, заложенные в само программное обеспечение. Не имея доступа к поисковым алгоритмам, ученому приходится полагаться на то, что они составлены корректно, и система, условно говоря, находит все упоминания интересующего его объекта, верно определяет тональность сообщений, правильно считает и т.д. А что, если на уровне программирования были допущены какие-либо ошибки?

Принимая все это во внимание, мы полагаем, что наиболее оптимальным является использование смешанного или полуавтоматизированного режима анализа. Он предполагает, что сбор и обработка имиджформирующих текстов ведется вручную, однако при этом программное обеспечение тоже используется, но в ограниченном объеме и так, чтобы была возможность самому проверить корректность автоматически генерируемых данных. Тем более что существует целый ряд сервисов, которые дают ученому возможность измерить отдельные характеристики медиасообщений, но при этом их использование

совершенно бесплатно (разработчики получают деньги от рекламы, размещенной на таких сайтах). При этом нужно отметить тот факт, что возможности подобных алгоритмов уже были апробированы отечественными учеными¹³.

Разумеется, в таком варианте процесс анализа становится гораздо более трудоемким, но зато, как нам представляется, и более надежным. Вручную получится обработать меньшее количество медиасообщений, однако глубина такого анализа должна быть явно выше, чем в случае с автоматизированной обработкой текстов. В этом плане мы полностью разделяем позицию А. И. Мицкевича, полагающего, что даже небольшое количество источников при их правильном подборе может адекватно отразить общую ситуацию и привести к конкретным выводам¹⁴.

Что именно предполагает смешанный формат обработки имиджформирующих текстов? На наш взгляд, в самом общем виде он может включать в себя следующие этапы:

- выбор релевантных исследовательским задачам источников информации;
- поиск по ключевым словам сообщений по конкретной тематике;
- фиксация элементов медийных повесток дня первого (о чем сообщают в целом) и второго (что именно пишут или говорят по конкретной теме) уровней;
- отслеживание динамики появления медийных материалов по конкретной тематике;
- выявление количественных параметров медиатекстов: уровня их удобочитаемости, «водности», «тошноты» и степени соответствия закону Ципфа;
- определение тональности текстов в отношении интересующего ученого объекта и на этой основе измерение степени агрессивности информационной среды.

Убеждены, что осуществленное подобным образом исследование позволит вскрыть ключевые характеристики имиджформирующих текстов, что, в свою очередь, даст ученому возможность приблизиться к пониманию механизмов их влияния на массовое политическое сознание аудитории.

Примечания

¹ См., например: *Вилков А. А., Тимофеев Е. И.* Политическая технология брендинга региона как возможность формирования его положительного имиджа и повышения инвестиционной привлекательности // *Известия Саратовского университета. Новая*

серия. Серия : Социология. Политология. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 304–311. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-3-304-311>; *Вилков А. А.* Особенности имиджа России в условиях обострения международных отношений // *Международный и национальный механизмы обеспечения суверенитета : материалы VIII Междунар. Конференц. Форума, посвященного 80-летию Саратовской области* (Саратов, 16 декабря 2016 г.). Саратов : Саратовский источник, 2017. С. 53–56.

² *Татарова А. Е., Ильина Л. Е.* Имиджформирующий текст как психолингвистическое явление // *Вестник современных исследований.* 2018. № 8.1 (23). С. 372.

³ См., например: *Важенина И. С., Важенин С. Г.* Имидж как конкурентный ресурс региона // *Регион : экономика и социология.* 2006. № 4. С. 72–84; *Напалкова И. Г., Курочкина К. В.* Имидж Республики Мордовия : образы, символы, стереотипы // *Регионология.* 2020. Т. 28, № 4 (113). С. 866–887. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.113.028.202004.866-887>; *Панина Е. А., Дунаевская Е. А.* Брендинг как технология создания имиджа региона (на примере Республики Адыгея) // *Вестник Майкопского государственного технологического университета.* 2012. № 3. С. 125–128.

⁴ *Долгачева Е. Л., Косюк Е. Ю., Попова Д. Л., Русаков А. М.* Подбор инструментальных средств анализа текстов для создания информационно-аналитической системы // *Научный альманах.* 2020. № 11-2 (73). С. 28.

⁵ См.: *Медиалогия : О компании.* URL: <https://www.mlg.ru/about/> (дата обращения: 10.01.2022).

⁶ *О Brand Analytics.* URL: <https://br-analytics.ru/about/> (дата обращения: 10.01.2022).

⁷ *YouScan : О продукте.* URL: <https://youscan.io/ru/> (дата обращения: 10.01.2022).

⁸ См.: *SemanticForce : About us.* URL: https://semanticforce.net/ru/about/about_us/ (дата обращения: 11.01.2022).

⁹ См.: *IQBuzz : О сервисе.* URL: <https://iqbuzz.pro/about.php> (дата обращения: 11.01.2022).

¹⁰ *Babkee : О нас.* URL: <http://www.babkee.ru/about/> (дата обращения: 11.01.2022).

¹¹ См.: *О MAXQDA.* URL: <https://www.maxqda.com/russia/kachestvennogo-analiza-dannykh> (дата обращения: 11.01.2022).

¹² *Ямицков С. В., Иванов Э. С.* Системы мониторинга интернет-медиа как инструмент социологического исследования виртуальных социальных сетей // *Социосфера.* 2021. № 1. С. 105.

¹³ См., например: *Казаков А. А.* Политическая теория и практика медийной грамотности. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 2019. 172 с.; *Его же.* Результаты апробации методики измерения манипулятивного потенциала политических медиатекстов // *Информационные войны.* 2020. № 3 (55). С. 89–94.

¹⁴ См.: *Мицкевич А. И.* Политическая медиаметрия : управленческо-прикладные аспекты // *Научные труды Республиканского института высшей школы.* 2019. № 18. С. 204.

Поступила в редакцию 15.01.2022; одобрена после рецензирования 25.01.2022; принята к публикации 05.02.2022
The article was submitted 15.01.2022; approved after reviewing 25.01.2022; accepted for publication 05.02.2022

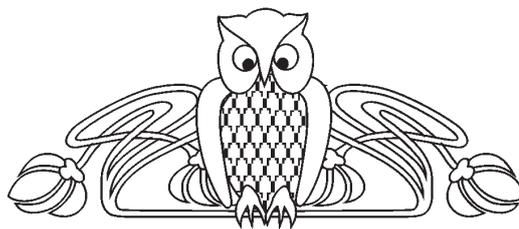
Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 237–242
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 237–242
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-2-237-242>

Научная статья
УДК 32.019.5

«Левый» поворот Америки: новое поколение социалистов

М. С. Трушин

Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, Россия, 430005, г. Саранск, ул. Л. Толстого, д. 3

Трушин Михаил Сергеевич, аспирант отдела региональных исследований и этнологии, mtruman84@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0684-2818>

Аннотация. Статья посвящена изменению отношения американского общества к идеологии социализма в начале XXI в. В статье рассмотрены причины популярности левых идей в США, наиболее популярные интерпретации понятия «социализм» среди американских граждан с учетом их возраста или принадлежности к определенной социальной группе. Отдельно проанализированы программа и история успеха человека, олицетворяющего сегодня американский социализм, – Берни Сандерса, а также влияние его политического взлета на политическое развитие США.

Ключевые слова: США, социализм, выборы, Берни Сандерс, Демократическая партия

Для цитирования: Трушин М. С. «Левый» поворот Америки: новое поколение социалистов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 237–242. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-2-237-242>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

America's left turn: A new generation of socialists

M. S. Trushin

Research Institute of Humanities under the Government of the Republic of Mordovia, 3 L. Tolstoy St., Saransk 430005, Russia

Mikhail S. Trushin, mtruman84@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0684-2818>

Abstract. The article is devoted to the change in the attitude of American society to the ideology of socialism at the beginning of the XXI century. The article examines reasons for popularity of leftist ideas in the United States, the most popular interpretations of the concept of “socialism” among American citizens, taking into account their age or belonging to a particular social group. The program and the success story of Bernie Sanders, a man who embodies American socialism today, as well as the impact of his political “headway” on the political development of the United States, are analyzed.

Keywords: the USA, socialism, elections, Bernie Sanders, Democratic Party

For citation: Trushin M. S. America's left turn: A new generation of socialists. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 237–242 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-2-237-242>

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Недавние события в Соединенных Штатах Америки свидетельствуют о непривычном для жителей этой страны, являющейся общепризнанным в мире оплотом капитализма и либерализма, изменении в отношении к идее «социализма». Акция Оссуры Wall Street в 2011 г., политический взлет первого сенатора-социалиста Берни Сандерса, занявшего второе место на праймериз Демократической партии во время президентских выборов в 2016 и 2020 гг., а также протесты в США в 2020 г. в связи со смертью Д. Флойда, проходившие с участием и в отдельных местах под руководством различных леворадикальных

организаций – это одни из самых ярких событий, свидетельствующих о росте популярности социализма в США. Действительно, согласно опубликованному компанией YouGov опросу в октябре 2020 г., положительно идеологию социализма оценивали 31% опрошенных американцев, 45% положительно оценивали идеологию социал-демократии и 10% идеологию коммунизма¹. В связи с этим актуальными становятся вопросы, касающиеся восприятия американцами идеи социализма, причин роста его популярности и влияния левых идей на выбор американцев в вопросе формирования институтов власти.

Прежде чем говорить о причинах роста популярности социализма в США, нужно разобраться, что современные американцы понимают под термином «социализм». Согласно опросу, проведенному в 2018 г. американским институтом общественного мнения Gallup, лишь 17% опрошенных американцев воспринимают социализм в традиционном для них понимании, т. е. господствующее с 1949 г. в США определение социализма как государственной собственности на средства производства и государственного контроля жизни граждан. Наиболее популярным (23%) оказалось определение социализма как равенства граждан в правах и распределении богатств. Также 10% опрошенных определили социализм как наличие бесплатных социальных услуг (медицина, образование и др.) и еще 6% – как модифицированный коммунизм, а 23% не смогли дать какого-либо определения. Стоит отметить, что понимание социализма как государственной собственности и контроля сократилось с 1949 г. (при 36% не сумевших дать определение) в два раза – с 34 до 17%, а понимание социализма как равенства увеличилось почти в два раза – с 12 до 23%². Здесь следует отметить, что под «равенством», помимо социальной справедливости, подразумевается гражданское равноправие различных социальных групп по расовому, гендерному (принадлежность к определенному полу или сексуальной ориентации), правовому (статус иммигрантов) признакам.

Кроме того, следует обратить внимание на отношение к социализму у различных возрастных групп. Согласно опросам, проводимым институтом Gallup с 2010 по 2019 г., среди американцев, относящихся к поколению «бэби-бумеров» (люди, которые сегодня старше 55 лет), сегодня около 32% положительно относятся к идее социализма. У поколения X (люди, которым сегодня 40–55 лет) положительное отношение к социализму у 39%. А среди наиболее молодого поколения «миллениалов» (нынешние 18–39-летние) положительно относятся к социализму 49%. При этом стоит упомянуть также, что количество людей, позитивно относящихся к капитализму, среди «миллениалов» с 2010 по 2019 г. сократилось с 66 до 51%, в то время как у «бэби-бумеров» этот показатель вырос с 58 до 68%³.

Несмотря на то что американцы, положительно относящиеся к социализму, не являются подавляющим большинством, но составляют как минимум четверть населения США, это вполне можно считать весомым показателем. Для Соединенных Штатов, основанных на идее «американской мечты», которая противопоставляет идее «социального равенства» идею «равных

возможностей», а также традиционно негативному в США отношению к социализму как к идеологии противника в холодной войне, это свидетельствует о явном изменении понимания национальных ценностей в массовом сознании американцев.

Рост популярности левых идей в США всегда имел периодический характер и был связан с определенным кризисом. Так Социалистическая партия Америки переживала свой взлет в первые два десятилетия XX в. ввиду индустриального бума в США, роста числа рабочих и вытекающей из этого потребности защиты их прав. Отколовшаяся от нее Коммунистическая партия США пережила свой взлет в 1930-е гг. на фоне Великой депрессии и была задавлена политикой маккартизма в начале 1950-х, а также страхом рядовых американцев перед «красной угрозой». Еще одним периодом роста левых настроений в США стали 1970-е гг., когда под влиянием идей уже «новых левых» многочисленные массы студентов участвовали в протестах против войны во Вьетнаме и расовой дискриминации афроамериканцев. Стоит отметить, что именно в этот период, накануне раскола социалистической партии Америки, многие ее члены во главе с Майклом Харрингтоном и Максом Шахтманом пришли к выводу, что с ярлыком «социалиста» гораздо разумнее вступить в Демократическую партию США, с которой Харрингтон обнаружил много соприкасающихся идей, с целью постепенного «полевения» ее курса. Позже их примеру последовали многие представители «новых левых»⁴.

Каковы причины популярности социализма в США на современном этапе? Опрос, проведенный институтом Gallup перед выборами 2020 г. с целью узнать проблемы, которые волнуют избирателей при выборе кандидата в президенты, показал, что среди избирателей, собирающихся голосовать за демократов (за которых обычно склонны голосовать в США люди, поддерживающие социализм), наиболее важными являются вопросы здравоохранения, образования, изменения климата, распределения доходов, расовые проблемы и политика в отношении владения оружием. Аналогичные ответы были и у тех граждан, которые еще не определились с выбором кандидата, за исключением вопросов расовой политики и распределения доходов⁵.

Поэтому первая причина сугубо экономическая. Экономический кризис 2008 г. резко обострил проблему безработицы в США, когда к началу 2010 г. безработными были до 10% граждан. Аналогичный удар нанесла пандемия коронавируса в 2020 г., когда безработными оказались до 15% граждан США⁶. Многие американцы в эти периоды столкнулись с проблемой

отсутствия социальных гарантий со стороны государства в важнейших сферах своей жизнедеятельности. С другой стороны, перенос производства американской продукции в Китай привел к ситуации, когда большинство американцев вынуждены работать в сфере услуг, где многие профессии характеризуются отсутствием гарантий постоянной занятости и, соответственно, постоянного дохода. Еще один аспект экономической причины связан с процессом образования. Обычно американские студенты оплачивают свое образование за счет займов в банке, которые выплачивают затем иногда в течение всей жизни.

Вторая причина связана с уже упомянутым увеличением количества людей, понимающих социализм как всестороннее равенство. В социализме многие видят гарантию гражданского и социального равенства между мужчиной и женщиной, белыми и черными, а также гарантию прав любой другой социальной группы, считающей себя «угнетенной», что обеспечивает поддержку этой идеи теми, кто относит себя к данным группам.

Третья причина заключается в изменении мировоззрения самих американцев. Как уже было сказано выше, основную массу сторонников социализма в Америке составляет молодежь. Новое поколение американцев, выросшее после завершения холодной войны и постепенного спада критики социализма в США из-за отсутствия советской угрозы, не считает эту идеологию «инструментом влияния врага», а скорее, ассоциирует ее с понятием «справедливость». К тому же одним из наиболее популярных современных молодежных трендов является «борьба за справедливость». Она включает в себя борьбу против всевозможных источников «агрессии и угнетения» (проблемы оружия, дискриминации меньшинств и прав иммигрантов), а также против вреда экологии (как известно, «зеленую повестку» обычно поднимают левые партии). Во многом это результат влияния деятелей Голливуда и американской поп-культуры (в большинстве своем являющихся сторонниками Демократической партии США), которые поднимают те же проблемы в рамках неолиберальной повестки. Это привело к ситуации, когда американская молодежь, охваченная идеей «борьбы за справедливость», одновременно страдающая от проблем безработицы и образования, видит социализм идеологией, решающей гораздо больше проблем, чем неолиберализм, продвигаемый продукцией Голливуда. С другой стороны, среди американских звезд есть и те, кто прямо поддерживает идею «американского социализма». Так, в ходе избирательной кампании кандидата-социалиста сенатора от Вермонта Берни Сандерса его под-

держали Ариана Гранде, Майли Сайрус, Карди Би, Джек Николсон, Милла Йовович и дюжина других американских звезд⁷. В США поддержка представителями шоу-бизнеса какой-либо повестки является важнейшим фактором успеха ее продвижения, особенно в сознании молодежи. Поэтому неудивительно, что именно Сандерсу выразили свою поддержку представители молодого поколения на праймериз Демократической партии в 2020 г.⁸

Сегодня Берни Сандерс, безусловно, является наиболее популярным социалистом в США. Он позиционирует себя как сторонника демократического социализма и «скандинавской модели» социального государства. В качестве образца он довольно часто приводит Данию, в которой, однако, никакого социализма нет, а сама страна является высокоразвитой либерально-рыночной экономикой. Тем не менее, в своей программе Сандерс предлагает ряд мер, которые, по его мнению, должны приблизить США к «скандинавскому идеалу».

Одним из первых пунктов экономической программы Сандерса значителен повышение минимальной заработной платы в США с 7 долл. до 15 долл. в час. Также Сандерс предлагает принять «Билль об экономических правах 21 века», который должен гарантировать права всех граждан на основные потребности независимо от их правового статуса или принадлежности к какой-либо социальной группе. Его программа обещает погасить все задолженности американцев по студенческим займам (1,6 трлн долл.) и оплате медицинских услуг (81 млрд долл.). В отношении банков предлагается установить ограничения ставки по потребительским кредитам на уровне 15%, а также восстановить закон Гласса – Стиголла. В соответствии с ним коммерческие банки не смогут использовать средства вкладчиков для скупки ценных бумаг на фондовом рынке, что часто становилось причиной их банкротства во время очередного экономического кризиса, как во времена Великой депрессии, когда он и был принят⁹. Сам Сандерс называет одним из вдохновителей своих экономических взглядов Франклина Рузвельта и его экономический курс в 1930-х гг.¹⁰

С позиций социального равенства Сандерс выступает за бесплатное образование (в том числе и высшее) и медицину. Его программа выступает за равенство заработной платы всех граждан вне зависимости от пола или расы, а также содержит пункт строительства социального жилья специально для бездомных. Важное место в программе занимает обеспечение гражданского равенства, направленного на поддержку прав цветного населения США и сексуальных мень-

шинств. Речь идет об инвестициях для создания рабочих мест специально для представителей этих групп или предоставление им специальных рабочих квот, а также ужесточения законодательства в отношении проявления нетерпимости.

Свою экономическую и социальную программу Сандерс планирует осуществлять за счет увеличения налогов с богатых американцев, прежде всего, за счет введения прогрессивного налога и борьбы с офшорами, что должно привлечь огромные дополнительные деньги в бюджет.

В сфере внутренней политики и общественной безопасности Сандерс выступает за предоставление всем нелегальным мигрантам США американского гражданства, при этом является противником привлечения новых мигрантов, возвращения избирательных прав бывшим заключенным, за запрет продажи полуавтоматического оружия, отмену смертной казни, легализацию марихуаны и реформу полиции в сторону сокращения ее полномочий, а также за сокращение прав Агентства национальной безопасности, замеченных в тотальной слежке за гражданами США.

В области экологии программа содержит призывы к дорогостоящим проектам по созданию экологически чистых источников энергии и борьбе с глобальным потеплением.

Во внешней политике Сандерс выступает как критик политики Израиля на Ближнем Востоке (сам будучи евреем по происхождению); он сторонник снятия санкций США с Кубы и договора СВПД (Совместного всеобъемлющего плана действий) с Ираном, касающегося его ядерной промышленности; противник военного вмешательства США во внутренние дела других стран. При этом Сандерс полагает необходимым увеличение финансовой и информационной поддержки «демократических сил в мире», а главной угрозой Западу, особенно Европе, считает «силы, олицетворяющие авторитаризм и несправедливость»¹¹. Как несложно догадаться, под первым подразумевается поддержка «цветных революций», а под «силами, олицетворяющими авторитаризм» – Россия. По его мнению, Россия в лице ее президента Владимира Путина пытается установить авторитарные режимы во всех странах Европы, а также вмешивается во внутренние дела США. Последнее Сандерс считает главной причиной победы Дональда Трампа на президентских выборах в 2016 г. При этом он занимает довольно неоднозначную позицию в отношении России. Например, как сенатор он не голосовал за большинство санкций, введенных США против России в 2014–2021 гг., хотя во всех своих интервью полностью поддерживал их принятие и высказывался за ужесточение санкционного давления на Москву¹².

Проведенный анализ программы показывает, что ввиду отсутствия в ней пунктов национализации собственности и государственного регулирования средств производства Сандерс стоит отнести, скорее, к социал-демократам, чем к демократическим социалистам. С другой стороны, в его программе имеются элементы «позитивной дискриминации», что характерно для «новых левых». Таким образом, его программа охватывает интересы всего левого электората США.

История политического взлета Берни Сандерса в 2016 г. очень похожа на политический взлет его правого оппонента Дональда Трампа. Ввиду того, что еще задолго до начала президентских выборов в США 2016 г. американские СМИ склоняли общественное мнение к наиболее вероятной борьбе Джебба Буша и Хиллари Клинтон, которые, по их мнению, должны выиграть праймериз в своих партиях. Однако агрессивное продвижение данных кандидатов вызвало у избирателей обеих партий обратную реакцию и ощущение, что за них все уже решили. Поэтому на праймериз обеих партий неожиданно вперед вышли кандидаты, не ассоциирующиеся с американской партийной номенклатурой – Трамп у республиканцев, Сандерс у демократов¹³. Кроме того, несмотря на диаметрально различие во взглядах Трампа и Сандерса, у них имеется общая позиция по ключевым для простых американцев вопросам, касающимся возвращения американских заводов из Китая в США для создания новых рабочих мест, а также неприятия новых военных вмешательств США в конфликты других стран. Последнее являлось одним из уязвимых мест имиджа Хиллари Клинтон и Джебба Буша, известных своей поддержкой американского вторжения в Ирак и вмешательства в гражданскую войну в Ливии в 2011 г.

Ход избирательной кампании Сандерса тоже получился своеобразным вызовом американскому истеблишменту. В отличие от всех других кандидатов, Сандерс отказался принимать пожертвования от крупных корпораций и банков и собрал средства для ведения кампании из пожертвований простых американцев, поддерживающих его программу, суммой от 30 до 100 долл., что позволило создать образ «истинного кандидата из народа». Помимо этого, уже вышеупомянутая популярность левых идей среди поколения миллениалов привлекла их на сторону первого в истории США открытого социалиста-кандидата в президенты. Более широкая включенность молодого поколения в интернет-пространство привела к тому, что технологии «цветных революций» в данном случае были испробованы на самой Америке. Телеканалы, печатные СМИ, радиостанции, занимавшиеся продвижением

Хиллари Клинтон, оказались бессильны против огромного информационного потока, который создали в интернете, прежде всего в социальных сетях, сторонники Сандерса¹⁴. Совмещая юмор, массовую культуру и определенные взгляды на актуальные проблемы современной Америки, через создание мемов и фотожаб они создали приятный и узнаваемый образ Берни Сандерса для всех, в том числе и аполитичных людей. Иными словами, образ «кандидата из народа» был создан самим народом в том виде, в каком он более приятен для них самих.

Однако Сандерсу не удалось подняться выше второго места на праймериз Демократической партии ни в 2016 г., ни в 2020 г. С одной стороны, победившие кандидаты от номенклатуры обязаны своей победой поддержке этнических и сексуальных меньшинств, так как они уже давно переняли у «новых левых» стратегию привлечения их голосов. С другой стороны, несмотря на «полевение» идеологии Демократической партии в XXI в., среди ее членов и электората много достаточно состоятельных людей, которые с неудовольствием смотрят на программу Сандерса в области налоговой политики. Можно сказать, что для руководства Демократической партии США любой ее член-социалист важен для привлечения крайне левого электората на выборах, но нежелателен как претендент на занятие ключевых государственных должностей.

Тем не менее, даже второе место Сандерса на праймериз и его успех среди молодых избирателей означали востребованность у американского электората более «левых» политиков, чем традиционные «демократы». Уже после первой кампании Сандерса в 2016 г. в США начался рост различных общественных организаций идеологически левой направленности. Количество членов крупнейшей социалистической организации США, Демократических социалистов Америки, увеличилось в 4 раза, с 25 тыс. чел. в 2017 г. до 94 тыс. чел. в 2021-ом. Эта организация представляет собой объединение различных левых активистов от классических социал-демократов до «новых левых». Своими целями организация провозглашает поддержку любых левых политиков, движений и организаций, которую они оказали, например, обеим президентским кампаниям Сандерса и протестным движениям в США в 2020 г.¹⁵

Вслед за успехом Сандерса в 2016 г. и снятием табу с понятия «социалист» в американской политике эта организация сумела провести в конгресс еще четырех открытых политиков социалистической ориентации: Александру Окасио-Кортес, Рашиду Тлаиб, Ильхан Омар и Прамилу Джаяпал. В отличие от фактически

«социал-демократического» Сандерса, поднимающего преимущественно вопросы социального обеспечения, данные конгрессвумен занимают более радикальную позицию, характерную для демократических социалистов или «новых левых», а тематика поднимаемых ими проблем в основном касается изменения климата, борьбы с расовой ксенофобией и защитой прав иммигрантов. Следует отметить, что немалую роль в их победе сыграла организация Justice Democrats, занимающаяся финансированием и информационной поддержкой продвижения в государственные институты США людей радикальных левых убеждений, преимущественно относящихся к представителям национальных меньшинств США, прямо ставящая целью изменение политической системы США¹⁶.

Итак, на современном этапе политического развития США из-за ряда объективных социально-экономических и субъективных, связанных с изменением мировоззрения американцев, причин наступил новый период роста популярности левых идей. Безусловно, колоссальная заслуга в этом деле принадлежит удачной кампании Берни Сандерса в 2016 г., давшей «второе дыхание» идее социализма в США, которая, казалось, была похоронена из-за результатов холодной войны. Рост числа американских поклонников левых идей в экономике может носить лишь периодический характер и закончиться после стабилизации в американской экономике и решения проблемы занятости населения. В то же время левые идеи, касающиеся гражданского равноправия, по всей вероятности, надолго укоренились в массовом сознании многих американцев, что будет означать запрос на социалистические преобразования в экономике США вне зависимости от ее выхода из кризисного периода. Наконец, исходя из исторического опыта XX в., рост популярности левых, а также наметившаяся их радикализация приведут к ответному росту популярности правых партий и движений.

Примечания

- ¹ См.: What do Americans think socialism looks like? // YouGov. URL: <https://today.yougov.com/topics/politics/articles-reports/2020/10/04/what-do-americans-think-socialism-looks> (дата обращения: 20.09.2021).
- ² См.: The Meaning of “Socialism” to Americans Today // Gallup. URL: <https://news.gallup.com/opinion/polling-matters/243362/meaning-socialism-americans-today.aspx> (дата обращения: 20.09.2021).
- ³ См.: Socialism as Popular as Capitalism Among Young Adults in U.S. // Gallup. URL: <https://news.gallup.com/poll/268766/socialism-popular-capitalism-among-young-adults.aspx> (дата обращения: 20.09.2021).

- 4 См.: Unlike Mike // Democracy Journal. URL: <https://democracyjournal.org/arguments/unlike-mike/> (дата обращения: 21.09.2021).
- 5 См.: Several Issues Tie as Most Important in 2020 Election // Gallup. URL: <https://news.gallup.com/poll/276932/several-issues-tie-important-2020-election.aspx> (дата обращения: 21.09.2021).
- 6 См.: Уровень безработицы в США. URL: <https://ru.investing.com/economic-calendar/unemployment-rate-300> (дата обращения: 21.09.2021).
- 7 См.: Bernie Sanders Celeb Supporters: 35 Stars Who Endorsed Him! URL: <https://www.justjared.com/2020/02/25/bernie-sanders-celeb-supporters-35-stars-who-endorsed-him/> (дата обращения: 21.09.2021).
- 8 См.: New Hampshire Democratic primary exit poll results and analysis // The Washington Post. URL: <https://www.washingtonpost.com/graphics/politics/exit-polls-2020-new-hampshire-primary/> (дата обращения 21.09.2021).
- 9 См.: Официальный сайт Берни Сандерса. URL: <https://berniesanders.com> (дата обращения: 22.09.2021).
- 10 См.: Доброхотов Л. Н. Бернард Сандерс и его концепция построения социализма в США // Стратегические приоритеты. 2016. № 4 (12). С. 101.
- 11 См.: Официальный сайт Берни Сандерса. URL: <https://berniesanders.com> (дата обращения: 22.09.2021).
- 12 Bernie Sanders foreign policy // Council on Foreign Relations. URL: <https://www.cfr.org/election2020/candidate-tracker/bernie-sanders> (дата обращения: 22.09.2021).
- 13 См.: Кагарлицкий Б. Ю. Между классом и дискурсом. Левые интеллектуалы на страже капитализма. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. С. 179. (Политическая теория).
- 14 Там же. С. 181–182.
- 15 См.: Official website Democratic Socialists of America. URL: <https://www.dsausa.org/> (дата обращения: 23.09.2021).
- 16 См.: Жежко-Браун И. В. Политтехнологический проект захвата американского конгресса демократ-социалистами в постобамовскую эру // Политическая экспертиза : ПОЛИТЭКС. 2020. Т. 16, № 1. С. 160–177. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2020.110>

Поступила в редакцию 15.11.2021; одобрена после рецензирования 25.11.2021; принята к публикации 05.12.2021
The article was submitted 15.11.2021; approved after reviewing 25.11.2021; accepted for publication 05.12.2021